

БФУ

ИМЕНИ
ИММАНУИЛА
КАНТА

e-ISSN 3034-3720

ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧЬЯ

НОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Том 8

Калининград
2025

ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧЬЯ

НОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Т. 8

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧЬЯ
НОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Материалы VIII Международной научно-практической конференции

Калининград
16—18 октября 2024 года

Том 8

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
2025

Редакционная коллегия

А. А. Михайлова, канд. геогр. наук, председатель
организационного комитета конференции;
Е. А. Антипова, д-р геогр. наук, проф. ;
А. П. Катровский, д-р геогр. наук, проф.

Проблемы приграничья. Новые траектории международного сотрудничества : материалы VIII Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. А. Михайлова [Электронный ресурс] : научное электронное издание. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2025. — Т. 8. — <https://publish.kantiana.ru/catalog/non-periodical/problemy-prigranichya/2024-tom-8/>

Представлены материалы VIII Международной научно-практической конференции «Новые траектории международного сотрудничества», посвященной памяти профессора, доктора географических наук Геннадия Михайловича Федорова (16—18 октября 2024 г., Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта).

Рассматриваются теоретические, методические и прикладные аспекты исследований приграничных регионов различного территориального уровня. Предметом изучения выступили актуальные социально-экономические, политические и экологические проблемы приграничья и перспективы их решения в современных нестабильных условиях.

Предназначен ученым и специалистам различных научных направлений, занимающимся региональными исследованиями, аспирантам и студентам. Конкретные рекомендации могут быть использованы в практике управления региональным развитием.

e-ISSN 3034-3720

IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY

BORDERLAND ISSUES
NEW TRAJECTORIES
OF INTERNATIONAL COOPERATION

Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference

Kaliningrad
16—18 October 2024

Volume 8

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2025

© Immanuel Kant Baltic Federal University, 2025

Editorial council

Dr Anna A. Mikhaylova, the head of organizing committee of the conference;
Prof Ekaterina A. Antipova;
Prof Alexander P. Katrovsky

Borderland Issues. New Trajectories of International Cooperation : Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference / vol. ed. A. A. Mikhaylova [Electronic resource] : scholarly electronic publication. — Kaliningrad : Immanuel Kant Baltic Federal University Press, 2025. — Vol. 8. — <https://publish.kantiana.ru/catalog/non-periodical/problemy-prigranichya/2024-tom-8/>

The Proceedings of the VIII international scientific and practical conference «New Trajectories of International Cooperation», dedicated to the memory of Professor, Doctor of Geographical Sciences Gennady M. Fedorov, (October 16—19, 2024, Kaliningrad, I. Kant Baltic Federal University) are presented.

Theoretical, methodological and applied aspects of research in the border regions of different territorial levels are considered. Prominent economic, political, social, and environmental problems and the prospects for their solution in modern unstable conditions are in the focus of consideration.

The papers of the collection are intended for scholars and specialists in various research areas engaged in regional research, postgraduate, graduate, and undergraduate students. The policy and managerial recommendations presented can be used in managing regional development.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Михайлова А. А.</i> Международная географическая конференция в самом западном научно-образовательном центре России	11
<i>Теоретические вопросы географии</i>	
<i>Каледин Н. В.</i> Геополитическая регионализация Балтики: предпосылки, современные факторы и результаты	17
<i>Даньшин А. И.</i> Влияние приграничных городов Западного нечерноземья России на сельскохозяйственное разнообразие	23
<i>Михайлов А. С.</i> Инновационная Индия: препятствия для роста	29
<i>Заика Ю. В.</i> Катастрофический дискурс научной дипломатии: на пути к устойчивому развитию в период геополитических перемен	34
<i>Кропинова Е. Г., Мондыч А. С.</i> К актуальности вопроса кадров для туризма	43
<i>Попкова Л. И.</i> Приграничность как фактор демографической устойчивости системы расселения	50
<i>Географические проблемы развития приграничных регионов</i>	
<i>Житин Д. В.</i> Роль миграции населения в трансформации системы расселения Республики Карелия в постсоветский период	58
<i>Кузнецов А. В.</i> Задачи развития турбизнеса в Псковской области — приграничном регионе с неблагоприятным положением — в условиях конфликта с ЕС	64
<i>Горочная В. В., Михайлова А. А.</i> Туристическая привлекательность западных регионов России в условиях геоэкономической турбулентности: Калининградская и Ростовская области	69
<i>Подшуевит О. В.</i> Новые траектории приграничного и межрегионального сотрудничества в Арктике	79
<i>Лазарева В. В.</i> Дифференцированный подход к развитию приграничных территорий: анализ опыта Амурской области	83
<i>Тарантул Р. В.</i> Пункты пропуска на границе с КНР: состояние и перспективы	88
<i>География Калининградской области</i>	
<i>Гуменюк И. С.</i> Трансформация транспортной связности Калининградской области с основной территорией России в новых геополитических реалиях	95
<i>Лялина А. В.</i> Некоторые миграционные факторы и риски развития трудового потенциала Калининградской области	100
<i>Плотникова А. П.</i> Влияние агломерационного фактора на расселение сельского населения Калининградской области	112
<i>Зимовина Е. П., Гайворонская В. В., Коротких А. А.</i> Студенческая семья: мотивация создания и гендерные роли (на примере Калининградской области)	120

Михневич Г. С., Моданова Е. В., Рачина В. Штормовые изменения берега Куршского залива в районе поселка Морское в зимние сезоны 2023 и 2024 годов 128

Хвалец Д. В. Цифровые перспективы сельского хозяйства Калининградской области 138

Интеграционные процессы в российско-белорусском приграничье

Каледин Н. В. Российско-белорусские отношения в контексте геополитической регионализации Балтики 145

Антипова Е. А., Сушкевич Л. О., Титов А. Н. Траектории демографического развития и сжимающиеся города белорусско-российского приграничья 151

Катровский А. П., Ридевский Г. В. Малые города российско-белорусского приграничья: единство в разнообразии? 162

Зверев Ю. М. Военная безопасность Союзного государства: новые угрозы и вызовы 170

Себенцов А. Б., Карпенко М. С. Российско-белорусское приграничье в новых геополитических условиях. В поисках подходов к приграничному сотрудничеству 178

Гуменюк И. С. Проблема развития малых городов и сельской местности в российско-белорусском приграничье 184

Кузавко А. С. Потребительский рынок российско-белорусского приграничья 190

Нижникова А. К., Часовский В. И. Трансграничные туристские маршруты межстоличья — новые возможности развития и сотрудничества 195

Исследования молодых ученых

Абдо Ш. Влияние воздушного транспорта на сезонные колебания и тренды приземного озона в месте измерений в Юго-Восточной Балтике (Прейла, Литва) 202

Андерс В. Траектории развития западных регионов Российской Федерации в условиях санкционного давления со стороны ЕС 211

Кононенко Д. С. Литовцы в российском приграничье Калининградской области 217

Чжао Инь, Шань Чанхай. Приграничные территории Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая: социально-экономическое сотрудничество в рамках идеи «Открытый Дальний Восток» 225

Логвинов И. А. Южно-Якутский ТПК: тенденции и перспективы развития в условиях «поворота на Восток» 232

Нижникова А. К. Перспективы развития туристско-рекреационной сферы малых городов российско-белорусского приграничья 238

Тезисы докладов к 60-летию Калининградского областного отделения Русского географического общества

Рожков-Юрьевский Ю. Д. Об истории отделения Русского географического общества в Калининграде 244

Дробиз М. В. Геодезическое образование в Калининграде: история, современность, перспективы 246

<i>Левченков А. В., Рябкова О. И.</i> Об изучении морских берегов Калининградской области	248
<i>Бандурин К. В., Архипов А. Г., Маслянкин Г. Е.</i> Океанические экспедиционные исследования АтлантНИРО	251
<i>Станченко Л. Ю., Витко Н. В., Савостина О. А.</i> Возможности географического образования в профессиональном самоопределении школьников Калининградской области	253
<i>Захаров С. Е.</i> Геоконцепты как способ представления территории	255

CONTENT

<i>Mikhaylova A. A.</i> International geographical conference in the most western scientific and educational center of Russia	11
---	----

Theoretical Issues of Geography

<i>Kaledin N. V.</i> Geopolitical regionalisation of the Baltics: preconditions, modern factors and results	17
<i>Danshin A. I.</i> Influence of border towns of the Western Non-Chernozem region of Russia on agricultural diversity	23
<i>Mikhaylov A. S.</i> Innovative India: Challenges to Growth	29
<i>Zaika Y. V.</i> Disaster discourse of science diplomacy: towards the sustainable development at times of geopolitical change	34
<i>Kropinova E. G., Mondych A. S.</i> On the relevance of the issue «manpower for tourism»	43
<i>Popkova L. I.</i> Borderality as a factor of demographic sustainability of the settlement system	50

Geographic Problems of the Border Regions Development

<i>Zhitin D. V.</i> The role of population migration in the transformation of the settlement system of the Republic of Karelia in the post-soviet period	58
<i>Kuznetsov A. V.</i> Objectives for the development of tourism business in the Pskov region — a border region with an unfavorable situation in the context of the conflict with the EU	64
<i>Gorochnaya V. V., Mikhaylova A. A.</i> Tourist attractiveness of the Western regions of Russia in the conditions of economic turbulence: Kaliningrad and Rostov regions	69
<i>Podshuveyt O. V.</i> New trajectories for cross-border and interregional cooperation in the Arctic	79
<i>Lazareva V. V.</i> A differentiated approach to the development of border territories: an analysis of the Amur region's experience	83
<i>Tarantul R. V.</i> Border checkpoints with China: status and prospects	88

Geography of the Kaliningrad Region

<i>Gumenyuk I. S.</i> Transformation of transport connectivity of the Kaliningrad region from the main territory of Russia in new geopolitical realities	95
<i>Lialina A. V.</i> Some migration factors and risks of development of labour potential of the Kaliningrad region	100
<i>Plotnikova A. P.</i> The influence of the agglomeration factor on the settlement of the rural population in the Kaliningrad region	112
<i>Zimovina E. P., Gaivoronskaya V. V., Korotkikh A. A.</i> Student's family: motivation for creation and gender roles (on the example of the Kaliningrad region)	120

<i>Mikhnevich G. S., Modanova E. V., Rachipa V.</i> Storm changes of the Curonian lagoon coast in the area of the village of Morskoe in the winter seasons of 2023 and 2024	128
<i>Hvalej D. V.</i> Digital perspectives of agriculture in the Kaliningrad region	138

Integration Processes in the Russian-Belarusian Borderland

<i>Kaledin N. V.</i> Russian-Belarusian relations in the context of geopolitical regionalisation of the Baltic states	145
<i>Antipova E. A., Sushkevich L. O., Tsitou A. N.</i> Trajectories of demographic development and shrinking cities of the Belarusian-Russian borderland	151
<i>Katrovsky A. P., Ridevsky G. V.</i> Small towns of the Russian-Belarusian border area: unity in diversity?	162
<i>Zverev Y. M.</i> Military security of the Union State: new threats and challenges	170
<i>Sebentsov A. B., Karpenko M. S.</i> Russian-Belarusian Borderland in New Geopolitical Conditions. In search of approaches to cross-border co-operation	178
<i>Gumenyuk I. S.</i> The problem of development of small towns and rural areas in the Russian-Belarusian border area	184
<i>Kuzavko A. S.</i> Consumer Market of the Russian-Belarusian border area	190
<i>Nizhnikova A. K., Chasovskii V. I.</i> Intercapital cross-border tourist routes — new opportunities for development and cooperation	195

Young Scientists Research

<i>Abdo Sh.</i> Impact of air transport on the seasonal variations and trends of surface ozone at the South-Eastern Baltic measurement site (Preila, Lithuania)	202
<i>Anders W.</i> Trajectories of development of the Western regions of the Russian Federation in the context of sanctions pressure from the EU	211
<i>Kononenko D. S.</i> Lithuanians in the Russian borderland of the Kaliningrad region	217
<i>Yin Zh., Changhai Sh.</i> Border areas of the Far East of Russia and Northeast China socio-economic cooperation within the framework of the «Open Far East»	225
<i>Logvinov I. A.</i> South Yakutia territorial production complex: trends and prospects for development in the context of the «turn to the East»	232
<i>Nizhnikova A. K.</i> Prospects for the development of the tourist and recreational sector of small towns in the border regions of Russia with the Republic of Belarus	238
<i>Shilova E. S.</i> Trends and prospects for the development of exports of Russian education as a part of Russian Chinese relations	

Meeting Abstracts of the 60th Anniversary of the Kaliningrad Regional Branch of the Russian Geographical Society

<i>Rozhkov-Yurievsky Yu. D.</i> About the history of the branch of the Geographical Society in Kaliningrad	244
<i>Drobiz M. V.</i> Geodetic education in Kaliningrad: history, modernity, prospects	246
<i>Levchenkov A. V., Ryabkova O. I.</i> Study of the seacoasts of the Kaliningrad region	248
<i>Bandurin K. V., Arkhipov A. G., Maslyankin G. E.</i> Ocean expeditionary research of the AtlantNIRO	251

<i>Stanchenko L. Yu., Vitko N. V., Savostina O. A.</i> Possibilities of geographical education in the professional self-determination of schoolchildren in the Kaliningrad region	253
<i>Zakharov S. E.</i> Geoconcepts as a way to represe	255

ПРЕДИСЛОВИЕ

А. А. Михайлова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В САМОМ ЗАПАДНОМ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ЦЕНТРЕ РОССИИ

В 2024 г. уже в восьмой раз на базе Балтийского федерального университета имени И. Канта состоялась Международная научно-практическая конференция «Проблемы приграничья. Новые траектории международного сотрудничества». Соорганизатором выступил Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь). С этого года конференция посвящается памяти профессора, доктора географических наук Геннадия Михайловича Федорова, который был научным идеологом, идейным вдохновителем и бессменным председателем организационного комитета конференции.

Международная научно-практическая конференция задумывалась Геннадием Михайловичем как важная площадка для обсуждения актуальных вопросов регионального развития. Впервые мероприятие прошло в сентябре 2017 г. и имело название «Балтийский регион — регион сотрудничества». Организаторами выступили Институт природопользования, территориального развития и градостроительства БФУ им. И. Канта (Калининград, Россия) и Гданьский университет (Гданьск, Польша). Помимо трех секционных заседаний: «Глобальные вызовы и тенденции: отражение в регионе Балтийского моря»; «Государственные границы в регионе Балтийского моря: барьер или зона контакта»; «Геоэкологические проблемы развития Балтийского региона», на которых было заслушано 32 доклада, — проведены еще два круглых стола: «Состояние и перспективы проектов приграничного российско-польского сотрудничества» (с Морской академией г. Гдыни, Польша) и «Международные отношения в Балтийском регионе: история и современные вызовы». Всего в работе географической конференции приняли участие 60 ученых, в том числе 15 иностранных.

С 2018 г. конференция стала ежегодной, а лучшие доклады, презентованные в дни ее прохождения, стали публиковаться в одноименном научном издании «Балтийский регион — регион сотрудничества». В настоящее время издание является периодическим и носит название «Проблемы приграничья. Новые траектории международного сотрудничества». Уважаемый читатель видит перед собой уже восьмой том. Всего за 2018—2023 гг. было издано 7 томов, содержащих 257 статей на самые актуальные темы регионального развития, которые доступны для чтения в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (рис. 1).

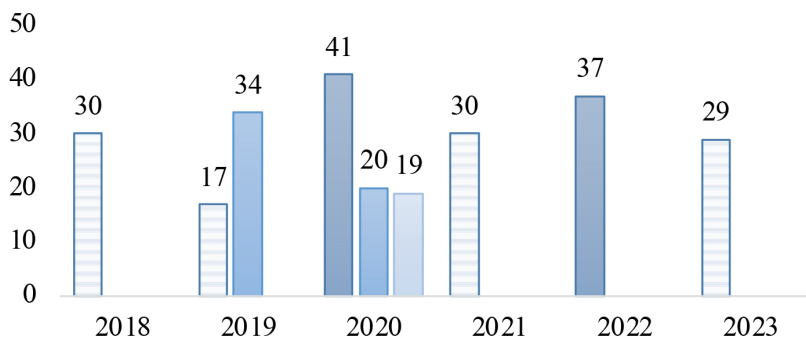

Рис. 1. Динамика публикаций в периодическом издании «Проблемы приграничья. Новые траектории международного сотрудничества» (eISSN: 3034-3720), 2018—2023 гг., ед.

Примечание. В 2019 и 2020 гг. издание имело несколько частей.

В разные годы в фокусе конференции были по-настоящему актуальные для российского приграничья вопросы:

2018 г. — трансграничное сотрудничество России и ее регионов с сопредельными странами и их приграничными регионами;

2019 г. — взаимодействие России и ее регионов с зарубежными соседями, расположенными вокруг Балтийского моря;

2020 г. — проблемы регионального развития в условиях пандемии коронавируса;

2022 г. — новый миропорядок и международные связи приграничных регионов в эпоху глобальных потрясений;

2024 г. — развитие приграничных территорий как наиболее чувствительных к меняющейся геополитической обстановке.

Международную конференцию в самом западном регионе России всегда отличала обширная география участников. За 2017—2024 гг. в ее работе приняли участие свыше 330 ведущих и молодых ученых из разных стран, а это свыше 60 участников ежегодно, из которых доля иностранцев составляла от 10 до 30 % (это не только коллеги из соседних для Калининградской области Литвы и Польши, но и исследователи из Японии, Индии, Китая и других стран). Всего за эти годы были презентованы результаты исследований представителей 95 научных, образовательных и некоммерческих организаций из 22 субъектов России и 12 стран. В общей сложности география участия составила 45 городов (рис. 2).

С 2020 г. благодаря или вопреки пандемии коронавируса, охватившей весь мир, VI Международная научно-практическая конференция приобрела свой новый формат, перейдя в онлайн. Этот год стал рекордным по количеству участников — 115 ученых, 20 из которых представляли Польшу, Литву, Германию, Беларусь, Австралию и Индию. Обширная программа конференции включила 88 докладов по 8 направлениям:

- Балтийский регион — регион сотрудничества;

- трансграничная регионализация в эпоху политических и экономических потрясений;
- экономическая безопасность и география предпринимательства;
- география инноваций и цифровое пространство государства;
- устойчивое развитие и рациональное природопользование: новые подходы и технологии;
- регион в фокусе современной политической географии;
- туризм и рекреация в приморских регионах;
- система образования и человеческий капитал: новые вызовы для регионов.

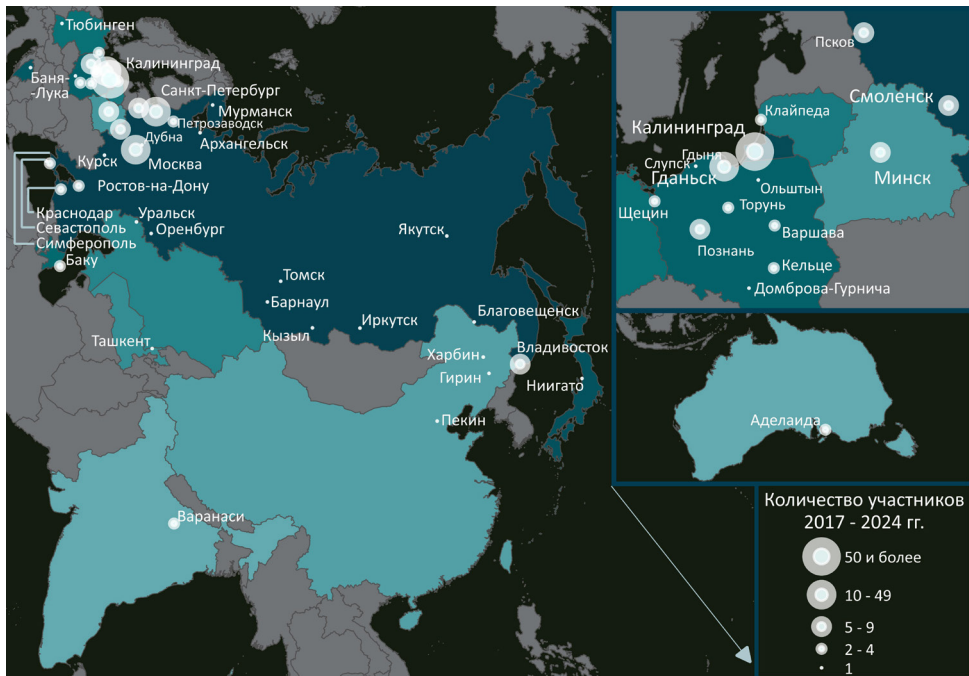

Рис. 2. География докладчиков Международной научно-практической конференции «Проблемы приграничья. Новые траектории международного сотрудничества», 2017—2024 гг.

Сама конференция получила финансовую поддержку со стороны Российского фонда фундаментальных исследований, что позволило разработать электронный портал special.kantiana.ru/region, на котором были размещены все видео- и презентационные материалы, а также тексты докладов, совокупное количество просмотров которых в первые месяцы работы портала составило более 1000 раз.

Вот как о конференции, четвертой по счету и первой в онлайн, писал профессор Г. М. Федоров:

Конференция посвящена 175-летию юбилею Русского географического общества, членами которого являются многие докладчики. Выступления в дни работы конференции затронули сферы компетенций общественной и естественной ге-

ографии, а также региональных направлений смежных научных дисциплин. Хочу отметить широкий географический охват объектов исследования: от Балтийского региона до регионов Сибири, от Арктики до Черного моря. Очень рад, что многие зарубежные участники — это наши давние научные партнеры и коллеги, с которыми реализуются совместные проекты программ приграничного сотрудничества, инициированные Европейским союзом и Российской Федерацией.

В 2021 г. Г. М. Федоров отмечал:

БФУ им. И. Канта продолжает усиливать свою роль научного центра региональных исследований, в том числе реализуемых совместно российскими и зарубежными учеными. В этот раз конференция из-за пандемии коронавируса организована онлайн, но все равно получили обсуждение многие важные теоретические и методические проблемы, практические вопросы изучения Балтийского региона и особенности социально-экономического развития российского эксклава на Балтике — Калининградской области. Представляется, что прошедшая конференция вносит существенный вклад в поддержание традиционных и налаживание новых научных контактов между российскими и зарубежными исследователями.

В 2022 г. в связи с изменившейся геополитической обстановкой Международная конференция сменила название на «Проблемы приграничья. Новые траектории международного сотрудничества», однако сохранила свою научную значимость в качестве международной дискуссионной площадки по проблемам регионального развития. Г. М. Федоров так объяснял смену названия:

Все пять предыдущих осенних Международных конференций, организованных Балтийским федеральным университетом и Калининградским отделением Русского географического общества, имели общий подзаголовок «Балтийский регион — регион сотрудничества». Но нынешняя, шестая по счету, конференция больше не может так называться. Балтийский регион, недавно служивший примером международного сотрудничества, превратился в зону усиливающейся конфронтации. Резко сократились прежде разнообразные трансграничные связи, западные партнеры не только разрывают экономические отношения, но и прекратили сотрудничество в сфере науки, образования, спорта, культуры. Затруднены коммуникации Калининградской области с основной частью страны.

Организаторами шестой конференции выступили БФУ им. И. Канта и Калининградское отделение Русского географического общества, в ее работе приняли участие 60 ведущих и молодых специалистов в области общественной географии из 9 регионов России, а также Беларуси, Сербии и Китая. Было заслушано 42 доклада по 8 направлениям географических исследований, включая перспективы развития российско-белорусского и российско-китайского сотрудничества; место приграничных регионов в эпоху глобальных потрясений; морехозяйственный вектор российской экономики; проблемы устойчивого развития и рационального природопользования; а также вопросы миграционного, инновационного и сельского развития. Нужно отметить, что геополитические потрясения, с которыми столкнулась Россия в 2022 г., нашли отражение в новых тематических направлениях работы конференции, в том числе появилась отдельная секция с докладами, посвященными восточному вектору партнерства приграничных регионов России со странами Азии.

В 2023 г. впервые был реализован гибридный формат проведения конференции: из онлайн в офлайн и обратно. В первый день конференции в историко-культурном центре «Королевские ворота» музея-заповедника «Музей Мирового океана» состоялся круглый стол «Региональная география. К 60-летию Калининградского областного отделения Русского географического общества». По окончании его работы участники подключились к процедуре открытия памятного знака Андрею Болотову у Королевских ворот. Тезисы докладов всех выступавших на круглом столе представлены в данном сборнике в рамках специального раздела.

В течение двух следующих дней прошла основная часть Международной конференции, состоявшая из пяти секций, работа которых была направлена на комплексное освещение проблем и перспектив развития приграничных регионов. Всего в мероприятиях Международной конференции приняли участие около 100 представителей научного сообщества. География докладчиков охватила 20 научных организаций из 11 городов России. В течение трех дней было заслушано 62 доклада, в которых отражалась актуальная повестка в сфере общественной географии и региональных исследований.

В 2024 г. практика проведения конференции в гибридном формате была продолжена, а само мероприятие поддерживалось из средств программы «Приоритет-2030». В рамках онлайн-части работа велась по пяти секциям:

- Новые траектории развития регионов в условиях геополитических перемен.
- Восточный и Арктический векторы партнерства в зеркале стратегий развития приграничных регионов России.
- Устойчивое развитие и рациональное природопользование в приграничных регионах.
- Трансформация миграционных процессов в приграничье России и сопредельных стран.
- Новые подходы к развитию туристско-рекреационного потенциала приграничных регионов.

Также 18 октября 2024 г. состоялся круглый стол «Интеграционные процессы в российско-белорусском приграничье: достигнутые результаты и новые вызовы» при активном участии ученых-географов из Белорусского государственного университета, СПбГУ, СмолГУ, ИГ РАН, Института Европы РАН и ведущих научных сотрудников ИГРИ БФУ им. И. Канта. Проблематика развития Союзного государства и оценка роли Калининградской области в процессах российско-белорусской интеграции становится одной из приоритетных исследовательских направлений для Института геополитических и региональных исследований БФУ им. И. Канта. В данном сборнике представлены статьи, подготовленные по результатам выступлений в рамках круглого стола.

Всего участниками конференции в 2024 г. стали свыше 60 ведущих и молодых исследователей, занимающихся приграничной проблематикой, из 25 научных и образовательных организаций, в том числе БФУ им. И. Канта, МГУ имени М. В. Ломоносова, СПбГУ, МГИМО, НИУ ВШЭ, ряда отделений Российской академии наук и др. За два дня было заслушано 50 докладов, некоторые из них подготовленных при грантовой поддержке РФФИ. По традиции конференция имела широкую географию участников — из 13 регионов России, а также Республики Беларусь, Германии, КНР и Индонезии. Представлен-

ные в данном издании научные статьи затрагивают различные географические проблемы развития приграничных регионов России и сопредельных стран, с особым вниманием к Калининградской области как к самому западному приграничному российскому региону.

УДК 911.3.32

Н. В. Каледин

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ БАЛТИКИ: ПРЕДПОСЫЛКИ, СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

С позиций концепции геополитической самоорганизации общества рассмотрены содержание и результаты современных процессов геополитической регионализации Балтики: ее тренды и кооперационные и конфликтные геополитические регионы и субрегионы — де-факто и де-юре в рамках доминирующего цивилизационно-геополитического тренда. Показана сложившаяся мультирегиональная биполярная цивилизационно-геополитическая структура Балтики с двумя конфронтационными цивилизационно-геополитическими макрорегионами, с переплетающимися регионообразующими отношениями и общностями де-юре и де-факто: Западоцентричным евроатлантическим и Славяно-православным россиецентричным. Демонстрируется их мультирегиональный характер.

From the standpoint of the political-geographical concept of geopolitical self-organization, society considers the content of the processes of geopolitical regionalization, its trends and geopolitical regions in the Baltic region as the results of the civilizational-geopolitical trend and its regions of cooperation and the conflict regions with its multiregionality.

Ключевые слова: геополитическая регионализация, геополитические регионы, геополитические тренды, мультирегиональность

Keywords: geopolitical regionalization, geopolitical regions, geopolitical trends, multiregionality

Геополитическая регионализация как политико-географическое явление

Формирование многообразных по типам, историческим формам и геопространственным масштабам региональных общностей-регионов — одна из общественно-географических закономерностей и форм *геопространственной самоорганизации общества*. Они включают также процессы и результаты его *геополитической регионализации* посредством регионообразующих геополитических отношений, обеспечивающих взаимную адаптацию политической деятельности разнообразных политических субъектов (государств, международных организаций и др.) и конкретно-исторических условий той или иной

части геопространства, точнее, составляющих его подпространств — территории, акватории, аэротерии, космотерии — и их сочетаний [1; 2]. Итог — возникновение, трансформация, распад многообразных *геополитических региональных общностей*, сопровождающих и обеспечивающих геопространственную самоорганизацию общества.

Геополитические регионообразующие отношения связывают политических субъектов-акторов межгосударственных или(и) внутригосударственных процессов в специфические региональные геополитические общности-системы различного типа и масштаба. Они являются инструментами освоения и контроля субъектами геопространства. При этом региональная целостность, идентичность таких систем обеспечивается не только единством, *общностью* целей сотрудничества и действий по их достижению, но и *конфликтом* геополитических интересов, целей и действий субъектов геополитических отношений. В результате возникают как кооперационные *регионы сотрудничества* с различными интеграционно-геополитическими отношениями, так и *конфликтные регионы*, различные по характеру и степени конфликтности геополитических отношений (конфронтационные, военные, миротворческие, санкционные и др.).

Их типологизация возможна как по специфике субъектов-акторов (государств, международных организаций и др.), по видам политической деятельности, юридическому статусу и управляемости (геополитические регионы де-факто и де-юре), так и по геопространственной специфике — территориальные, акваториальные и другие, в том числе интегральные, а также по масштабам охваченного регионообразующими отношениями геопространства [2].

С этих деятельностно-геопространственных позиций возможен анализ исторической динамики и геополитической самоорганизации и регионализации общества в целом, и отдельных регионов и государств посредством раскрытия конкретно-исторической специфики геополитической самоорганизации общества (геополитических периодов и эпох), а также соответствующих им *регионообразующих геополитических трендов*, формирующих многообразные геополитические региональные общности.

Исторические тренды геополитической регионализации на Балтике

Очевидно, что наиболее многообразную картину исторической динамики геополитической регионализации в мире демонстрирует Евразия — в силу общественно-исторического и геопространственного разнообразия континента. Она представлена во всех геополитических периодах (докапиталистическом, капиталистическом, современном) и их эпохах специфическими конкретно-историческими *регионообразующими геополитическими трендами* и их результатами — разнотипными и разномасштабными *геополитическими региональными общностям*.

Историческая специфика процессов геополитической регионализации на Балтике, ее результаты и перспективы в миниатюре отражают евразийскую специфику геополитических процессов и трендов регионализации, особенно в современный геополитический период (после Первой мировой войны) и в его различные геополитические эпохи [3; 4]. Эти процессы и тренды создали геополитические предпосылки современных факторов и форм регионализации.

В частности, доминировавший в Версальскую (1919—1939 гг.) и Потсдамскую (1945—1990 гг.) эпохи *формационно-геополитический тренд* (социализация и конфронтация капиталистической и социалистической систем) определял биполярную структуру *конфликтного Балтийского геополитического региона де-факто* с двумя центро-периферическими субрегионами, западным «евробалтийским» и восточным «советско-балтийским» полюсами которых были Германия/ЕЭС/НАТО и СССР/ОВД/СЭВ. Отдельный «субрегион нейтралитета» в «евробалтийском» регионе составляла Швеция, дополнившаяся после Второй мировой войны Финляндией.

В Парижско-Беловежскую эпоху (с начала 1990-х гг.) под влиянием новых формационно-геополитических и этногеополитических процессов (распад социалистической системы и ее структур, распад СССР, образование этноцентричных постсоциалистических государств, процесс их вестернизации и интеграции в евроатлантические и евразийские структуры) на Балтике сложился *геополитический тренд многосторонних интеграционных процессов*. Своим первоначальным результатом он имел формирование уникального для Европы и евразийского пространства *кооперационного геополитического региона де-факто* — *Балтийского региона сотрудничества* [5], или многостороннего Балтийского геополитического региона с устойчивыми отношениями сотрудничества.

Современные тенденции геополитической регионализации

Однако с 2014 г. в глобальной геополитической системе и в Евразийской макрорегиональной системе все отчетливее проявляется новый *цивилизационно-геополитический тренд регионализации* как результат взаимодействия между странами *Западной и Евразийских цивилизаций* (Славяно-православной, Исламской, Индуистской, Конфуцианско-буддистской). Он постепенно формирует в Евразии *цивилизационно-геополитические регионы* как регионы *кооперационного типа* на основе *комплементарных* цивилизационно-геополитических отношений (между субъектами цивилизаций с близкими, комплементарными духовными принципами, отличными от западных), так и *конфликтного типа* на основе конфликтных *цивилизационно-геополитических отношений* между политическими субъектами с различными духовными и идеологическими принципами. На Балтике действие этого тренда привело к появлению современной биполярной геополитической общности в виде конфронтационного *Балтийского геополитического макрорегиона* с двумя разными цивилизационно-геополитическими векторами развития его участников и разномасштабными геопропространственными результатами — цивилизационно-геополитическими регионами и субрегионами внутри них.

В результате деструктивных действий политических субъектов Западной цивилизации с 2014 г. против славяно-православных государств сложилась мультирегиональная биполярная цивилизационно-геополитическая структура Балтики с двумя конфронтационными *цивилизационно-геополитическими регионами* с переплетающимися регионообразующими отношениями и общностями де-юре и де-факто: *западоцентричным Евроатлантическим* регионом (балтийские страны, интегрированные в НАТО, ЕС и другие структуры) и *Славяно-православным россицентричным* регионом (прибалтийская Россия и Беларусь, интегрированные союзным договором, СНГ, ОДКБ, военно-по-

литическим сотрудничеством, двусторонними договорами о сотрудничестве прибалтийских субъектов России и областей Беларуси). Для краткости они также могут быть обозначены как «Балтийско-евроатлантический» и «Балтийско-евразийский» регионы.

Одновременно все более очевидной становится мультирегиональность каждого из них, которая задается как глобальными внешними, так и внутрирегиональными балтийскими факторами геополитического регионообразования. Они обусловлены в первую очередь антироссийской и антибелорусской геополитикой коллективного Запада, проявившейся в следующих процессах и их результатах:

- а) в постепенном расширении ЕС и НАТО на восток с 1990-х гг.;
- б) в «цветных революциях» и их попытках в странах постсоветского пространства;
- в) в украинском внутривосточном и геополитическом кризисе 2013—2014 гг., интеграции Крыма и Севастополя с Россией;
- г) в противодействии с 2014 г. политике России по обеспечению собственной безопасности в ее геополитических отношениях с НАТО и Украиной с последующей с 2022 г. специальной военной операцией России;
- д) в противодействии коллективного Запада этой операции и всесторонней поддержке им Украины;
- е) в комплексных санкционных режимах ЕС, НАТО и их стран-членов против России и Беларуси и их контрсанкциях; в уничтожении основных веток трансбалтийского газопровода «Северный поток» и противодействии возобновлению его работы;
- ж) в геополитике «польского гегемонизма», проявляющейся в попытках Польши реализовать антироссийскую и польскоцентричную модель «Восточного партнерства» [6, с. 27—28], в ее безоговорочной ориентации на США, в милитаризации Польши и создании ею совместно с Литвой и Украиной в 2020 г. «Люблинского треугольника» как «политической платформы с очевидной военно-политической перспективой» [6, с. 31—33];
- з) в расширении и активизации НАТО с 2022 г. в Прибалтике (размещение военных объектов, учения, прием в союз Финляндии и Швеции);
- и) в заключении в 2024 г. Евросоюзом, США, всеми прибалтийскими государствами двусторонних соглашений о безопасности с Украиной и поддержке членства Украины в ЕС и НАТО.

Более всего мультирегиональность проявляется в сложившейся системе конфронтационных биполярных санкционно-геополитических регионов де-факто, пронизывающих весь Балтийский геополитический макрорегион. Они образуют *два санкционных региона*: «Запад-Россия» и «Запад-Беларусь», которые состоят из *18 биполярных субрегионов* с двухсторонними регионообразующими санкционными и контрсанкционными отношениями как между Россией и каждым балтийским государством, так и между каждым из них и Беларусью.

Мультирегиональность *Западоцентричного евроатлантического региона* представлена также сложившимися и формирующимися кооперационными субрегионами де-факто и де-юре: польско-германским, польско-прибалтийским, эстонско-финским субрегионом «морской самообороны» для противодействия российскому флоту на Балтике и др.

В частности, этот геополитический вектор, активно реализующийся «небалтийской» Украиной через различные формы сотрудничества с Польшей и всеми прибалтийскими странами, позволяет говорить не только о ее растущей интеграции, но и о формировании в данном регионе нескольких кооперационных субрегионов с ее участием: а) комплексного польско-украинского на базе ряда двусторонних соглашений; б) «Люблинского треугольника» — польско-литовско-украинского субрегиона военно-политического сотрудничества; в) польско-украинско-прибалтийского кооперационного субрегиона «обороны и безопасности» с участием ЕС на базе соглашений 2024 г. и др.

Не менее очевидна мультирегиональность *Славяно-православного россицентричного региона*. Его ядро — российско-белорусский кооперационный геополитический регион в форме Союзного государства Беларуси и России, договорных отношений прибалтийских субъектов России (Санкт-Петербурга, Калининградской и Ленинградской областей), Беларуси и белорусских областей. Все более очевиден ее балтийский кооперационный цивилизационно-геополитический вектор, в растущих масштабах реализующийся через Россию вместо прежних прибалтийских стран-партнеров и сделавший Беларусь неотъемлемой частью Балтики. Как его кооперационные геополитические субрегионы де-факто и де-юре можно рассматривать *российско-калининградский, белорусско-калининградский*, а как конфронтационные — субрегионы с соседними евроатлантическими государствами и Украиной.

Очевидны и конфронтационные биполярные «стыковые» геополитические субрегионы в контактной зоне двух выделенных балтийских цивилизационно-геополитических регионов, отличающиеся максимальной остротой конфронтации. В первую очередь это касается субрегионов с участием стран НАТО. В дополнение к ранее сложившимся натовско-российским конфронтационным военно-политическим субрегионам (германскому — субрегиону «враждебного нейтралитета», польско-российско-белорусскому, белорусско-прибалтийскому, литовскому, латвийскому, эстонскому) в 2023—2024 гг. добавились финско-российский, шведско-российский и формирующийся российско-финско-эстонский субрегион «морского противостояния».

Особо следует отметить российско-украинский конфронтационный военно-геополитический субрегион СВО, по сути «трансбалтийский», с учетом евроатлантической составляющей (НАТО, ЕС и другие структуры сторонников Украины).

Таким образом, главными современными чертами геополитической регионализации Балтики как конфронтационного геополитического макрорегиона являются цивилизационно-геополитический тренд регионализации, его биполярность и мультирегиональность. Они отражают специфику новой, «пост-беловежской», цивилизационно-геополитической эпохи, утверждающейся на глобальном и региональном уровнях.

Список литературы

1. Каледин Н. В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996.
2. Каледин Н. В., Каледин В. Н., Гресь Р. А. Геополитические регионы и геополитическая регионализация общества // Современные тенденции пространственного

развития и приоритеты общественной географии : материалы Междунар. науч. конф. в рамках IX ежегодной науч. ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (Барнаул, 12—19 сентября 2018 г.). Т. 2. / отв. ред. Н. И. Быков. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. С.152—155.

3. *Политическая география и геополитика* : учебник для вузов / под ред. Н. В. Каледина, Н. М. Михеевой. М. : Изд-во Юрайт, 2023.

4. *Kaledin N. V., Elatskov A. B.* Geopolitical regionalisation of the Baltic area: the essence and historical dynamics // *Baltic Region*. 2024. № 16 (1). P. 141—158. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-8.

5. *Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С.* Россия на Балтике: 1990—2012 годы : монография, Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта. 2013.

6. *Зверев Ю. М., Межевич Н. М.* Милитаризация Польши и возможные ответы Союзного государства в рамках теории региональных комплексов безопасности. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.

Об авторе

Николай Владимирович Каледин, кандидат географических наук, доцент, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: n.kaledin@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-1436-7527

The author

Dr Nikolai V. Kaledin, Associate Professor, Department of Regional Policy and Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: n.kaledin@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-1436-7527

А. И. Даньшин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия)

ВЛИЯНИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ РОССИИ НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Выявляется связь зависимости приграничного положения городов и их влияния на сельское хозяйство. Вводится понятие сельскохозяйственного разнообразия. Определено, что более сильное влияние на данное разнообразие оказывает не приграничное положение, а наличие городского населения на муниципальной территории, осложненное экономическим состоянием субъекта Федерации, а также агроклиматическим и почвенным потенциалом.

The relationship between the dependence of the border position of cities and their impact on agriculture is revealed. The concept of agricultural diversity is introduced. It is determined that the stronger influence on diversity is not exerted by the border situation, but by the presence of urban population in the municipal territory, complicated by the economic condition of the subject of the Federation and the agro-climatic and soil potential.

Ключевые слова: сельскохозяйственное разнообразие, Западное Нечерноземье, приграничные города, функции границы, центр-периферия

Keywords: agricultural diversity, Western Non-chernozem region, border towns, border functions, center-periphery

Введение

Современные процессы развития экономики, особенно в условиях геополитических перемен, требуют переосмысления участия сельскохозяйственного производства в территориальном развитии тех субъектов Российской Федерации, которые в качестве усложняющего фактора развития имеют приграничное экономико-географическое положение. Функции границы и влияние ее на территорию в понимании большинства экономико-географов имеют двойственный характер. По мнению К. А. Морачевской, контактная и барьерная функции могут формироваться на основе естественно происходящих процессов или создаваться под влиянием политических процессов, происходящих между государствами [1].

В нашем случае при рассмотрении территорий Западного Нечерноземья, включающего Ленинградскую, Псковскую, Смоленскую и Брянскую области, государственная граница может быть как прозрачной и, соответственно, контактной (граница с Республикой Беларусь), так и полностью закрытой и

сейчас малопроницаемой (границы с Республиками Прибалтики и Украиной). Хотя В. И. Боярский утверждает, что контактная функция не всегда соответствует прозрачности границ [2]. В своей диссертации Л. Г. Гуменюк идет дальше, предлагая дополнительно учитывать соотношение барьерной и контактной функций границы, выделяя следующие пять типов территории (административные единицы, регионы) [3]:

- изолированные (отчужденные) I;
- локально взаимодействующие II;
- активно взаимодействующие III;
- взаимозависимые (кооперационные) IV;
- открытые (безбарьерные) V.

В Западном Нечерноземье при рассмотрении взаимодействия на втором уровне административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации возможно проявление практически всех пяти типов приграничных территорий, хотя Л. Г. Гуменюк при их характеристике утверждает, что первый и пятый типы достаточно редко встречаются.

Для наших исследований важно понимание того, что приграничные территории в связи со своим положением могут ощущать разное влияние границ на свое развитие, но в то же время при изолированном и локально взаимодействующем типах на развитие экономики (сельского хозяйства) будут влиять другие факторы.

Методы исследования

Сельскохозяйственная специализация территории как наиболее устойчивый показатель, определяющий ее развитие, базируется на агроклиматическом и почвенном потенциале территории, при этом учитываются экологические особенности каждой сельскохозяйственной культуры и животного. В настоящее время, как правило, существенное влияние оказывает институциональный фактор. Но все равно границы зон специализации — это рубежи, определяемые природными факторами, при условии оптимальности соотношения технологической оснащенности и эффективности производства [4].

Влияющий на производство сельскохозяйственной продукции институциональный фактор может быть серьезным условием по разные стороны границы, хотя и при одинаковых природно-климатических показателях [5—7].

В нашем случае при классификации муниципальных образований на основе идей Л. Г. Гуменюк можно формально выделить все пять типов территорий. Изолированными будут считаться все муниципальные территории регионов, граничащих с Украиной и странами Прибалтики; в последнем случае — за исключением тех, которые имеют прямую связь (пограничные переходы) со странами ЕС. Их можно считать локально взаимодействующими. На границе с Беларусью практически все районы — активно взаимодействующие, а с пограничными переходами — взаимозависимые. Такой подход позволяет в определенной степени исключить серьезно зависимые от приграничной связи территории, на которых пограничный эффект скажется больше всего.

С использованием имеющихся данных Министерства сельского хозяйства России по землепользованию в каждом муниципальном образовании субъектов РФ Западного Нечерноземья [8] была предпринята попытка проследить,

как влияют границы разной проницаемости и города приграничных российских субъектов на сельское хозяйство, а конкретно — на разнообразие сельскохозяйственных культур.

Вычислялось отношение используемой сельскохозяйственной площади, верифицированной по размерам полей (на 1 га), к числу сельскохозяйственных культур, что соответствует нашему пониманию разнообразия (величина, обратная используемой сельскохозяйственной площади, деленной на количество культур в контуре).

Результаты исследования

Величина получившихся значений колеблется в значительных пределах. Максимальные показатели присутствия одной сельскохозяйственной культуры в контуре достигают более 10 га, что характерно для некоторых районов Псковской области, максимальные значения для районов Смоленской области составляют 6—8 га. Такие величины говорят о существенной примитивизации сельского хозяйства и снижении разнообразия до минимальных величин. В Ленинградской области значения показателей появляются лишь в когорте от 1 до 2 га. В Брянской области они еще ниже. Такие показатели предполагают диверсификацию сельскохозяйственного производства.

Влияние приграничного эффекта проявляется лишь в районах, непосредственно участвующих в межгосударственном обмене, то есть, по Л. Г. Гуменюк, открытых (безбарьерных). Но в связи с тем, что в большинстве случаев открытость границ осталась только между Россией и Беларусью, то дополнительно участвует другой фактор — экономическая слабость пограничных российских регионов, а для Брянской области еще и центр-периферийность (табл.).

Влияние пограничного эффекта на сельскохозяйственное разнообразие

Приграничные муниципальные образования по классификации Л. Г. Гуменюк	Площадь контуров, га	Количество контуров, ед.	Площадь одного контура, га	Среднее число культур в одном контуре, ед.	Площадь одной культуры в контуре, га
V	122 883,1	3989	30,81	19,5	1,58
IV	77 245,3	3091	24,99	11,6	2,15
III	203 885,1	8732	23,35	11,6	2,01
II	149 272,5	7196	20,74	19,7	1,05
I	1 899 122,0	66 235	28,67	39,5	0,73

Источник: составлено и рассчитано на основе: Единая федеральная информационная система о землях сельскохозяйственного назначения // Информационные системы Минсельхоза России. URL: <https://efis.mcх.ru/landing/> (дата обращения: 30.08.2024).

Если приграничный эффект не имеет существенного влияния на разнообразие сельскохозяйственных культур, то потребительский фактор может

способствовать увеличению показателя. Муниципальные образования, имеющие городское население, должны потреблять больше сельскохозяйственной продукции, а следовательно, производить более разнообразную продукцию, в том числе в пределах городской черты (городское сельское хозяйство). Анализ зависимости сельскохозяйственного разнообразия от численности городского населения показал (рис.), что четко выделяются четыре совокупности, соответствующие максимальным и минимальным показателям разнообразия.

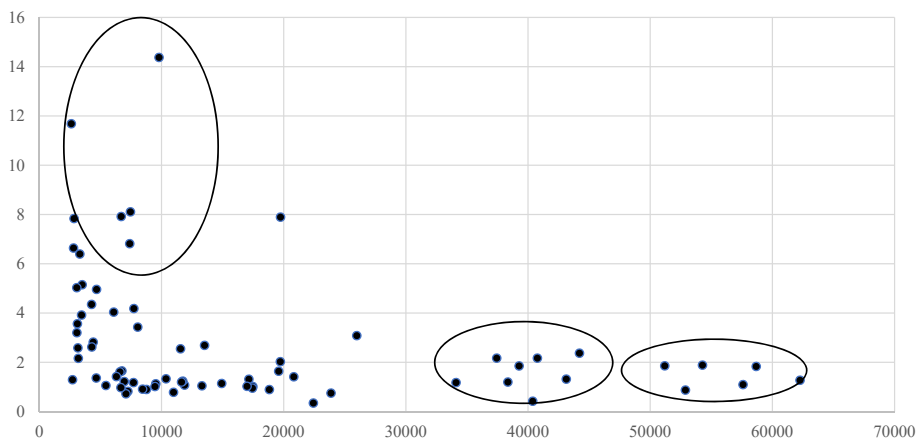

Рис. Зависимость сельскохозяйственного разнообразия от численности городского населения

Примечание. По вертикальной оси — сельскохозяйственное разнообразие, по горизонтальной — численность городского населения (человек).

Источники: составлено и рассчитано автором на основе: Единая федеральная информационная система о землях сельскохозяйственного назначения // Информационные системы Минсельхоза России. URL: <https://efis.mcx.ru/landing/> (дата обращения: 30.08.2024) ; Численность населения по муниципальным образованиям на 1 января 2023 г. : статистический бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. М., 2023.

Из графического рассмотрения исключена четвертая группа с численностью городского населения более 80 тыс. человек, в составе которой — города Ленинградской области с показателями разнообразия 0,68—1,21.

Сельскохозяйственное разнообразие в районах с высокими показателями городского населения, которое еще и повышает среднюю плотность по муниципальному образованию, оказывается гораздо выше, причем со снижением численности горожан разброс индексов разнообразия становится чуть больше. Рубежом при возрастании монотонности сельскохозяйственных культур (как величина, обратная разнообразию) является численность населения в городских населенных пунктах — 25 тыс. человек (первый город в этой группе — Гагарин Смоленской области, 25993 жителей, показатель 3,08). Есть группа муниципальных районов, где при численности горожан менее 10 тыс. человек

показатель разнообразия становится почти монотонным (более 6,00). В данную группу в основном попадают малые города и поселки городского типа Псковской и Смоленской областей.

Заключение

Выявленные закономерности позволяют утверждать, что использование вводимых нами в оборот данных учета сельскохозяйственных земель дает возможность рассчитать разнообразие сельскохозяйственных культур. Практическое использование этого показателя для территорий некоторых приграничных областей показало, что приграничность как фактор влияния на разнообразие сельскохозяйственных культур имеет минимальный коэффициент корреляции. Более значимой оказывается численность городского населения, причем она становится фактором первой степени, при опосредованном участии природного потенциала территории. Показатели разнообразия в Ленинградской области выше, чем в более южной Псковской области. Она и Смоленская область в связи с депрессивностью экономики показывают самые низкие значения разнообразия (в Красногородском районе Псковской области показатель разнообразия достигает 40 га на 1 культуру). В Брянской области уже более значительно проявляется эффект разнообразия, определяемый агроклиматическим потенциалом территории, но четкой разницы зависимости от него между подтаёжной и широколиственной частями области не установлено.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-27-00357 «Малый город в приграничных с Белоруссией регионах России: новая миссия и функции в эпоху неоиндустриальных трансформаций».

Список литературы

1. Морачевская К. А. Феномен приграничности: подходы к интерпретации и роль центр-периферийных градиентов // Региональные исследования. 2022. № 3. С. 44—53. doi: 10.5922/1994-5280-2022-3-4.
2. Боярский В. И. Наука о регулятивной функции государственной границы: основные теоретические и практические выводы, вытекающие из анализа пограничной мысли // Пространство и время. 2013. Т. 3, вып. 1. URL: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/rubr1-teoriya-i-metodologiya-st1-boyarskijvi-2013.pdf> (дата обращения: 30.08.2024).
3. Гуменюк Л. Г. Географические особенности трансграничного сотрудничества приграничных регионов России : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Калининград, 2017.
4. Бабурин В. Л., Даньшин А. И., Катровский А. П. Роль границ в формировании специализации сельского хозяйства западного побережья России // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2019. Т. 64, вып. 3. С. 388—402.
5. Колосов В. А., Зотова М. В., Себенцов А. Б. Структурные особенности экономики и градиенты социально-экономического развития приграничных регионов Беларуси, России и Украины // Известия Российской академии наук. Сер.: Географическая. 2014. № 5. С. 32—46.

6. Катровский А. П., Ридевский Г. В. Сельское хозяйство российско-белорусского приграничья: тенденции развития и трансформация отраслевой и территориальной структуры // Региональные исследования. 2017. № 4 (58). С. 105—115.

7. Морачевская К. А., Довгалоук М. В., Зиновьев А. С., Краснов А. И. Адаптация молочной отрасли регионов российско-белорусского приграничья к политическим и экономическим изменениям 2010-х годов // Региональные исследования. 2018. № 4 (58). С. 115—125.

8. Единая федеральная информационная система о землях сельскохозяйственного назначения // Информационные системы Минсельхоза России. URL: <https://efis.mcx.ru/landing/> (дата обращения: 30.08.2024).

Об авторе

Александр Иванович Даньшин, кандидат географических наук, доцент, доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; старший научный сотрудник, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.

E-mail: alivda@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6645-3510

The author

Dr Aleksandr I. Danshin, Associate Professor, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Senior Researcher, Smolensk State University, Smolensk, Russia.

E-mail: alivda@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6645-3510

А. С. Михайлов

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ИННОВАЦИОННАЯ ИНДИЯ: ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ РОСТА

Рассмотрены особенности национальной инновационной системы Индии и выделены факторы, которые препятствуют ее развитию. Среди основных — технологическая зависимость, слабость кооперационных связей между научными организациями и бизнесом, низкая доля внедрения радикальных инноваций в наиболее инновационные отрасли промышленности.

The article examines the national innovation system of India. The factors that hinder its development are identified. Among the main ones are technological dependence, weak cooperation links between scientific organizations and business, and a low share of implementation of radical innovations in the most innovative industry sectors.

Ключевые слова: инновации, Индия, национальная инновационная система, научно-техническая кооперация, инновационное развитие

Keywords: innovation, India, national innovation system, scientific and technical cooperation, innovative development

Согласно инвестиционному отчету ООН за 2023 г. [1], Индия является одной из наиболее привлекательных стран для прямых иностранных инвестиций (ПИИ), занимая 8-е место в мире по данному показателю. На современном этапе финансовые потоки в страну выросли до 49 млрд долларов США в год, что сделало ее третьей в мире по количеству объявленных новых проектов и второй — по величине международных сделок по проектному финансированию. Среди крупнейших проектов — завод по производству чипов и дисплеев за 19 млрд долларов США (индийская «Vedanta Resources» и тайваньская «Foxconn») и сталелитейный завод стоимостью 5 млрд долларов США (индийская «Adani Group» и южнокорейская «Posco»). Также же следует упомянуть о запуске компанией «Adani Group» совместно с французской «TotalEnergies» производства низкоуглеродного водорода стоимостью 5 млрд долларов США. Еще одним маркером значительного накопленного Индией социально-экономического и инвестиционного потенциала стали ее высокие позиции в рейтингах Индекса глобальной конкурентоспособности [2] и Глобального инновационного индекса [3], в том числе благодаря размещению в индийских городах (Бангалор, Дели, Мумбаи и Ченнаи) инновационных кластеров международного уровня.

Однако, несмотря на высокие показатели инновационной активности последних лет, у Индии все еще сохраняются сложности в обеспечении целост-

ности и долгосрочной устойчивости национальной инновационной системы (НИС). С научной точки зрения сохраняется недостаточная изученность вопросов локализации в индийских регионах процессов генерации научного знания и инноваций [4] и трансформации инновационного процесса в части его укоренения внутри страны через более широкое использование внутренних ресурсов и преимуществ. Цели данной — выявление и оценка факторов, тормозящих развитие инновационной системы Индии в современных условиях.

Пятнадцатого августа 2022 г. исполнилось 75 лет со дня обретения Индией своей независимости. Однако экономика страны по-прежнему развивается в соответствии с устоявшейся колеей развития, определяемой сложившейся географией размещения инновационных компаний и их специализацией [5]. Несмотря на то что Индия смогла извлечь выгоду из своей исторически сильной научно-технической базы (например, в аэрокосмической отрасли) и начавшегося развития отраслей информационных технологий (ИТ) и фармацевтики, включая медицинское оборудование и биотехнологии, все еще сохраняется острая проблема низкой производительности труда и, как следствие, низкого уровня жизни [6].

По мере увеличения Индией импорта технологий становился больше риск снижения интенсивности местными фирмами внутренних исследований и разработок. Изучение промышленного сектора учеными из Мадрасской школы экономики и Индийского технологического института в Бомбее в 2011 г. показало, что, с одной стороны, наличие доступа у иностранных фирм к технологиям материнской компании снижает инвестиции в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР). С другой — приток ПИИ и проведение НИОКР носят взаимодополняющий характер, в том числе активизируют НИОКР иностранных компаний в высокотехнологичных секторах [7]. Аналогичные выводы сделаны в работе [8], которая посвящена анализу роста затрат на НИОКР в результате притока ПИИ в 2000—2012 гг.

Первоначальная ориентация научно-исследовательских центров Индии на локализацию и адаптацию зарубежных технологий постепенно сместилась в сторону технологических инноваций с сохранением фокуса на секторе разработок, а не исследований. Как прокомментировал один из руководителей индийской компании — «дочки» многонациональной корпорации (МНК): «Мы не исследовательская лаборатория с голубым небом. В основном мы занимаемся прагматичными, ориентированными на решение исследованиями» [9, р. 718], что, в первую очередь, связано с наличием недорогостоящего научно-исследовательского персонала.

Каждая пятая международная компания из списка «Fortune 500» проводит НИОКР в Индии, чтобы ускорить темпы производства и лучше адаптировать продукты к развивающимся рынкам. Размещая научно-исследовательские подразделения в Индии, международные компании получают доступ к квалифицированному и недорогому рынку инженерных и научных кадров, а также возможность прямого взаимодействия с клиентами для создания нового продукта, процесса и технологии [10].

Деятельность в области НИОКР в Индии в значительной степени носит адаптационный характер. Индийские фирмы проводят НИОКР для приближения импортных технологий к местным потребностям с учетом платежеспособности рынка, а иностранные филиалы — для адаптации технологий своих

головных организаций [8]. Индия стала известна как центр бережливых, экономных или экономичных инноваций — «джугаад» (jugaad), которые привлекательны для МНК, поскольку они обещают более быстрые результаты при меньших инвестициях [11].

Феномен «джугаад» отражает стремление к доступности и снижению затрат за счет процессных и организационных инноваций, разработки продуктов с упором на экономию [11]. «Джугаад» можно считать традиционным подходом к инновациям в Индии, предполагающим импровизацию с использованием подручных материалов, инструментов и ресурсов. Известные примеры «экономных» инноваций — автомобиль «Tata Nano», портативный электрокардиограф «GE», фильтры для воды «Pureit» и телефоны «Micromax». Однако также «джугаад» стал ассоциироваться с предоставлением некачественных и ненадежных продуктов и услуг [11].

Что касается инвестиций в НИОКР, то фармацевтика и транспорт быстро стали наиболее инновационными отраслями Индии, на их долю в настоящее время приходится почти половина промышленных инвестиций в НИОКР. Наиболее наукоемкая отрасль — производство лекарственных средств и субстанций. Индийские фармацевтические компании являются мировыми лидерами по изготовлению дженериков и имеют опыт разработки новых недорогих лекарств, вышедших из-под действия патента, что позволяет им быть конкурентоспособными на глобальном уровне [11]. Фармацевтика в Индии отличается высокой конкуренцией и привлекает значительные в национальном масштабе инвестиции в НИОКР, включая финансирование биотехнологических предприятий, клинических испытаний, контрактной исследовательской деятельности в дополнение к традиционной разработке продуктов [12].

За период с 1980 по 2009 г. существенно расширилась география экспорта Индией фармацевтической продукции, охватив рынки США и Западной Европы, что привело к росту оборота с 0,3 до 21,73 млрд долларов. При этом анализ деятельности 558 индийских фармацевтических фирм за 1994—2010 гг. не позволил установить значимую роль технологий собственной разработки. Это может быть связано с отсутствием сотрудничества между частными и государственными учреждениями, а также высокими затратами на проведение собственных НИОКР. Местные фармацевтические фирмы получают больше от распространения промышленных технологий, чем от собственных усилий в области НИОКР [13].

Генерация радикальных инноваций в наименьшей мере привлекательна для индийских компаний. Биотехнологические фирмы Индии не ориентированы на передовые разработки, а сосредоточены на биоаналогах. Сфера ИТ может показаться исключением, но на деле индийские фирмы сосредоточились на услугах, а не на продуктах, требующих серьезных технологических инноваций и крупных инвестиций. Индия не находится на переднем крае технологических изменений в области электроники и полупроводников, нанотехнологий, в авиационной и других высокотехнологичных отраслях. Наблюдаемый всплеск патентования (в некоторых центрах высоких технологий, таких как Бангалор, Ченнаи, Дели, Хайдарабад, Мумбаи и Пуна, отмечена максимальная патентная активность) преимущественно связывается с деятельностью иностранных центров НИОКР, а не с поддержкой внутренних инициатив.

Таким образом, слабость индийской НИС на современном этапе в значительной мере обусловлена влиянием следующих факторов:

- высокой зависимостью страны от иностранных технологий и инвестиций;
- ориентированностью на более дешевые инновации адаптационного типа в противовес дорогостоящим рисковым радикальным инновациям;
- слабой связанностью академического сектора и промышленности, что создает существенные барьеры для трансфера результатов НИОКР в экономику;
- высокой неоднородностью территориального развития страны с формированием ограниченного количества географических центров инноваций.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ № 23-27-00149.

Список литературы

1. *United Nations Conference on Trade and Development. World investment report, 2023.* URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_overview_en.pdf (дата обращения: 19.09.2024).
2. *International Institute for Management Development. World Competitiveness Index, 2023.* URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness-ranking/2023> (дата обращения: 27.09.2024).
3. *World Intellectual Property Organization. Global Innovation Index Database, 2022.* URL: <https://www.globalinnovationindex.org/Home> (дата обращения: 24.09.2024).
4. *Crescenzi R., Andrés R.-P. The geography of innovation in China and India // International Journal of Urban and Regional Research. 2017. № 41 (6). P. 1010—1027. doi: 10.1111/1468-2427.12554.*
5. *Thakur S. K., Malecki Ed. J. Regional determinants of research and development institutions in India // GeoJournal. 2015. № 80. P. 533—554. doi: 10.1007/s10708-014-9562-x.*
6. *Watkins A., Papaioannou T., Mugwagwa J., Kale D. National innovation systems and the intermediary role of industry associations in building institutional capacities for innovation in developing countries: A critical review of the literature // Research Policy. 2015. № 44 (8). P. 1407—1418.*
7. *Sasidharan S., Kathuria V. Foreign Direct Investment and R&D: Substitutes or Complements — A Case of Indian Manufacturing after 1991 Reforms // World Development. 2011. № 39 (7). P. 1226—1239. doi: 10.1016/j.worlddev.2010.05.012.*
8. *Khachoo Q., Sharma R. FDI and incumbent R&D behavior: evidence from Indian manufacturing sector // Journal of Economic Studies. 2017. Vol. 44, № 3. P. 380—399. doi: 10.1108/JES-10-2015-0188.*
9. *Aoyama Y., Parthasarathy B. Research and Development Facilities of Multinational Enterprises in India // Eurasian Geography and Economics. 2012. № 53 (6). P. 713—730. doi: 10.2747/1539-7216.53.6.713.*
10. *Jyoti Banwet D. K., Deshmukh S. G. Modelling the success factors for national R&D organizations: a case of India // Journal of Modelling in Management. 2010. Vol. 5, № 2. P. 158—175. doi: 10.1108/17465661011061005.*
11. *Krishnan R. T., Prashantham S. Innovation in and from India: The who, where, what, and when // Global Strategy Journal. 2019. № 9 (3). P. 357—377. doi: 10.1002/gsj.1207.*

12. *Shivdas A., Ray S.* Research and development efforts in Indian pharmaceutical industry: How much does it matter? // *International Journal of Pharmaceutical and Healthcare Marketing*. 2021. Vol. 15, № 4. P. 534—549. doi: 10.1108/IJPHM-01-2020-0004.

13. *Sharma Ch.* R&D, Technology transfer and productivity in the Indian pharmaceutical industry // *International Journal of Innovation Management*. 2016. Vol. 20, № 01. # 1650010. doi: 10.1142/S1363919616500109.

Об авторе

Андрей Сергеевич Михайлов, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-5155-2628

The author

Dr Andrey S. Mikhailov, Leading Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-5155-2628

Ю. В. Заика

Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина
ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук» (Апатиты, Россия)

**КАТАСТРОФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ:
НА ПУТИ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ В ПЕРИОД ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН**

Рассматривается Арктическая зона РФ как обширная приграничная территория, которая претерпевает комплекс природных, экономических, экологических и социальных изменений, особенно ярко проявляющихся в период глобального изменения климата. В Шестом оценочном докладе МГЭИК от 2023 г. говорится, что решения, принимаемые в этом десятилетии, могут повлиять на состояние планеты на тысячелетие вперед. Это требует срочности принимаемых решений, особенно тех, которые касаются Арктического региона, и важности сбалансированного подхода при анализе и мониторинге происходящих изменений. Обсуждаются возможности международного научного диалога в новых для арктического научного пространства географиях и институтах сотрудничества (страны БРИКС+) и пути формирования взаимных научных интересов в рамках глобального климатического дискурса через методологические подходы дипломатии катастроф как составляющей научной дипломатии.

The Arctic zone of the Russian Federation is a vast border territory that is undergoing a whole set of natural, economic, environmental, and social changes that are particularly pronounced during the period of global climate change. The recently published IPCC (Intergovernmental Panel on Climate Change) Sixth Assessment Report 2023 states that decisions made in this decade could affect the state of the planet for a millennium to come. This requires the urgency of decisions, especially those related to the Arctic region, and the importance of a balanced approach in analyzing and monitoring changes. This paper discusses the possibility of international scientific dialog in new for the Arctic scientific space geographies and institutions of cooperation (BRICS+ countries) and ways of forming mutual scientific interests within the global climate discourse through methodological approaches of disaster diplomacy as a component of science diplomacy.

Ключевые слова: международное научное сотрудничество, дипломатия катастроф, научная дипломатия, изменение климата, Арктика

Keywords: international science cooperation, disaster diplomacy, science diplomacy, climate change, Arctic

Сложившаяся в настоящее время практика международного научного сотрудничества в российском пространстве характеризуется постепенным формированием обновленной канвы международного диалога с активным преоб-

ладанием новых географий и институтов сотрудничества. Для успешного их функционирования требуется определение взаимовыгодной основы развития научных приоритетов дальнейшего паритетного взаимодействия в контексте национальных и мировых интересов. Сформировавшись на отдаленных, менее эмоциональных после случившихся геополитических изменений горизонта планирования, эта канва дает более устойчивый фундамент для анализа развития ситуации на перспективу. Большое влияние на формирование новых механизмов и институтов всестороннего диалога в настоящее время имеют усиленная политическая поляризация научного пространства, кризис Глобального Севера и Глобального Юга, а также обнажившийся географический детерминизм в отношении устойчивого развития территорий, где приграничные регионы в силу своего экономико-географического положения занимают более уязвимые позиции по сравнению с другими регионами страны.

В российском контексте в настоящее время активно обсуждается идея *поворота на Восток*, которая в данном случае подразумевает диверсификацию, расширение географий сотрудничества. Этот процесс на территории Российской Федерации всегда происходил неравномерно и разнонаправленно. Институты научного сотрудничества в северо-западной части России на границах своих региональных полномочий и существовавших многолетних практик и механизмов взаимодействия активно сотрудничали со странами западного направления, тогда как институты восточных территорий России более активно налаживали сотрудничество со странами Азии [1; 2].

Существование в рамках отлаженных многолетних институциональных процедур и процессов сотрудничества (например, программ приграничного сотрудничества), а также внезапное прерывание западного вектора создали условия временного вакуума сотрудничества, который стал предопределяющим при формировании новых стратегий развития направлений международной деятельности с активным переходом с запада на восток и юг. Со стороны административно-управленческого дискурса в российском контексте (на фоне ревизии институтов сотрудничества и укрепления практик технологического и научного суверенитета) происходит актуализация значимости «научной дипломатии» как потенциальной основы для налаживания общеполитического диалога [3—6]. Однако такая актуализация может быть чрезмерной, если учитывать сложившийся к настоящему времени международный контекст сотрудничества. Практика изоляционизма сотрудничества «Запад — Россия» остается существенной и подкрепляется формированием новых эксклюзивных (исключающих российский сегмент) направлений и институтов сотрудничества, в том числе укрепление юго-восточного направления со стороны западного научного сообщества (Запад — Юг — Восток).

Важным этапом развития теории научной дипломатии стало выделение трех понятийных измерений, входящих в ее концепт: наука в дипломатии, дипломатия для науки, наука для дипломатии. Наука в дипломатии (*science in diplomacy*) — оказание консультационных услуг научным сообществом правительственным органам в формировании эффективной внешней политики для решения значимых мировых проблем. Дипломатия для науки (*diplomacy for science*) — содействие государственной дипломатии международному научному сотрудничеству. Наука для дипломатии (*science for diplomacy*) —

применение научного сотрудничества в целях поддержания международной стабильности и укрепления доверительных отношений между отдельными государствами [7].

Научная дипломатия определяется как совокупность практик на стыке науки, техники и внешней политики. Имея в своей основе международное научное сотрудничество, то есть «совместную деятельность заинтересованных субъектов в международном (научном) пространстве в сфере их взаимных интересов, которая направлена на достижение определенного результата и целей для общего блага» [8], научная дипломатия затрагивает интересы более широкие, чем научные, и может служить достижению дипломатических целей, продвижению национальных интересов и решению общих проблем, стоящих перед человечеством. В данном исследовании автор рассматривает научную составляющую процесса, то есть науку в дипломатии и науку для дипломатии, и ее значимость в текущих активно меняющихся геополитических условиях.

Многие процессы долгосрочного планирования приоритетов научных исследований (например, арктических на последующие десятилетия) происходят без учета интересов большого числа акторов и стейкхолдеров такого сотрудничества (как территориально, так и количественно), а также высокой плотности местного и коренного населения арктических территорий Российской Федерации, часть из которых также представляет научное сообщество. Например, происходящий в настоящий момент процесс планирования приоритетов арктических научных исследований (ICARPIV – International Conference on Arctic Research Planning 2021-2026, Международная конференция по планированию приоритетов арктических исследований), которые станут основой для предстоящей глобальной программы научного сотрудничества — Международного полярного года 2032—2033 — вовлекают 85 % западного научного сообщества (21 страна), 13,5 % юго-восточного сообщества (5 стран), и 1,5 % российского [9].

Такая политика изоляционизма будет иметь критические последствия для прогнозирования процессов изменения климата. В этом контексте Арктика играет наиважнейшую роль, и не только как самый большой приграничный регион России и мира, но и как чувствительный индикатор происходящих изменений. В дальнейшей перспективе исключение и недоучет такого большого территориального сегмента приведет к ошибкам в научных интерпретациях данных, к низкой их репрезентативности при циркумарктических исследованиях и релевантности научных выводов относительно происходящих глобальных изменений и климатических процессов, условий вечной мерзлоты и грунтового льда, биоразнообразия [10; 11], а впоследствии может повлиять на принятие информированных и обоснованных решений на уровне дипломатического диалога. Российская Арктика характеризуется более разнообразными типами экорегионов (от альпийских, бореальных экосистем до высокой Арктики), на которых постоянно проживает наибольшее из всех арктических территорий мира население. Прерывание долгосрочных (от +30 лет и дольше) мониторинговых наблюдений приведет к еще меньшей достоверности интерпретируемых результатов и процессов. И немаловажным также является

замедление непрерывности научного знания и преемственности поколений, которые стали одной из главных составляющих мирового научного наследия еще в середине прошлого столетия [12; 13].

Арктика всегда была регионом сменяющихся нарративов — от исторических времен завоевания новых территорий, колониального прошлого, связанного с вопросами коренного населения, до героических экспедиций в арктических морях, по островам, а также в район Северного полюса. Арктика сегодня — это пространство интересов не только самих арктических стран, территории которых находятся за полярным кругом и выходят к побережью Северного Ледовитого океана, но и неарктических участников всемирного научного диалога — ввиду своего экономического и ресурсного потенциала, а также возможности применения новых технологий и наукоемких производств, которые ускоряют глобальное технологическое соперничество. Все эти аспекты не только выявляют позитивные эффекты научного сотрудничества, но и приобретают сложный конфронтационный характер, учитывая уязвимость социоэкологических систем Арктики на фоне процессов изменения климата.

Происходящие в последнее десятилетие изменения начали обретать катастрофический дискурс ввиду наблюдаемых быстронарастающих процессов трансформации в окружающей среде. Формирование такого дискурса будет иметь важное значение не только для Арктического региона и его социально-биологических систем, но и для всех приграничных регионов из-за их большей уязвимости перед изменениями условий их социально-экономического благополучия и устойчивого развития. Несмотря на то что научная дипломатия в настоящее время призвана помочь нивелировать коммуникационные разрывы, она, в силу своей все еще формирующейся методологической основы, как дисциплинарное направление не имеет достаточного институционального и теоретического аппарата для решения поставленных задач. Однако одна из составляющих научно-дипломатического дискурса — дипломатия катастроф — имеет более четкие сложившиеся практики сотрудничества даже на границах больших геополитических конфликтов и могла бы послужить моделью развития диалога в текущих условиях. Некоторые авторы уже отмечали преимущества и недостатки научной дипломатии и дипломатии катастроф в различных контекстах и исследованиях [14—16].

Однако одним из наиболее значимых различий между дипломатией катастроф и научной дипломатией является более системная основа первой (рис.).

Научная дипломатия в связи со стихийными бедствиями (дипломатия катастроф) представляет собой подход к повышению устойчивости к стихийным бедствиям и катастрофам с одновременным снижением, нивелированием конфликтов и развитием сотрудничества между государствами, отношения между которыми в противном случае могли бы характеризоваться как напряженные. Эффективная дипломатия катастроф сочетает в себе официальные усилия по урегулированию конфликтов, предпринимаемые правительствами, и коллегияльные обмены между учеными и неакадемическими экспертами по катастрофам, такими как практики и местные носители знаний [16].

По оценкам Управления ООН по снижению риска бедствий, во многих странах мира разработаны и актуализированы политика по снижению риска, а также стратегии управления рисками стихийных бедствий. Наиболее высо-

кими показателями опыта управления в этих сферах характеризуются страны азиатско-тихоокеанского направления и Российская Федерация, тогда как, например, большинство стран Европейского союза демонстрирует недоработанность в этих вопросах [17]. Такая ситуация может послужить основой для последующего обмена опытом и комплексного взаимодействия на всех указанных географических направлениях и в институтах сотрудничества.

- **Управление рисками катастроф**

- наблюдение, оценки, прогнозирование
- предотвращение, смягчение
- подготовка, предупреждение

[ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ (ЧС)]

- **Управление пост-катастрофическим кризисом**

- ОТВЕТ
- восстановление
- оценка соответствия мер, стратегий, социальный и экономический пост-эффект

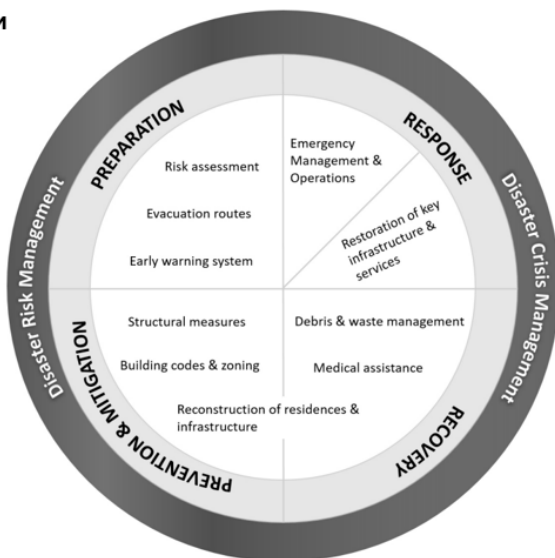

Рис. Составляющие элементы дипломатии катастроф (управление рисками и кризисами чрезвычайных ситуаций), в рамках которой происходит научное и внешнеполитическое взаимодействие

Источник: составлено на основе [15].

Важной составляющей налаживания научного сотрудничества и формирования новых институтов может стать применение модели дипломатии катастроф, учитывая практики управления рисками и кризисами, существующими, например, в странах Ассоциации государств Юго-Восточной Азии — АСЕАН (the Association of Southeast Asian Nations, ASEAN), Карибского сообщества (the Caribbean Community, CARICOM), Лиги арабских государств (the League of Arab States), Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (the South Asian Association for Regional Cooperation, SAARC), Форума тихоокеанских островов (the Pacific Islands Forum, PIF), Тихоокеанского сообщества (the Pacific Community, SPC), Сообщества развития юга Африки (the Southern African Development Community, SADC) [15].

Однако нельзя однозначно утверждать, что дипломатия катастроф является важным фактором в разрешении конфликтов. Напротив, деятельность, связанная с бедствиями, часто влияет на мирные процессы в краткосрочной перспективе — в течение недель и месяцев — при условии, что для примирения

уже существовала основа, не связанная с бедствиями. В роли такой основы зачастую выступает научная дипломатия. Взаимодействие между бедствиями и политикой изучается уже несколько десятилетий, но, как правило, в рамках конкретной политической системы на определенной географической территории или в рамках конкретного бедствия [14]. Происходящие климатические изменения и вызванные ими бедствия, череда катастрофических последствий требуют расширения и буферизации узкой специфики дипломатии катастроф на более обширные географические области. Также краткосрочные перспективы дипломатии катастроф значительно расширяются в условиях происходящего изменения климата, которое фиксируется МГЭИК начиная со второй половины XX в. Ключевым моментом в формировании научных знаний стал Международный геофизический год (МГГ/МППЗ), организованный Международным советом по науке в 1957 г.

Количество бедствий, вызванных изменением климата, растет, и это будет иметь долгосрочные последствия в будущем, увеличивая хронометраж политического и научного взаимодействия. Экстремальные погодные условия, рост температуры, повышение уровня моря и такие разрушительные явления, как засухи, наводнения, лесные пожары, потепление морской среды, закисление океана и рекордные минимумы площади морского льда, становятся все более распространенными, влияя на экосистемы, экономику и благосостояние людей во всем мире. Многие изменения происходят быстрее, чем прогнозировалось ранее, и, как стало ясно из Шестого оценочного доклада МГЭИК (Межправительственная группа экспертов по изменению климата), немало очень серьезных последствий связано с беспрецедентными изменениями в Арктике и Антарктике [18].

В перспективе катастрофический дискурс происходящих климатических изменений может дать не только активную институциональную основу для формирования, планирования и постепенного разрешения существующих конфликтных ситуаций, но и общую составляющую для сотрудничества.

Обновленная Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (от 28 февраля 2024 г.) отражает упомянутые современные тенденции: формирование научно-технологической приоритетной составляющей, и арктическую зону РФ, расширение институтов сотрудничества через актуализацию БРИКС и ШОС, а также развитие научной дипломатии [19]. Подобная административно-управленческая систематизация государственных планов и интересов закладывает прочный фундамент для дальнейшего развития паритетного международного научного диалога в разных географиях.

Научное знание непрерывно, но обладает своей географической спецификой. В данном контексте для целей углубления международного научного диалога Арктический регион необходимо рассматривать с более широкого полярного профиля, где будет происходить пересечение более значительно числа интересов и акторов. Так, Международный полярный год (МППГ) — это глобальная институция, программа сотрудничества, которая за свой более чем 150-летний опыт существования (с 1882—1883 гг. — МППГ1) объединяла страны в общем научном и географическом диалоге на границах различных мировых конфликтов и геополитических потрясений [20; 21]. Прошедший МППГ 2007—2008 гг. в научную программу своих исследований вовлек более 120 стран Северного и Южного полушарий планеты для изучения полярных

регионов Арктики и Антарктики, формируя также знания на стыке двух этих полярных регионов. Национальные офисы и контактные точки МПГ 2007—2008 находились в 38 странах мира на весь период реализации глобальной программы, который составил около 7—8 лет с этапа формирования научной полярной повестки до завершающей стадии публикации отчета о проведении программы. Все страны сегодняшнего БРИКС в рамках прошедшего МПГ имели национальные офисы и активно участвовали в реализации проектной составляющей программы.

В настоящее время международным научным сообществом рассматривается не только укрепление наследия МПГ 2007—2008 в новой научной повестке предстоящего МПГ 2032—2033, но и актуализация темы климатических изменений как сквозной комплексной темы всех процессов полярных регионов планеты. Такой глобальный, исторически зарекомендовавший себя процесс, как Международный полярный год, будет играть важную объединяющую роль на пути формирования нового международного научного диалога.

Возвращение к научному диалогу с западными странами, как показывает текущая ситуация, будет формироваться на основе политического урегулирования конфликта. Отправной точкой для такого возвращения может стать катастрофический климатический дискурс, формирующийся в плоскости полярных исследований на планирующийся в 2032—2033 гг. Международный полярный год, призванный объединить усилия многих стран Северного и Южного полушарий планеты для научно-обоснованного решения вопросов устойчивого развития.

Список литературы

1. *Заика Ю. В.* Мониторинг показателей международной деятельности научных институтов как основа стратегического планирования организационного развития (на примере организаций Мурманской области) // Проблемы приграничья. Новые траектории международного сотрудничества : материалы VI Междунар. науч.-прак. конф. / отв. ред. А. А. Михайлова. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2022. Т. 6. С. 96—102.
2. *Заика Ю. В.* Приграничное сотрудничество как фактор саморазвития регионов российской Арктики (на примере Мурманской области) // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2019. № 4. С. 43—53.
3. *Гутенев М.* Научная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 6. С. 119—127. doi: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-119-127.
4. *Заика Ю. В., Рябова Л. А., Сергунин А. А.* Научная дипломатия в Арктике: платформы, практики, новые вызовы / ФИЦ КНЦ РАН. Апатиты, 2023.
5. *Flink T.* The Sensationalist Discourse of Science Diplomacy: A Critical Reflection // The Hague Journal of Diplomacy. 2020. № 15 (3). P. 359—370. doi: <https://doi.org/10.1163/1871191X-VJA10032>.
6. *Berkman P.* Evolution of Science Diplomacy and Its Local-Global Applications // European Foreign Affairs Review. 2019. № 24. Special Iss. P. 63—80.
7. *The Royal Society* // New Frontiers in Science Diplomacy: Navigating the changing balance of power. L. : Science Policy Centre ; The Royal Society, 2010.

8. *The Madrid Declaration on Science Diplomacy 2019* // S4D4C. February 2019. URL: <https://www.s4d4c.eu/s4d4c-1st-global-meeting/the-madrid-declaration-on-science-diplomacy> (дата обращения: 17.08.2024).
9. *Международная конференция по планированию арктических научных исследований (2021—2026)* ICARPIV : [веб-сайт]. URL: <https://icarp.iasc.info/> (дата обращения: 17.08.2024).
10. *Büntgen U., Rees. G. Global Change Research Needs International Collaboration* // *Science of the Total Environment*. 2023. № 902. P. 166054. doi: 10.1016/j.scitotenv.2023.166054.
11. *Schuur E. A. G., Pallandt M., Göckede M. Russian collaboration loss risks permafrost carbon emissions network* // *Nature Climate Change*. 2024. № 14. P. 410—411. doi: 10.1038/s41558-024-02001-6.
12. *Huntington H. P., Zagorsky A., Kaltenborn B. P. et al. Societal implications of a changing Arctic Ocean* // *Ambio*. 2022. № 51. P. 298—306. doi: 10.1007/s13280-021-01601-2.
13. *López-Blanco E., Topp-Jørgensen E., Christensen T. R. et al. Towards an increasingly biased view on Arctic change* // *Nature Climate Change*. 2024. № 14. P. 152—155. doi: 10.1038/s41558-023-01903-1.
14. *Kelman I. Disaster Diplomacy: How Disasters Affect Peace and Conflict*. Routledge, 2012.
15. *Kontar Y. Y., Beer T., Berkman P. A., Eichelberger J. C. et al. Disaster-related Science Diplomacy: Advancing Global Resilience through International Scientific Collaborations* // *Science & Diplomacy*. 2018. Vol. 7, № 2. URL: <http://www.sciencediplomacy.org/article/2018/disaster-related-science-diplomacy-advancing-global-resilience-through-international> (дата обращения: 17.08.2024).
16. *Comfort L. Disaster: agent of diplomacy or change in international affairs?* // *Cambridge Review of International Affairs*. 2000. Vol. 14, № 1. P. 277—294.
17. *Ritchie H., Rosado P. Natural Disasters*. URL: <https://ourworldindata.org/natural-disasters> (дата обращения: 17.08.2024).
18. *Оценочный доклад МГЭИК: IPCC, 2022: Climate Change 2022: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / H.-O. Pörtner, D. C. Roberts, M. Tignor [et al.]. Cambridge : Cambridge University Press ; N. Y., 2022. doi: 10.1017/9781009325844.*
19. *О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*
20. *Understanding Earth's Polar Challenges: International Polar Year 2007—2008* / eds. I. Krupnik, A. Ian, R. Bell [et al.]. Alberta : CCI Press, 2011.
21. *International Arctic Science Committee. Initial Concept note to IPY 2032-33*. 2023. URL: <https://iasc.info/cooperations/international-polar-year-2032-33> (дата обращения: 10.09.2024).

Об авторе

Юлия Валерьевна Заика, научный сотрудник ИЭП КНЦ РАН, начальник международного отдела, Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия.

E-mail: y.zaika@ksc.ru

ORCID: 0000-0002-9609-1167

The author

Yulia V. Zaika, researcher IES KSC RAS, head of international department, Federal Research Centre «Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences», Apatity, Russia.

E-mail: y.zaika@ksc.ru

ORCID: 0000-0002-9609-1167

Е. Г. Кропинова, А. С. Мондыч

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

К АКТУАЛЬНОСТИ ВОПРОСА КАДРОВ ДЛЯ ТУРИЗМА

Представлен анализ тенденций в публикациях по теме кадров на материалах статистики запросов в электронной системе «eLIBRARY.RU». Результаты были рассмотрены по периодам и по принадлежности к научным направлениям: география, демография, туристско-экскурсионное обслуживание, комплексное исследование регионов и экономика. Акцент проведенного исследования сделан на обеспеченности кадрами в сфере туризма. Было выявлено, что проблема роста дефицита кадров становится более актуальной, при этом уделяется недостаточное внимание геодемографии в данном вопросе.

The paper demonstrates an analysis of publication trends related to manpower by collecting statistics on query results in the electronic system “eLIBRARY.RU”. The results were examined in sections by periods and categorized by scientific disciplines: geography, demography, tourist and excursion services, complex study of regions and economics. The focus of the study is on manpower availability in the tourism sector. The findings indicate that the issue of increasing labor shortage is becoming more urgent and insufficient attention is being paid to geodemography in this matter.

Ключевые слова: кадры, дефицит кадров, туризм, анализ публикаций, демография рабочей силы, геодемография

Keywords: manpower, labor shortage, tourism, analysis of publication, workforce demographics, geodemography

Введение

Тема кадрового дефицита, освещаемая в СМИ, в настоящее время становится все более популярной. Например, в качестве одного из аргументов приводятся данные статистики, прогнозирующие значительный спад численности трудовых ресурсов в стране как следствие «демографической ямы» начала 1990-х гг. В результате число соискателей в возрасте 30—39 лет, наиболее востребованных на рынке труда, станет на 6,3 млн человек меньше, чем сейчас [1]. Этот вопрос особенно актуален для туризма, поскольку данная сфера является одной из самых трудоемких. Не случайно в рамках Национального проекта «Туризм и гостеприимство» на 2025—2030 гг. запланирован проект «Кадры для туризма».

Немало исследователей в своих статьях отмечают тренд на рост дефицита рабочей силы. Так, в статье О. В. Чекмарева, А. Л. Ильвеса, П. А. Конева [2] авторы приходят к выводу: дефицит рабочей силы усиливается, что связано

со снижением числа лиц молодого возраста. Это приведет к сокращению доли мобильного населения и будет препятствовать межрегиональному сглаживанию. Также исследователи отмечают уровень снижения квалификации кадров среди молодежи, выходящей на рынок труда, отток квалифицированных кадров в связи с проведением СВО и снижение миграционного притока [3]. Еще одна тенденция заключается в сокращении числа свободных квалифицированных сотрудников на рынке, что приводит к локализации рынка труда по субъектам страны [4].

Что касается особенностей дефицита кадров в туристической сфере, то его причины большей частью совпадают с другими отраслями: отток человеческого капитала, низкая квалификация, демографические проблемы [5; 6]. Однако можно предположить, что причиной дефицита кадров в сфере туризма становится низкая привлекательность вакансий на фоне других отраслей из-за неудовлетворительного уровня оплаты труда, что может являться темой для отдельного исследования.

Насколько можно заметить, проблема кадров включает себя множество междисциплинарных факторов, которые надо учитывать. Поэтому неудивительно, что мнения и наблюдения исследователей по ряду аспектов пересекаются и дополняют друг друга. О тенденциях развития исследований в данном направлении можно будет сделать выводы, исходя из общей динамики развития публикаций в тематике «Кадры» с упором на туризм. Это позволит выделить направления для дальнейшего развития дискуссии.

Методология исследования

Перед началом работы был составлен перечень ключевых слов по направлению исследования кадров в сфере туризма и проведена проверка запросов в научной электронной библиотеке «eLIBRARY.RU» [7]. В конечный перечень для анализа вошли следующие ключевые слова: *кадры, кадры и туризм, дефицит кадров, дефицит кадров и туризм, демография кадров*. Каждый запрос производился как независимый. В качестве руководства для проведения исследования использовалась статья Д. В. Мальцевой и соавторов [8].

При поиске статей, учтенных в таблицах 1 и 2, в дальнейшем для чистоты результата использовались следующие фильтры, доступные в «eLIBRARY.RU»: «статьи в журналах» и поиск «в названии публикаций», «в ключевых словах», «в аннотации». В выборку не вошли материалы конференций, книги, диссертации, отчеты и патенты. Также были рассмотрены результаты запросов по рубрикам: «39.00.00. География», «05.00.00. Демография», «23.00.00. Комплексное изучение отдельных стран и регионов», «71.00.00. Внутренняя торговля. Туристско-экскурсионное обслуживание» и «06.00.00. Экономика».

Результаты исследования

По итогам анализа запросов были обнаружены факты, подтверждающие рост интереса к проблеме дефицита кадров. Из года в год (табл. 1) в рассмотренных периодах растет число статей по запросу «дефицит кадров»: в 2016—2018 гг. 573 статьи, в 2019—2021 гг. 818 статей и в 2022—2024 гг. 1222 статьи (несмотря на то, что на момент проведения анализа данный период еще не завершен).

Статистика публикаций в «eLIBRARY.RU» по периодам, ед.

Запрос	2010—2012	2013—2015	2016—2018	2019—2021	2022—2024
Кадры	9119	14 289	16 901	17 081	15 903
Кадры и туризм	160	225	275	238	231
Дефицит кадров	198	423	573	818	1222
Дефицит кадров и туризм	2	7	7	9	17
Демография кадров	3	6	10	18	29

Примечание. Можно предположить, что причиной меньшего количества статей по кадрам в период 2022—2024 гг., чем за предыдущие периоды, является то, что 2024 г. на момент написания данной статьи, еще не был завершен (15 901 против 17 081 статьи).

Источник: составлено на основе запросов в библиотеке «eLIBRARY.RU» (дата обращения: 15.10.2024).

Однако количественный подход к анализу не совсем точный, так как здесь оказывает влияние фактор роста общего числа публикаций в базе данных в последние годы. Поэтому далее анализ проводится в форме процентного соотношения статей по запросам «дефицит кадров» / «кадры» $\times 100$ %.

Как можно увидеть на рисунке 1, за последние 12 лет данный процент вырос в три раза: с 2,17 до 7,51 %. Особенно сильный рост произошел после ковидного периода 2019—2021 гг. и выпал на кризисный период 2022—2024 гг. Это может свидетельствовать о том, что проблема дефицита кадров все больше привлекает внимание исследователей, так как доля статей, посвященных кадровому дефициту, увеличивается.

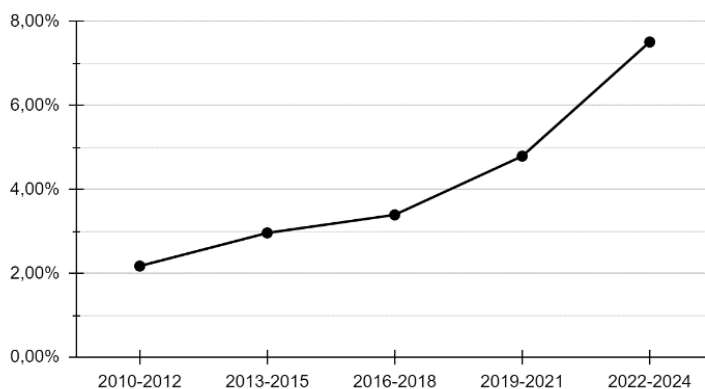

Рис. 1. Отношение статей по дефициту кадров ко всем статьям по кадрам

Источник: составлено на основе запросов в библиотеке «eLIBRARY.RU».

Если рассматривать «дефицит кадров и туризм» (табл. 1), то здесь количество статей относительно невелико, однако аналогично наблюдается рост интереса к теме: с 2 статей в 2010—2012 гг. и до 7 статей в 2016—2018 гг., 9 статей в 2019—2021 гг. и 17 статей в 2022—2024 гг.

Анализ соотношения статей с ключевыми словами «дефицит кадров и туризм» / «кадры и туризм» (рис. 2) позволяет сделать вывод об увеличении доли исследований по тематике кадров и в сфере туризма. За 12 лет произошло увеличение доли статей про дефицит кадров в туризме с 1,25 до 7,36 %, что составляет более четырех раз.

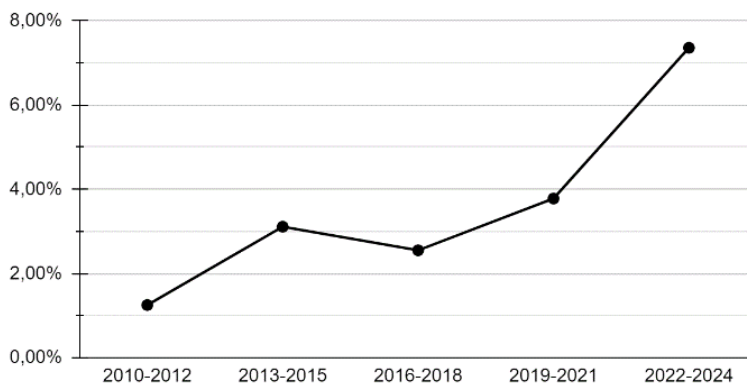

Рис. 2. Соотношение статей по дефициту кадров в туризме и всех статей по кадрам в туризме

Источник: составлено на основе запросов в библиотеке «eLIBRARY.RU».

При сравнении соотношений статей по дефициту кадров и по кадрам в целом (рис. 1) и в туризме (рис. 2) можно отметить, что тенденции совпадают, однако есть различия в динамике. Можно предположить, что дефицит кадров в туризме связан с глобальными мероприятиями: Олимпиада 2014 г., чемпионат мира по футболу 2018 г., а также резким ростом внутреннего туризма в 2022 г. на фоне общего сокращения числа кадров на рынке (рис. 3).

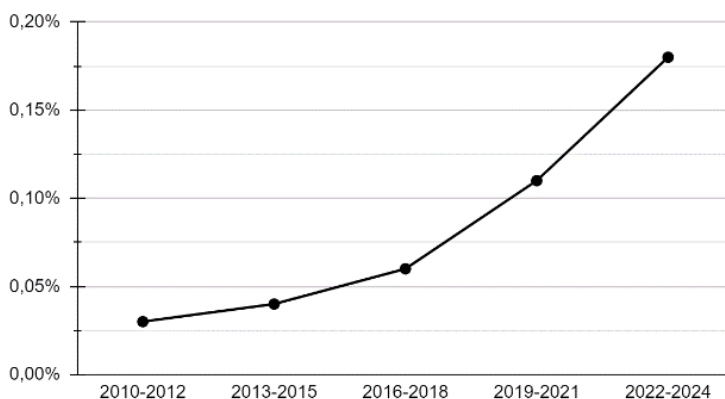

Рис. 3. Соотношение статей по демографии кадров в туризме и всех статей по кадрам в туризме

Источник: составлено на основе запросов в библиотеке «eLIBRARY.RU».

Общее число статей, которые затрагивают тему «демография кадров» (см. табл. 1), относительно невелико, хотя демография, вероятнее всего, является одной из основных причин недостатка кадров на рынке труда. На рисунке 3 видно, что доля статей с тематикой «демография кадров» выросла за 12 лет в 6 раз — с 0,03 до 0,18 % — на фоне общего числа статей по вопросам кадров. Это свидетельствует о том, что в различных научных направлениях в рамках темы «кадры» исследователи обращают больше внимания на фактор демографии, но его доля остается несущественной. Можно предположить, что при дальнейшем обострении демографических проблем (снижение рождаемости и старение населения) тематика дефицита кадров может получить еще большее распространение в различных научных областях.

Актуальное состояние изучения темы кадров по научным рубрикам за последние пять лет представлено в таблице 2. Оно рассматривается по междисциплинарным направлениям, которые наиболее интересны авторам в рамках дальнейших планов по развитию исследований.

Таблица 2

Статистика публикаций по рубрикам в «eLIBRARY.RU» с 2019 по 2024 г., ед.

Запрос	География 39.00.00	Демография 05.00.00	Регионы 23.00.00	Торговля 71.00.00	Экономика 06.00.00
Кадры	526	1026	467	685	28164
Кадры и туризм	71	7	22	254	449
Дефицит кадров	42	180	36	34	1901
Дефицит кадров и туризм	5	2	2	13	25
Демография кадров	4	21	2	2	46

Примечание. Статьи по рубрикам могут пересекаться.

Источник: составлено на основе запросов в библиотеке «eLIBRARY.RU» (дата обращения: 15.10.2024).

Больше всего статей публикуется по теме кадров (табл. 2) в рубрике «Экономика», далее идут (по убыванию) рубрики «Демография», «Торговля», «География» и «Регионы».

В рамках рубрики «География» рассмотрение темы кадрового дефицита с точки зрения геодемографической основы мастер-планирования туристических территорий может принести научную новизну. Так, в 2022—2024 гг. проблему дефицита кадров с данной стороны не рассматривают ни в одной из 23 статей, представленных в «eLIBRARY.RU», среди которых к сфере туризма в целом можно отнести только 3 из них [8—10], лишь 1 из 3 публикаций входит в ядро РИНЦ [6]. Аналогичная ситуация с исследованиями в сфере туризма в период с 2019 до 2021 г.: преобладают темы подготовки кадров и проблемы кадрового обеспечения, а также кадровая политика в различных отраслях экономики.

Если анализировать выдачу статей в «eLIBRARY.RU» по запросу «геодемографический и планирование», то за последние 5 лет (с 2019 по 2024 г.) опубликовано всего пять статей, среди которых только одна посвящена занятости

сельского населения с учетом географического положения [11]. Хотя по запросу «геодемографический» за данный период можно обнаружить 69 статей. Таким образом, из научной дискуссии о дефиците кадров в последнее время выпадает такое направление, как геодемография.

Подводя итог, можно сказать, что тематика кадров актуальна всегда, однако в последнее время (после 2021 г.) получило существенное развитие направление «дефицит кадров». Доля статей по данной проблеме постоянно растет относительно направления «кадры» в целом. Однако мало исследований, которые рассматривают данную проблему с точки зрения географии, комплексного изучения отдельных стран и регионов и туристско-экскурсионного обслуживания, относительно общего числа публикаций. Поэтому дальнейшие исследования по геодемографической основе мастер-планирования туристических территорий и проектов может раскрыть новые аспекты проблемы кадрового дефицита и важность ее для научного сообщества.

Статья подготовлена в ходе разработки грантовой заявки «Обеспечение геодемографической безопасности рынка труда для сферы туризма и гостеприимства эксклавного региона» на конкурс 2025 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс).

Список литературы

1. *Российские* гостиницы начали конкурировать не только за гостей, но и за сотрудников // RTN (RATA-news). Туристическое информационное-агентство. 18.09.2024. URL: <https://ratanews.ru/news/general/rossiiskie-gostinicy-nacali-konkurirovat-ne-tolko-za-gostei-no-i-za-sotrudnikov> (дата обращения: 24.09.2024).

2. *Чекмарев О. В., Ильвес А. Л., Конев П. А.* Занятость и дефицит кадров в России в условиях санкционного давления: факторный анализ предложения труда // Экономика труда. 2022. № 4, т. 10. С. 475—496.

3. *Сизова И. Л., Елагина Е. Д., Орлова Н. С.* Дефицит (квалифицированных) кадров на рынке труда: современные риски // Социальное пространство. 2023. № 3, т. 9. С. 1—16.

4. *Петроченко Т. В.* Влияние дефицита кадров на современный рынок труда в условиях неопределенности // Экономическая среда. 2023. № 4 (45). С. 61—69.

5. *Романцова Д. В., Доценко А. А.* Кадровый голод туристской индустрии приморского края // Сервис в России и за рубежом. 2022. № 2 (99), т. 16. С. 112—120.

6. *Щербакова С. А.* Кадровое обеспечение индустрии туризма (на примере Смоленской области) // Географическая среда и живые системы. 2022. № 4. С. 118—128.

7. *Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU».* URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 23.09.2024).

8. *Мальцева Д. В., Ващенко В. А., Капустин Л. В.* Методология обработки библиографических данных на русском языке для построения сетей коллаборации (на примере базы данных Elibrary) // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2022. № 54-55. С. 45—78.

9. *Максименко М. Л.* Туризм как драйвер социально-экономического развития и повышения качества человеческого потенциала в субъектах Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 8 (134). С. 1—5.

10. Миненкова В. В. Современные тенденции развития индустрии размещения в России // География и туризм. 2023. № 1 (11). С. 23—29.

11. Федоров Г. М., Киндер С., Кузнецова Т. Ю. О роли географического положения и изменения занятости в динамике сельского расселения // Балтийский регион. 2021. № 4 (13). С. 129—146.

Об авторах

Елена Геннадиевна Кропинова, доктор географических наук, профессор образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: EKropinova@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-6971-7275

Андрей Сергеевич Мондыч, аспирант, Высшая школа бизнеса и предпринимательства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: andreymondych.mt@gmail.com

ORCID: 0009-0006-6644-9689

The authors

Prof Elena G. Kropinova, Professor, Institute of Economics, Management and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: EKropinova@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-6971-7275

Andrey S. Mondych, PhD student, Higher School of Business and Entrepreneurship, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: andreymondych.mt@gmail.com

ORCID: 0009-0006-6644-9689

Л. И. Попкова

Курский государственный университет (Курск, Россия)

ПРИГРАНИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ

Актуальность исследования приграничности как одного из факторов демографической устойчивости системы расселения обусловлена всем комплексом геополитических перемен, в том числе скоростью фрагментации приграничного пространства. Цель исследования — выявление особенностей демографической устойчивости системы расселения проблемных приграничных территорий в зависимости от зрелости и функций границы, глубины приграничного пространства, особенностей транспортно-расселенческой ситуации. Предложен вариант методического сопровождения исследований.

The relevance of the study of borderline as one of the factors of demographic stability of the settlement system is due to the whole complex of geopolitical changes, including the rate of fragmentation of the border area. The purpose is to identify the features of the demographic stability of the settlement system of problematic border territories, depending on the maturity and functions of the border, the depth of the border area, and the characteristics of the transport and settlement situation. A variant of methodological support for research is proposed.

Ключевые слова: демографическая устойчивость, система расселения, приграничное пространство, транспортно-расселенческая ситуация, методика

Keywords: demographic stability, settlement system, border area, transport and settlement situation, methodology

Введение

В статье представлена последовательность реализации этапов выявления степени демографической устойчивости: от анализа представлений об устойчивом развитии, через характеристику демографической устойчивости системы расселения — до особенностей оценки этого процесса на приграничных территориях. На демографическую устойчивость оказывают влияние разнообразные факторы и условия, к числу которых относят выгодное географическое положение на пересечении транспортных магистралей, благоприятные природные, исторические и социально-экономические предпосылки, особенно если они действуют синергетически.

При комплексном сочетании этих обстоятельств формируются системы расселения разной степени устойчивости. Территориальные особенности

функционирования и эволюции системы расселения достаточно хорошо изучены для применения на внутренних территориях государства. Но приграничность является важным фактором влияния, который требует отдельных исследований, о чем и свидетельствует данная статья, где в порядке постановки проблемы рассмотрены отдельные аспекты влияния приграничности на демографическую устойчивость систем расселения в условиях геополитических перемен.

При проектировании содержания статьи возникли два основных вопроса. Первый, концептуальный, касается анализа демографической и расселенческой устойчивости региона. Второй, утилитарный, относится к характеристикам устойчивости проблемных геостратегических приграничных территорий, которые отличают их от внутренних местностей. Рассмотрим последовательно каждый из них.

Результаты

Междисциплинарность концепции устойчивого развития

Устойчивость определяется как некоторое свойство системы противостоять деструктуризации. Поскольку системность присуща многим объектам, то и понятие устойчивости носит поли- и междисциплинарный характер, что подтверждается трудами ученых, например:

— философов, оценивающих действенность концепции устойчивого развития только в том случае, если будет найдена реальная альтернатива депопуляции [1, с. 147];

— социологов, акцентирующих внимание на выявлении причин и факторов демографической устойчивости, которая «определяется комплексом экономических, социальных и этнокультурных факторов, будучи подверженной влиянию свойств инерционности и спорадичности пронизывающих общество процессов» [2, с. 48];

— экономистов, в трудах которых приводится система показателей оценки устойчивого развития на различных территориальных иерархических уровнях, отмечается важность миграционного фактора устойчивого развития [3];

— географов, работы которых посвящены устойчивому развитию приграничных территорий по обе стороны от границы, интеграционному потенциалу городских поселений как узловых элементов, укрепляющих опорный каркас, способствующих устойчивости социально-экономического приграничного пространства [4];

— химиков, отмечающих многомерность и междисциплинарность концепции устойчивого развития, направленной на реализацию разумного баланса экономических, социальных, демографических, экологических и политических проблем в противоречащих друг другу процессах глобализации и фрагментации, интеграции и дезинтеграции [5].

О проблемах устойчивого развития писал нобелевский лауреат Ф. Хайек, высказавший нетривиальные доводы против демографического алармизма: «Рост населения, приводя к его дальнейшей дифференциации, может создать условия для еще большего роста населения, и в течение неопределенного времени его прирост, будучи самоускоряющимся, может вместе с тем служить

предварительным условием для любого продвижения цивилизации как в материальной сфере, так и в духовной» [6, с. 210]. Устойчивость системы расселения во многом зависит от интенсивности и направленности процессов естественного и миграционного движения населения. Приведем несколько примеров, отражающих разные аспекты демографической устойчивости.

Представленные в научной литературе взгляды сводятся к нескольким основным, раскрывающим современную точку зрения. Прежде всего, обсуждается спорность понятия «устойчивое развитие». Аргумент в пользу того, что развитие невозможно без движения, находит компромиссное решение по использованию и интерпретации термина «регулируемое развитие», которое представляет собой «целенаправленный контроль над происходящими изменениями, прогнозирование и компенсацию наиболее опасных неустойчивостей и диспропорций» [1, с. 145]. Отметим, что автор имеет в виду все же не свойство процесса развития, а внешнее воздействие на него и те механизмы, которые позволяют гармонизировать и привести в равновесие процессы воспроизводства населения. Кроме того, на волне отрицания понятия Ф. Хайек все же использует устойчивость в ее антагонистической форме «неустойчивости». Если первая позиция носит преимущественно философско-филологический смысл, то следующая точка зрения важна с содержательной геодемографическо-статистической стороны.

Демографическая устойчивость как свойство системы расселения

Принимая во внимание опубликованные претензии к исследуемому понятию, в данной статье будем использовать его в общепринятой коннотации. Оценка устойчивости предполагает анализ ключевых и вспомогательных индикаторов с расчетом комплексного, интегрального показателя методом балльной оценки. При этом следует принимать во внимание стартовые условия формирования демографической устойчивости. Количественные показатели далеко не все и не всегда отражают темпы и реальную картину эволюции демографического развития. Поэтому индикаторы естественного и миграционного движения населения необходимо дополнить качественными характеристиками, отражающими тенденцию к демографическому старению, а также уровнем квалификации экономически активного населения, миграционной привлекательностью территории и др. Только в этом случае подтверждается репрезентативность показателей, пригодных для анализа и сравнения.

Демографическая устойчивость предполагает соотношение процессов рождаемости и смертности на уровне, обеспечивающем естественное воспроизводство населения и сохраняющем миграционный баланс. Устойчивыми не считаются территории с низкими показателями оборота миграций — несмотря на то, что поддерживается стабильная численность населения. Более подробно демографические процессы на геостратегических территориях приграничья описаны в статье [11].

Степень демографической устойчивости — основа, на которой строятся узловые элементы опорного каркаса расселения. Геостратегические приграничные территории, являясь составной частью системы расселения страны, в то же время играют важную связующую роль с соседними государствами. В ряде

случаев — это единая в прошлом конструкция, сформировавшаяся в границах одного государственного образования и развивавшаяся в рамках одинаковых концептуальных требований.

Тем не менее приведем общеизвестный [7—10], но важный для раскрытия темы факт запаздывающего развития внутреннего административного приграничья. Это касается и демографической, и расселенческой ситуации, которая сложилась в силу ограниченности людских ресурсов на периферии и концентрации их в центральных населенных пунктах. Линейные элементы опорного каркаса расселения, пересекающие границу, способствуют налаживанию взаимосвязей при условии преобладания контактной функции и являются тупиками у барьерной границы. Узловые элементы отвечают требованиям устойчивости при условии достаточных ресурсов для организации окружающей территории.

Устойчивое развитие приграничных систем расселения обеспечивается, с одной стороны, соотношением процессов рождаемости, смертности, миграций, с другой — рисунком, конфигурацией, емкостью, выносливостью и надежностью опорного каркаса расселения с учетом особенностей геостратегического географического положения исследуемых территорий.

Особенности демографической ситуации, оказывающие влияние на устойчивость приграничного пространства, выражаются в территориальной дифференциации рождаемости, смертности, естественного воспроизводства на разных участках приграничья. На территориях, оборудованных пограничными переходами, зафиксированы: более благоприятная демографическая ситуация, повышенная по сравнению с другими приграничными территориями доля детей и подростков, пониженная демографическая нагрузка старшими возрастными группами, менее выраженные диспропорции возрастной структуры.

Приграничные и территориально близкие к ним районы обладают повышенной миграционной привлекательностью, что также благоприятно сказывается на демографической устойчивости. При этом необходимо учесть, что данные факты характерны для контактных и фильтрующих границ, в случае с барьерными границами ситуация меняется на прямо противоположную, причем довольно быстро.

Для демографической устойчивости важна степень зрелости границы. Старые, устоявшиеся границы обладают более устойчивой системой расселения, если не испытывают влияния внешних факторов, расшатывающих и узловые, и линейные элементы опорного каркаса. Границы, возникшие на новых российских территориях, испытывают серьезные вызовы, в том числе связанные с неустойчивостью системы расселения и необходимостью ее восстановления и укрепления.

Важность исследования транспортно-расселенческой структуры приграничного пространства обусловлена теми тенденциями, которые наблюдаются при рассмотрении вопросов глубины приграничного пространства в зависимости от вариантов приграничных ситуаций, сформированных сочетанием узловых и линейных элементов системы расселения:

- трансграничные полимагистралы связывают крупные города;
- второстепенные дороги соединяют средние по людности города или поселки городского типа (пгт);
- дороги заканчиваются тупиками у сельских населенных пунктов.

Первые два варианта формируют транспортные коридоры между населенными пунктами разных иерархических уровней, порождая асимметричное расселение и дифференцированную глубину приграничного пространства.

Необходимо также учитывать фрагментацию приграничного пространства, при которой процессы на «новых» и «старых» границах различаются по скорости и характеру преобразований, усугубляя асимметрию систем расселения. В частности, происходит сжатие трансграничных взаимодействий до полной их ликвидации.

При рассмотрении аналогичных вариантов на внутренних территориях возможна ситуация, при которой крупные города связаны дорогами между собой и с другими населенными пунктами, средние связаны между собой, а также с пгт и селами. Тупиковые дороги возможны у административных границ. Формируется «решетка» из узлов и линий, стремящаяся к равномерности распределения элементов опорного каркаса.

Методическое сопровождение исследований устойчивости системы расселения приграничья

Анализ поселенческого каркаса, соответствующего возможностям эффективного выполнения приграничными территориями их функций в конкретных пространственно-временных условиях, позволит обозначить направления и пути укрепления устойчивости к внешним и внутренним вызовам [7]. Ключевыми игроками методического сопровождения исследований выступают территориально распределенная база статистических данных, экспедиционные наблюдения на местности, картографическое геоинформационное моделирование.

При работе со статистическими материалами необходимо учитывать ряд проблемных ситуаций. Одна из них связана с сопоставимостью баз данных показателей демографического развития. Несопоставимость может быть связана с терминологической неоднозначностью формулировок, например понятия «миграция»: страны могут использовать различные методики расчета индикаторов, применять разные единицы измерения и пр.

Как и любая статистическая информация, демографические данные страдают изъянами их полноты и достоверности. Даже в пределах одного государства территориальные органы государственной статистики предоставляют набор демографических показателей с разной степенью дробности. Сложно собрать и сопоставить информацию, например, по городским поселениям. Проблема заключается в том, что демографическая статистика охватывает только часть городов российских регионов, и это не позволяет полноценно анализировать и сопоставлять важнейшие структурные характеристики населения. Существуют и различия в наборе публикуемых показателей, единицах их измерения.

Еще одно подводное течение связано не столько с несовершенством, сколько с разными методологиями расчета демографических показателей, особенно миграционных, что приводит к некорректности сопоставлений. Каждая страна выбирает ту методику, которая в большей степени соответствует идеологическим предпочтениям данного временного периода.

Все это обуславливает необходимость дополнительных расчетных операций по приведению открытых данных в состояние сопоставимости, что увели-

чивает трудоемкость исследования и оказывает влияние на его объективность. Кроме того, получение сопоставимой информации о приграничных районах соседствующих стран усложняется при сборе статистики в условиях «прозрачных» границ, а также при изменении границ государства в результате проведения специальной военной операции [12, с. 93].

Вторая важная составляющая методики исследования демографической устойчивости системы расселения приграничных регионов — экспедиционные выезды, охватывающие непосредственное приграничное пространство и административные центры приграничных территориальных образований. Экспедиции имеют как самостоятельное, так и вспомогательное значение и направлены на непосредственное наблюдение на местности для получения информации, которую нельзя добыть иным способом, а также на выявление соответствия сложившихся представлений реальной ситуации. Отличительной особенностью экспедиционной работы в приграничье является ее проведение по обе стороны от государственной границы, что обеспечивает репрезентативный материал для компаративистского анализа.

Непосредственные наблюдения на местности позволяют оценить социально-экономическую, демографическую и расселенческую ситуацию в приграничье на основе сопоставления состояния приграничных территорий по наиболее важным индикаторам. Положительный эффект ожидаем при проведении социологических обследований различных целевых групп населения приграничных территорий: от опросов людей на улицах населенных пунктов до экспертных оценок лиц, принимающих решения (представителей местных администраций, сотрудников таможенных и пограничных служб).

Экспедиционные исследования позволяют также уточнить статистические показатели на местах, получить фото-, аудио- и видеоконтент.

Программа выездного этапа предполагает увязку литературных, статистических, картографических материалов с реальной ситуацией на приграничных территориях. Составляется гайд, разрабатываются анкета и круг вопросов для экспертного интервью. Все материалы тщательно собираются, обработка происходит в камеральных условиях. В ряде случаев возникает необходимость повторных экспедиционных выездов для корректировки полученных материалов.

Завершающим этапом исследования демографической устойчивости систем расселения приграничья является геоинформационное моделирование характеристик населения, сети и системы расселения, межсистемных и внутрисистемных взаимосвязей. Более подробно об этом — в работе В. Л. Бабурина [13]. Ключевыми направлениями геоинформационного картографирования выступают эволюционные модели сети и систем приграничного расселения, динамические карты населенных пунктов приграничья, конфигурации линейных элементов системы расселения в условиях контактной и барьерной границы.

Выводы

Исследование демографической устойчивости системы расселения приграничного района имеет особенности, связанные с возможностями сравнительного анализа территорий по обе стороны от государственной границы, учитывающего их периферийность и типологию приграничных взаимодействий в различных геополитических условиях. Устойчивость системы расселения

приграничного региона имеет важные отличительные особенности, обусловленные географическим положением, что предоставляет разные возможности в условиях изменения функций границы. Те участки приграничья, которые в условиях контактной границы становились «точками роста», занимали ведущие позиции в рейтинге миграционной привлекательности, сразу после приобретения границей барьерных функций превращались в свою прямую противоположность — стагнировали и депопулировали.

На устойчивость системы расселения влияет возраст границы, сложившаяся территориальная структура городских и сельских поселений, транспортная связность участков по обе стороны от государственной границы.

Исследование сопровождается набором взаимодополняющих и взаимоконтролирующих методов, позволяющих создать комплексную картину устойчивости системы расселения приграничного региона по обе стороны от государственной границы.

Список литературы

1. Назаретян А. П. Демографическая утопия «устойчивого развития» // ОНС. 1996. № 2. С. 145—152.
2. Рой О. М. Демографическая устойчивость территории: методология оценки // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития : сб. ст. IX Уральского демографического форума : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург : Изд-во Института экономики УрО РАН, 2018. С. 38—51.
3. Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Д. В. Юрков [и др.] ; отв. ред. В. В. Фаузер. М. : Экон-Информ, 2018.
4. Попкова Л. И. Географические аспекты устойчивого развития приграничного пространства // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Естественные и технические науки. 2013. Т. 18, № 2. С. 684—687.
5. Коптюг В. А. Будущее цивилизации и проблемы развития. // Советская Сибирь, 1994. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/koptyug/library/article/1994-01.ssi> (дата обращения: 17.08.2024).
6. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / пер. с англ. М. : Новости (при участии Catallaxy), 1992.
7. Полян П. М. Территориальные структуры — урбанизация — расселение: теоретические подходы и методы изучения / предисл. Г. М. Лаппо, А. И. Трейвиша. М. : Новый хронограф, 2014.
8. Newman D. Contemporary Research Agendas in Border Studies: An Overview // Ashgate Research Companion to Border Studies. Ed. D. Wastl-Water. Oxford : Ashgate Publishers, 2011. P. 33—47.
9. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М. : Наука, 1991.
10. Попкова Л. И., Черномаз П. А., Степанов А. В. Конвергенция и дивергенция социально-экономических процессов российско-украинского приграничья : монография. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2021.

11. Попкова Л. И. Демографические процессы на геостратегических территориях российско-украинского приграничья // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика : материалы VII Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Смоленск, 2021. С. 366—375.

12. Бессонов В. А. Об обеспечении сопоставимости статистических показателей при изменении государственных границ // Вопросы статистики. 2023. № 30 (4). С. 84—95. doi: 10.34023/2313-6383-2023-30-4-84-95.

13. Бабурин В. Л. Экономико-географическая экспертиза : учеб. пособие. М. : КДУ, Добросвет, 2018. URL: <https://bookonlime.ru/node/341/> (дата обращения: 17.08.2024).

Об авторе

Людмила Ивановна Попкова, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии, Курский государственный университет, Курск, Россия.

E-mail: geopoli@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3595-7235>

The author

Prof Lyudmila Ivanovna Popkova, Associate Professor, Professor of the Department of Geography, Kursk State University, Kursk, Russia.

E-mail: geopoli@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3595-7235>

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

УДК 314.8

Д. В. Житин

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

РОЛЬ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Сформировавшаяся преимущественно в советский период система расселения Карелии претерпела в конце XX — начале XXI в. существенные изменения, вызванные депопуляцией населения. Рассматриваются территориальные особенности изменения численности населения региона и то, какую роль в этом играют миграционные процессы. Обращается внимание на временные различия динамики численности населения Карелии в постсоветский период и проблемы недоучета его миграционной убыли.

The settlement system of Karelia, which was formed mainly during the Soviet period, underwent significant changes in the late twentieth and early twenty-first centuries caused by depopulation of the population. The paper examines the territorial features of the change in the population of the region and the role that migration processes play in this. They pay attention to the temporary differences in the dynamics of the population of Karelia in.

Ключевые слова: численность населения, естественный прирост, миграция, перепись населения

Keywords: population, natural growth, migration, population census

Формирование системы расселения на территории современной Республики Карелия началось с ее вхождением сначала в состав Новгородской феодальной республики, а затем Московского царства. Ведущую роль в этом играло колонизационное движение с юга — из бассейна озера Ильмень и района Белого озера. Уже к XVII в. на территории Карелии сформировалось два основных расселенческих центра: Заонежье, с его плодородными (по меркам Русского Севера) шунгитовыми почвами, и Кемский берег, где возникли поморские села, ориентированные на рыбный промысел и добычу морского зверя. Поражение России в борьбе со Швецией в начале XVII в. не только привело к утрате части карельских земель в северном Приладожье, но и сподвигло карел к переселению на территории между Ладожским и Онежским озе-

рами с Карельского перешейка, отошедшего по условиям Столбовского мира (1617 г.) к Швеции [1]. В этот период возникает город-крепость Олонец, ставший в 1649 г. административным центром земель южной Карелии. В Беломорской Карелии роль основного центра расселения играет Кемь, через которую осуществляется связь с главным форпостом России в регионе — Соловецким монастырем.

Начало Северной войны привело к образованию на территории Карелии Петровского завода (Петрозаводска) в 1703 г. и ряда других железоделательных заводов, обеспечивавших русскую армию и флот оружием и снаряжением. В этот период южная часть Карелии входит в состав Олонецкой губернии с центром в Петрозаводске, а северная — в состав Архангельской губернии. Но следует отметить, что до начала XX в. население региона остается очень малочисленным, а населенные пункты имеют плохую транспортную связанность между собой. Так, по данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г. и переписей Великого княжества Финляндского (ВКФ), на территории Карелии (в современных границах) проживали около 300 тыс. человек, из которых городское население составляло всего 9 %. (Если исключить территории северного Приладожья, относившиеся в тот период к губерниям ВКФ, то население карельских уездов Олонецкой и Архангельской губерний составляло всего 215 тыс. человек [2].) Территория Карелии представляла собой «глухое захолустье», поставляющее в Петербург лес и рыбу.

Ситуация меняется в XX в. В 1916 г., в разгар Первой мировой войны, строится Мурманская железная дорога, соединившая незамерзающий порт Романов-на-Мурмане (Мурманск) с Санкт-Петербургом. В начале 1930-х гг. строится Беломорско-Балтийский канал, позволяющий переваливать грузы из Волго-Балтийского бассейна в бассейн Северного Ледовитого океана. Эти две трассы резко ускоряют развитие территорий, расположенных вдоль них, и прежде всего увеличивают площади лесозаготовок в республике. Вслед за ростом лесозаготовок возникает деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность. В Кондопоге (1929 г.) и Сегеже (1939 г.) строятся крупные целлюлозно-бумажные комбинаты. Население Карельской АССР за период с 1927 по 1938 г. увеличивается в 1,8 раза, с 261 до 469 тыс. человек [2]. Именно в эти годы благодаря началу активного дорожного строительства на территории республики формируется единая система расселения. В послевоенный период продолжается интенсивное развитие лесопромышленного комплекса, прежде всего за счет привлечения рабочей силы из других регионов СССР. Открытие и начало освоения богатых железорудных месторождений в районе Костомукши приводит к строительству горно-обогатительного комбината (1977 г.) и города, ставшего сегодня вторым по численности населения в республике после Петрозаводска. В г. Надвоицы строится завод по производству алюминия (1954 г.), в Прионежском районе — крупные комбинаты по добыче малинового кварцита (Шокша) и габбро-диабазы (Рыбрека). В результате за 1939—1978 гг. население Карелии увеличивается на 56 % (с 469 до 732 тыс. человек) [2].

Но в 1980-е гг. темпы социально-экономического и, как следствие, демографического развития Карелии замедляются. За период 1979—1988 гг. население Карелии увеличивается всего на 8 % (с 732 до 791 тыс. человек) [2]. Старение

населения, отток молодежи из сельской местности в города (в том числе и за пределы республики) приводят к тому, что уже в 1992 г. естественный прирост населения становится отрицательным. Начавшийся в конце 1980-х гг. экономический кризис обусловил и разворот миграционных процессов: с 1990 г. из Карелии начинается отток населения.

К началу 1990-х гг. население Карелии достигло своего максимума — в республике проживали 791 тыс. человек. Более 81 % населения составляли городские жители, из которых 42 % проживало в столице региона — городе Петрозаводске [3]. Остальные города (12) и рабочие поселки (44) имели небольшую людность. Так, во втором по численности городе Карелии — Кондопоге — в 1992 г. было только 37,4 тыс. человек. Почти 70 % городских населенных пунктов республики имели менее 5 тыс. жителей. Среди 662 сельских населенных пунктов (СНП) Карелии с ненулевым населением абсолютно преобладали малые, с численностью менее 50 человек. Средняя людность СНП в республике в конце советского периода составляла 220 человек. И городское, и сельское население Карелии было сосредоточено преимущественно на юге республики, а также вдоль транспортного коридора (железная и автомобильная дороги) Санкт-Петербург — Петрозаводск — Мурманск.

За постсоветский период система расселения в Карелии претерпела существенные изменения. Вследствие естественной и миграционной убыли общая численность жителей республики за 1991—2023 гг. сократилась на 1/3 — с 791 до 524 тыс. человек [4]. В наибольшей степени сокращение численности затронуло городское население, которое за рассматриваемый период сократилось на 37 %. Последнее обстоятельство связано с тем, что в 90-е гг. XX в. 33 поселка городского типа (пгт) из 44 в Карелии было переведено в разряд СНП. В 2021 г. численность СНП (поселков, сел и деревень) в Карелии составляла 821, из которых 150 (18 %) не имели населения. В 486 из 671 СНП с ненулевым населением сегодня людность составляет менее 100 человек [5]. Средняя людность СНП Карелии с ненулевым населением по сравнению с концом советского периода сократилась до 163 человек. Наибольшее количество СНП без населения зафиксировано в Медвежьегорском (45 СНП), Пудожском (21 СНП), Беломорском (15 СНП) районах. Но наиболее значительное сокращение численности сельского населения в 1989—2023 гг. было отмечено в других, более северных районах Карелии — Кемском, Лоухском, Муезерском. Всего в рассматриваемый период эти районы потеряли от 70 до 80 % своего населения (рис. 1) [6]. В то же время роль Петрозаводска в демографическом потенциале республики значительно выросла. Если в 1989 г. в столице региона проживал каждый третий житель Карелии, то к 2024 г. на Петрозаводск приходилось уже 45 % населения республики.

На изменение численности населения Карелии в 1989—2023 гг. повлияли особенности естественного движения и миграции. Направленность обоих процессов в регионе совпадала, но их динамика в различные этапы рассматриваемого периода имела существенные различия. В совокупности за последние 35 лет в депопуляцию населения Карелии естественная убыль внесла меньший вклад, чем миграционный отток: из общего сокращения численности жителей региона на 267,5 тыс. человек 126 тыс. (47 %) приходится на превышение смертности над рождаемостью [3; 4; 6].

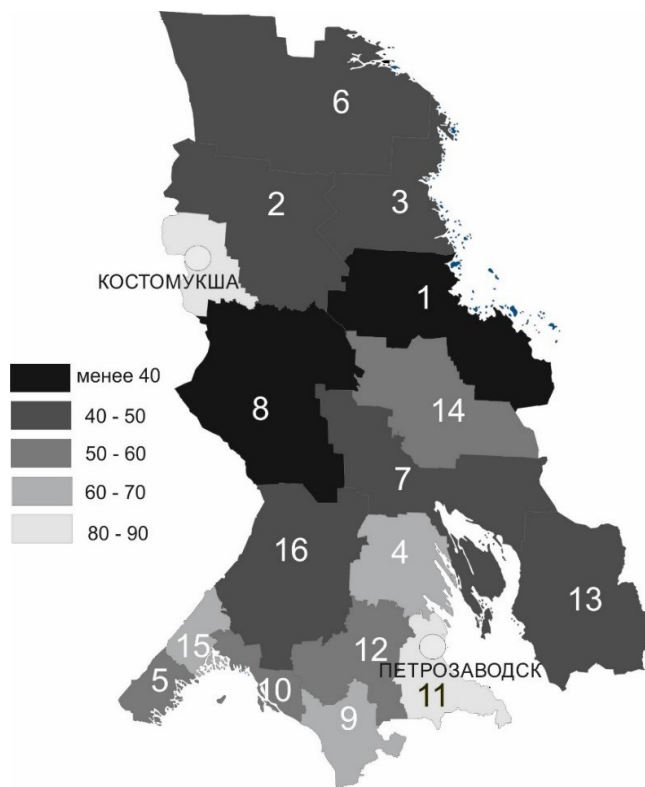

Рис. 1. Динамика численности населения муниципальных районов Республики Карелия в 1989—2023 гг. (1989 г. = 100):

1 — Беломорский, 2 — Калевальский, 3 — Кемский, 4 — Кондопогский, 5 — Лахденпохский, 6 — Лоухский, 7 — Медвежьегорский, 8 — Муезерский, 9 — Олонецкий, 10 — Питкярантский, 11 — Прионежский, 12 — Пряжинский, 13 — Пудожский, 14 — Сегежский, 15 — Сортавальский, 16 — Суоярвский

Источник: составлено на основе [2; 4; 6].

Необходимо сказать, что истинную роль миграционного движения в динамике численности населения Карелии оценить достаточно сложно из-за недоучета реального значения объемов миграции. Так, по данным текущего учета населения, публикуемым в региональных статистических сборниках, в течение практически всего постсоветского периода коэффициент миграционного прироста населения Карелии варьировался в диапазоне от $-4,0$ (1993 г.) до $+2,4$ (2021 г.) промилле [4; 7], оставаясь большую часть времени в интервале от 0 до -2 промилле. При этом каждая из последних трех переписей (2002, 2010, 2021 гг.) расходилась в численности населения с данными текущего учета на несколько десятков тысяч человек. Так, после подведения итогов переписи 2002 г. оказалось, что численность населения Карелии почти на 40 тыс. человек (на 5,6 %) меньше, чем официально считали до этого. В 2010 г. ситуация повторилась, только с учетом продолжающегося сокращения численности на-

селения республики ошибка в 40 тыс. составила уже недоучет 6,3 % общего количества жителей региона. Разница между итогами переписи 2021 г. и данными текущего административного учета составила 70 тыс. человек. Можно иметь много нареканий к организации и проведению переписей населения в нашей стране, но полученные в ходе них данные являются официальными, на их основе идет планирование развития экономики и социальной сферы. К тому же после подведения итогов переписей данные о динамике численности населения региона пересчитываются задним числом за весь межпереписной период. Если принять во внимание, что недоучет рождаемости и смертности практически исключен, то вся образовавшаяся разница в численности населения относится к недоучету миграционных движений (рис. 2).

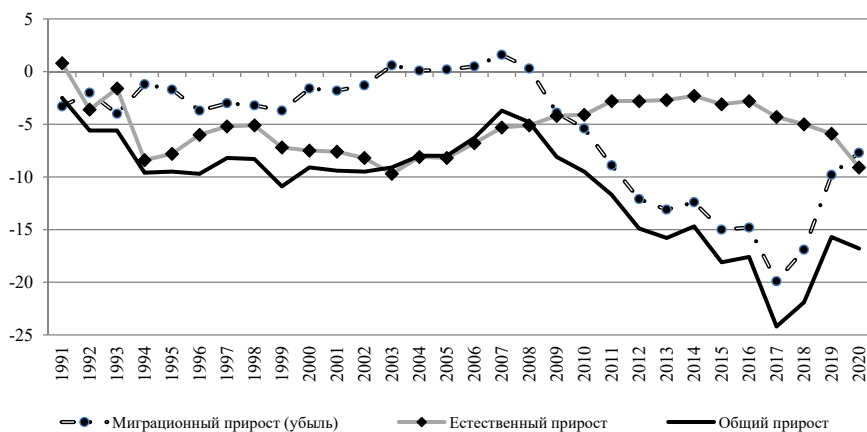

Рис. 2. Динамика миграционного, естественного и общего прироста населения Карелии в 1991—2020 гг., промилле

Источник: составлено на основе [4; 7].

Пересчет динамики естественного и миграционного движения населения Карелии за постсоветский период позволяет сделать ряд выводов.

1. Темпы сокращения численности населения Карелии в 1991—2020 гг. изменялись волнообразно, достигнув максимума в начале 2000-х гг. и минимума в 2011—2016 гг. В последние годы темпы сокращения численности населения Карелии значительно ускорились.

2. С 2010 по 2019 г. ведущую роль в депопуляции Карелии играет отток населения за пределы республики. На миграцию приходится от 60 до 85 % ежегодной общей убыли населения.

3. Наиболее интенсивной является убыль населения в северных районах Карелии, в то время как столица региона (город Петрозаводск) и примыкающий к ней пригородный (Прионежский) район имеют положительный миграционный прирост и увеличивают свою значимость в демографическом потенциале республики.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что в среднесрочной перспективе в Республике Карелия будет продолжаться поляризация демографи-

ческого развития за счет перераспределения населения при продолжающемся общем снижении его численности. Ведущую роль в этом будут играть миграционные процессы.

Список литературы

1. *Города Северо-Западного макрорегиона в условиях геоэкономической неопределенности* / А. А. Анохин, С. С. Лачининский, Д. В. Житин [и др.]. СПб. : Лема, 2023.
2. *Демоскоп Weekly*. Институт демографии НИУ ВШЭ им. А. Г. Вишневского. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 05.09.2024).
3. *Российский статистический ежегодник* — 1994. М. : Госкомстат, 1994.
4. *Демографический ежегодник России. 2002—2023* : стат. сб. // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 05.09.2024).
5. *Итоги ВПН-2020. Т. 1* : Численность и размещение населения. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 05.09.2024).
6. *Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. 2012—2024* : стат. бюллетень // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 05.09.2024).
7. *Миграционные процессы в формировании трудового потенциала приграничных регионов России: 2011—2021* / А. П. Клемешев, В. В. Войников, Ф. Х. Соколова [и др.]. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023.

Об авторе

Дмитрий Викторович Житин, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: zhitin@mail.ru; d.zhitin@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-3810-9138

The author

Dr Dmitrii V. Zhitin, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic and Social Geography, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: zhitin@mail.ru; d.zhitin@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-3810-9138

А. В. Кузнецов

ИНИОН РАН (Москва, Россия)

**ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ ТУРБИЗНЕСА В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ —
ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ С НЕБЛАГОПРИЯТНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ —
В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА С ЕС**

Критикуется принятая в 2023 г. государственная программа «Развитие туризма в Псковской области» за слабую связанность целевых показателей и отсутствие внимания к разнотипности туристических центров региона. Показано, что при оценке приграничного фактора недоучитываются проблема отсутствия мобильной связи, в том числе на ряде участков основных автотрасс, и транзитное положение Псковской области для белорусских туристов, следующих в Санкт-Петербург. Сделан ряд выводов по методике анализа турбизнеса в регионах России.

The article criticizes the state program “Tourism Development in the Pskov Region” adopted in 2023 for the weak coherence of target indicators and lack of attention to heterogeneity of tourist centers in the region. It is shown that when assessing the border factor, both the problem of the lack of mobile communications, including on a number of sections of the main highways, and the transit position of the Pskov region for Belarusian tourists traveling to St. Petersburg are underestimated. A number of conclusions have been made on the methodology for analyzing the tourism business in the regions of Russia.

Ключевые слова: Псковская область, туризм, вместимость отелей, транспортная инфраструктура, развитие мобильной связи, использование транзитного фактора

Keywords: Pskov region, tourism, hotel capacity, transport infrastructure, development of mobile communications, use of the transit factor

Введение

Во многих регионах современной России большое внимание уделяется развитию туризма. Вместе с тем очень часто подходы к стимулированию турбизнеса отбираются шаблонно, учета особенностей конкретного региона и текущей геополитической обстановки. На наш взгляд, Псковская область в силу своего рекреационного потенциала и приграничного с ЕС географического положения подходит в качестве хорошего примера для иллюстрации данного тезиса. При этом целью нашей краткой статьи является показать как сугубо региональные проблемы, так и общие для многих субъектов Федерации барьеры на пути успешного развития турбизнеса.

Разумеется, туризм в Псковской области рассматривался в научной литературе и ранее (например, экотуризм [1] и православно-ориентированный ту-

ризм [2]). Однако пока должного внимания не получила специфика функционирования турбизнеса в последние несколько лет, обусловленная обострением конфликта России с ЕС, что привело к усилению барьерной функции западной границы Псковской области, около которой расположены многие туристические центры региона. Не случайно еще в 2010-х гг. основная часть статей по туризму в Псковской области была посвящена въездному и выездному туризму (например, [3; 4]).

Из-за протяженной границы Псковской области с Эстонией и Латвией к ключевым негативным факторам для туристического сектора региона, на наш взгляд, можно отнести не только сопряженное с этим соседством усиление барьерной функции государственной границы, но также ослабление транспортных потоков между Россией и ЕС, делающее некоторые магистрали Псковской области (например, федеральную автомобильную дорогу М9 «Балтия») недостаточно интенсивными для развития окружающей территории. Вместе с тем усилившаяся «война санкций» с ЕС, равно как и предшествовавший началу СВО на Украине период ограничений, вызванных пандемией COVID-19, создала ряд интересных возможностей для туристического сектора Псковской области. Во-первых, регион благодаря культурно-историческим памятникам и привлекательным природным объектам может выиграть от интенсификации в Российской Федерации внутреннего туризма. Более того, уже несколько лет назад в научной литературе высказывались конкретные идеи по развитию туристских кластеров на территории региона [5]. Во-вторых, Псковская область может опереться на использование своего транзитного положения между Белоруссией (трасса через Витебск) и Санкт-Петербургом. Однако этим шансом надо суметь грамотно воспользоваться.

Критика статистических показателей в новой госпрограмме развития туризма в Псковской области

Такая попытка на региональном уровне сделана, поскольку в конце 2023 г. в Псковской области была принята государственная программа «Развитие туризма в Псковской области», а 19 января 2024 г. утвержден ее детальный паспорт. В мае 2024 г. в программу были внесены коррективы, а летом трижды изменялся паспорт [6]. Теперь цель государственной программы состоит в обеспечении граждан современной туристической инфраструктурой путем увеличения номерного фонда к 2030 г. до 4614 номеров, а туристический поток в Псковскую область должен к этому времени возрасти до 645 тыс. человек (изначально планировалось достичь уровня 631 тыс. человек). Для сравнения: в базовый 2023 г. количество номеров составляло 4456, а туристический поток насчитывал 480 тыс. человек (в 2022 г. — 466,1 тыс. человек, не считая почти 2 млн экскурсантов).

При анализе основных и дополнительных показателей указанной государственной программы сразу бросается в глаза сложность выполнения задачи повысить время пребывания туристов в Псковской области (на фоне сокращения сезонных колебаний), так как ее решение ведет к неправдоподобно резкому повышению коэффициента загрузки отелей. Эта тенденция только усилена последним изменением указанной государственной программы. Более того,

нигде не представлен адекватный анализ структуры номерного фонда по типам гостиниц, равно как и специфика дифференциации спроса на различные отели у потенциальных туристов.

Так, предположим, что сейчас доминируют (причем примерно поровну) одно- и двухместное размещения, а коэффициент загрузки отелей в Псковской области по-прежнему близок к 30 % (таким он и был до пандемии [7], поскольку туристы приезжают в регион в основном на выходные, а пиковыми, вплоть до почти 100 %, являются отдельные дни с мая по сентябрь и «длинные» январские праздники). Иначе говоря, регион похож на соседнюю Белоруссию, где коэффициент загрузки отелей за пределами периода пандемии COVID-19 составлял в среднем 30 % по стране и 40 % по Минску (в рекордном 2019 г. 32,2 и 44,4 % соответственно); при этом по миру в целом, включая приморские курорты, данный показатель достигает 50—70 % [8]. Тогда получается, что при неизменной загрузке отелей сейчас в Псковской области в среднем турист проводит 1,5 дня, а к 2030 г. будет 1,2 дня. Парадоксальным образом в программе ставится цель даже не сохранить среднестатистические 1,5 ночевки (тогда загрузка должна вырасти до 39 %), а обеспечить пребывание туристов в течение 3—5 дней (правда, в номерах с большим количеством коек) [6, п. 15]. Действительно, если взять 4 дня и планируемые 11,7 тыс. койко-мест (то есть в среднем 2,5 койки в номере), то 645 тыс. человек обеспечат загрузку отелей на уровне 60 % — почти как на южном курорте.

Нигде не отмечается потенциал, связанный с переводом части экскурсантов в разряд ночующих туристов. Понятно, что для посетителей курорта Старая Русса (Новгородская область) экскурсия в Псков является возможностью осмотра дополнительных достопримечательностей при не самой утомительной дороге на автобусе в оба конца менее 6 часов. Однако рекламируемая в интернете однодневная экскурсия Псков — Изборск — Печоры из Санкт-Петербурга продолжительностью 16—18 часов должна встречать весомые контрпредложения действительно качественного отдыха от турбизнеса Псковской области.

Недоучет разнотипности туристических центров Псковской области

В государственной программе «Развитие туризма в Псковской области» в качестве основных проблем называются отток профессиональных кадров в Москву и Санкт-Петербург, высокая стоимость транспортной составляющей в цене туристического продукта и отсутствие известных сетевых брендов, которые обычным клиентом воспринимаются как знак качества гостиничного бизнеса [3]. Зато ни слова не говорится о проблемах, например, с мобильной связью, которые усугубляются как фактором пограничной зоны, так и безлюдностью территорий вдоль дорог. Например, частью государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника «Изборск» является активно рекламируемый Музей-усадьба народа сето в деревне Сигово. При этом, однако, на кратчайшей автодороге из Сигово в Псково-Печерскую лавру в принципе отсутствует мобильная связь (что особенно удручает туриста на участках, где исчезает асфальт и возникает мысль, стоило ли делать крюк по якобы платной дороге). Безлюдной является даже автотрасса М9 «Балтия»,

идущая мимо Пустошки, Новосокольников и Великих Лук, — многие километры там нет сигнала ведущих операторов мобильной связи, так что в случае аварии турист может полагаться только на проезжающие мимо машины.

Следует подчеркнуть, что государственная программа не делает дифференцированного подхода к явно разнотипным привлекательным объектам Псковской области. Очевидно, что Псков и кластер вокруг Псково-Печерской лавры, хотя и расположены сравнительно близко, привлекают все-таки различные (пусть и частично пересекающиеся) целевые аудитории. Пушкинский заповедник — объект, требующий к себе повышенного внимания, тем более, что в силу плохих региональных дорог он существенно удален от Москвы (примерно 8 часов езды на автомобиле — как из Москвы в Минск; железнодорожное сообщение отсутствует). Для туристического освоения побережья Псковского и Чудского озер (включая исторические достопримечательности) дополнительную объективную сложность составляет фактор границы со странами НАТО, которыми являются члены ЕС Эстония и Латвия.

Что касается небольших городов Псковской области, то о них, похоже, вообще не думают при развитии туризма в регионе. Например, город Остров вряд ли станет местом ночевки многих туристов, но преодоление настоящей разрухи в историческом центре способно сделать его важным объектом для экскурсантов-транзитников, следующих в Псков или Пушкинские Горы — потраченные 2—3 часа в Острове могли бы в итоге побудить к дополнительной ночевке в основных центрах туризма в регионе.

Отдельное внимание, на наш взгляд, надо уделять белорусской целевой аудитории. Ведь при движении на автотранспорте, например, из столичного Минска в Санкт-Петербург, которое занимает около 12 часов, почти на полпути находятся не только Псков, но и — при небольшом отклонении от прямого маршрута — Пушкинские Горы и Печоры.

Заключение

Таким образом, развитие турбизнеса в Псковской области должно не только учитывать общие закономерности функционирования отрасли, но и принимать в расчет географическое положение региона. Более того, сглаживание сезонных колебаний в загрузке гостиничных мощностей, равно как и попытка перевести хотя бы часть большого потока экскурсантов в число туристов, требует внимания к облагораживанию даже второстепенных исторических центров (на фоне региональной столицы, Пушкинского заповедника или Псково-Печерской лавры).

Для исследователей турбизнеса в других регионах важны несколько общих комментариев, вытекающих из проведенного анализа Псковской области. Во-первых, требуется учитывать ситуацию в сопредельных регионах России и соседних странах — в случае Псковской области наиболее значимы задачи превращения путешественников-транзитников хотя бы в экскурсантов, а экскурсантов из Санкт-Петербурга хотя бы в участников двухдневных туров на выходных. Во-вторых, в развитии туристического сектора региона нельзя делать ставку только на ведущие рекреационные центры, стремясь преду-

смотреть возможность развития туристических маршрутов, захватывающих и второстепенные достопримечательности, с целью удлинения пребывания туристов на территории соответствующего субъекта Федерации.

Список литературы

1. *Николайчук О. А.* Экологический туризм в регионе (на примере Псковской области) // Научные исследования и разработки. Экономика. 2018. Т. 6, № 2. С. 4—12.
2. *Дмитриева Ю. В.* Развитие православно-ориентированного инклюзивного туризма на территории субъекта Российской Федерации (на примере Псковской области) // Известия Международной академии аграрного образования. 2020. № 52. С. 78—84.
3. *Турченко Е. С.* Основные направления и динамика выездного и въездного туризма в Псковской области // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 144—153.
4. *Манаков А. Г., Голомидова Е. С.* Оценка уровня сформированности трансграничного латвийско-эстонско-российского туристско-рекреационного региона // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 1. С. 130—141.
5. *Голомидова Е. С.* Опыт классификации туристских кластеров (на примере Псковской области) // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 102—112.
6. *Государственная программа 2024—2030* // Комитет по туризму Псковской области. URL: <https://gkt.pskov.ru/deyatelnost/gosudarstvennaya-programma-2024-2030> (дата обращения: 10.09.2024).
7. *Средняя загрузка гостиниц в Пскове составляет почти 30 %* // Комсомольская правда. 28 ноября 2018. URL: <https://www.pskov.kp.ru/online/news/3310671/> (дата обращения: 10.09.2024).
8. *Ефимова-Стадник О. П.* Динамика коэффициента загрузки отелей: Республика Беларусь и мировые тенденции // Инновационные исследования: проблемы внедрения результатов и тенденции развития / Агентство международных исследований. Стерлитамак, 2023. С. 215—220.

Об авторе

Алексей Владимирович Кузнецов, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, директор и главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия.

E-mail: kuznetsov@inion.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

The author

Prof Alexey V. Kuznetsov, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, director and chief researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION), Moscow, Russia.

E-mail: kuznetsov@inion.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

В. В. Горочная¹, А. А. Михайлова²

¹ Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

**ТУРИСТИЧЕСКАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАДНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ:
КАЛИНИНГРАДСКАЯ И РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТИ**

Оценивается туристическая привлекательность приморских регионов Западного побережья России в условиях геоэкономической турбулентности. Объекты изучения — Калининградская и Ростовская области. Методика исследования основывалась на анализе статистических данных сектора туризма в 2013—2023 гг. и результатах качественного анализа. Зафиксирован рост внутреннего туризма в обоих регионах. Сделан вывод о том, что усиление геополитической напряженности, с одной стороны, способствовало повышению привлекательности этих регионов для российских туристов, а с другой — требует новых подходов к развитию туризма в новых условиях. Новизна работы заключается в комплексном анализе влияния внешней среды на внутренний туризм в Калининградской и Ростовской областях.

The article examined the tourist attractions in the coastal regions of Russia's western borderland during geoeconomic turbulence. The study focuses on the Kaliningrad and Rostov regions. The research methodology involved analyzing statistical data related to the tourism sector from 2013 to 2023 and qualitative analysis findings. Domestic tourism was observed to increase in both regions. It is concluded that the increase in geopolitical tension, on the one hand, contributed to the increase in the attractiveness of these regions for Russian tourists. On the other hand, it is necessary to search for new approaches to the development of tourism in the new conditions. The analysis of the external environment's impact on domestic tourism in the Kaliningrad and Rostov regions is what distinguishes this work.

Ключевые слова: западные регионы России, приморские регионы, туризм, туристическая привлекательность, геоэкономическая турбулентность

Keywords: western regions of Russia, coastal regions, tourism, touristic attractiveness, geoeconomic turbulence

Введение и постановка вопроса

Развитие туристической отрасли в Западных порубежных и приморских регионах России на современном этапе имеет нелинейную, сложную взаимосвязанность геоэкономическими и геополитическими трендами последних лет. С одной стороны, пандемийные, а затем и санкционные ограничения внешнего туризма способствовали росту привлекательности внутрироссий-

ских туристических направлений. В этом отношении Западные приморские регионы все больше востребованы как места прибрежного туризма и культурно-историческая альтернатива зарубежным (в первую очередь — европейским) курортам. С другой стороны, возросло негативное влияние факторов, детерминированных прямыми рисками локализации приморских субъектов в непосредственной близости от военного конфликта и общим снижением мобильности населения в постпандемийный период [1; 2].

Туристическая отрасль — важный драйвер социально-экономического развития приморских регионов. В ряде научных исследований отмечается ведущая роль туризма в запуске процессов региональной кластеризации и усилении экономической конкурентоспособности, в том числе с позитивным эффектом в других отраслях [3—6]. Установлена взаимозависимость между развитием туризма и интенсификацией процессов генерации и диффузии инноваций на региональном уровне [6; 7]. Туристическая сфера технологизируется как в направлении цифровизации и использования «больших данных» [8], так и в отношении развития технологий брендинга территории [9]. Запуск процессов инноватизации туризма приносит дополнительные технологии и создает спрос на высококвалифицированные кадры.

Отчасти процессы кластеризации и инноватизации туризма, активизировавшиеся за последнее время в России, являются ответом на вызовы постпандемийного периода, включая противоречивые тенденции на уровне деловой среды [10] и инвестиционного климата [11]. В научном дискурсе в последние годы актуализируются не только вопросы оценки местного туристического потенциала в условиях переориентации внутреннего спроса (в особенности в приморских регионах) [12], но также поиск эффективных решений по обеспечению устойчивости туристической сферы в обстановке кризиса, неопределенности и риска, сопровождающих геоэкономическую турбулентность [13—15]. Поднимается вопрос заинтересованности местного сообщества в развитии туризма [16].

В представляемом исследовании с учетом имеющегося опыта [1; 2; 6; 7] и на основе данных официальной российской статистики [17] проведен анализ последних тенденций динамики туристической отрасли в двух западных приморских регионах РФ — Калининградской и Ростовской областях. За последние годы они стали центрами притяжения туристов, несмотря на опасное в нынешних условиях приграничное положение. Регионы принадлежат к разным морским бассейнам (Балтийскому и Азово-Черноморскому) и имеют сильных конкурентов в туризме — Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край. Количественная статистическая информация дополнена данными непосредственных наблюдений авторов за обстановкой в исследуемых регионах.

Развитие туризма в Ростовской области

Туристический поток в Ростовскую область в 2023 г. вырос в 1,7 раза по сравнению с предшествующим годом, составив около 3,4 млн поездок, а ежегодный рост числа ночевки в средствах коллективного размещения туристов в постпандемийный период достиг 30—40 % [17]. Тем самым изначально не имевший туристической специализации регион постепенно начинает ее об-

ретать. Данное обстоятельство во многом связано с перераспределением межрегиональных функций в условиях повышенной загруженности рекреационного комплекса соседних субъектов со сложившейся сильной туристической специализацией.

Природные, культурные объекты и инфраструктура Краснодарского края, а также других южных регионов не всегда справляются с возросшим туристическим потоком. В сезон наиболее популярные турнаправления оказываются переполненными (особенно Черноморское побережье), а местный сектор услуг не успевает за резкими колебаниями спроса. В условиях большого скопления отдыхающих увеличиваются эпидемиологические, экологические, социальные риски, а при наличии ужесточающегося вооруженного конфликта и возрастающей дальности огневого поражения — риски для жизни и здоровья отдыхающих. В результате запускаются процессы самоорганизации: внутренний туристический поток начинает распределяться между локальными рекреационными зонами, обладающими конкурентными преимуществами близкого расположения к крупным городам (то есть доступные для коротких маршрутов «выходного дня») и более дешевого посещения.

За последние годы Ростовская область стала привлекательным направлением внутреннего (и в особенности — внутрорегионального) туризма, который выступает альтернативой ограниченному санкциями зарубежному туризму и посещению перегруженных рекреационных направлений внутри страны (в первую очередь, морских курортов Краснодарского края). Ограничение международного туризма привело к сокращению потока иностранных туристов в Ростовскую область. В то же время это способствовало углублению процессов изучения, реставрации и целенаправленного формирования интереса к объектам историко-культурного наследия и природным объектам на территории региона, которые ранее не выступали точками привлечения туристов.

Как в самом Ростове-на-Дону, так и в малых населенных пунктах региона, наряду с брендируемой в приоритетном порядке казачьей тематикой, актуализировалась тематика купеческой истории, старинных особняков, доходных домов и усадеб. Начала развиваться (пока в умеренных масштабах) прибрежная и морская тематика. В частности, на официальном портале туризма Ростовской области значится разработанный туристический маршрут «Таганрогский экспресс: путешествие по дороге к морю» [18]. Также не Ростов-на-Дону, а именно приморский г. Таганрог стал конечной станцией ряда железнодорожных маршрутов, что направлено на повышение туристического потока из других субъектов РФ, в том числе в условиях временного ограничения на использование авиации в регионе.

В качестве территорий для пляжного отдыха рассматриваются не только побережье Азовского моря (особенно Должанская, Сонькина и другие косы), но также иные водные объекты: Цимлянское водохранилище, Голубое озеро в с. Самарском, каньоны и затопленные водой карьеры (например, карьер Мокрая Ельмута в Пролетарском районе), территории на берегах рек и экопарки (например, «Лога» в Каменском районе, «Излучина» в х. Самбуров и др.).

С целью повышения туристической привлекательности многие из таких локалитетов облагораживаются и наполняются дополнительными объектами притяжения туристического интереса: создаются небольшие зоопарки, выса-

живаются редкие растения, что призвано визуально приблизить ландшафт к видам зарубежной экзотической природы (например, парк «Лога», Южный парк птиц «Малинки» г. Шахты, где размещены баобабы, воссоздающие мадагаскарский ландшафт). Переносятся и устанавливаются памятники истории, в том числе из других известных туристических мест, а также их копии (например, в х. Мержаново Неклиновского района по программе археологического обмена была завезена одна из статуй с острова Пасхи). Популяризуется отдых в формате кемпинга и глэмпинга, что позволяет лучше использовать рекреационный потенциал местных ландшафтов.

Развитие туризма в Калининградской области

В новой геополитической реальности привлекательность Калининградской области для российских туристов активно растет. Это прослеживается в динамике ряда показателей в 2023 г. относительно 2022 г.: турпоток вырос на 11 % [19]; объем потраченных туристами средств — на 40 %, до 23,5 млрд рублей [20]; среднесписочная численность работников коллективных средств размещения — на 4,3 %, до 4,8 тыс. человек [17]. В 2023 г. в регион прибыли свыше 2 млн человек, что стало рекордным показателем, однако в 2024 г. уже ожидался его прирост на 5 %. Калининградская область вошла в топ-5 субъектов РФ по посещаемости российскими туристами. Около половины всего туристического потока в 2023 г. пришлось на жителей столичных регионов: Москвы (22 %) и Московской области (14,5 %), Санкт-Петербурга (12,8 %) и Ленинградской области (2,4 %) [21]. Также жители этих регионов лидировали по совокупному объему расходов, совершенных в Калининградской области: Москва — 26 %, Московская область — 12 %, Санкт-Петербург — 15 % [20].

В Министерстве культуры и туризма Калининградской области отмечают две ключевые цели туристических поездок в регион — это культурно-познавательная (средняя продолжительность тура — 4 суток), санаторно-курортный и пляжный отдых (7 суток) [21]. Такое разделение делает важным одновременное развитие прибрежной-рекреационной зоны региона и восстановление архитектурного и исторического наследия, значительная часть объектов которого расположена не только в Калининграде, но и на периферии [22]. Интенсификация туристического потока и его направление не только в сторону побережья, но и в восточную часть области дает импульс развития небольшим населенным пунктам, которые становятся новыми точками притяжения туристов: например, поселок городского типа Железнодорожный, где воссоздали квартал исторической немецкой застройки, или город Гвардейск, где ведутся активные восстановительные работы на территории замка тевтонских рыцарей Тапиау.

Следует отметить, что экономика эксклавного региона, будучи детерминирована экономико-географическими факторами, сильнее реагирует на внешние вызовы, нежели других субъектов РФ [23]. При негативном сценарии для региона характерны более низкие, чем в среднем по стране, социально-экономические показатели, однако в условиях позитивного сценария отмечается их более высокий рост [24]. Это прослеживается при сравнении динамики показателей развития туристической отрасли Калининградской и Ростовской областей (рис. 1—3).

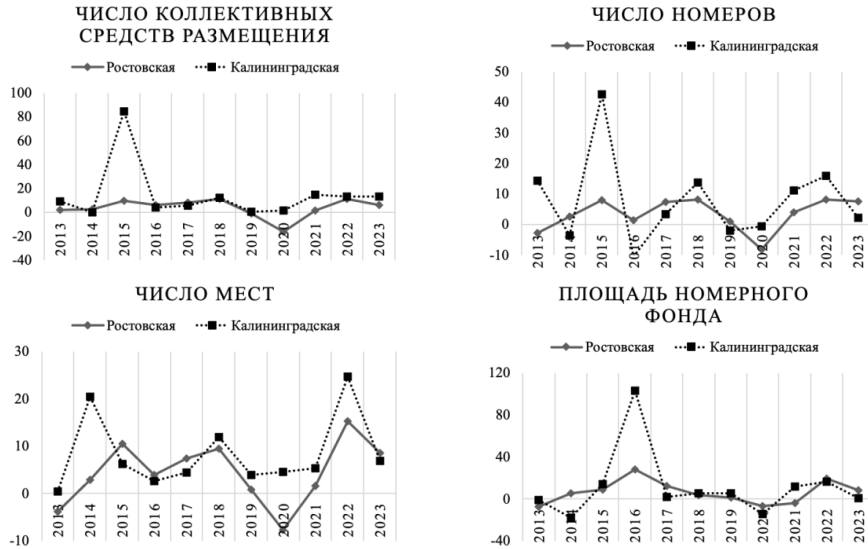

Рис. 1. Цепные темпы ежегодного прироста показателей работы коллективных средств размещения в Ростовской и Калининградской областях, 2013—2023 гг., %

Источник: составлено на основе данных Росстата [17].

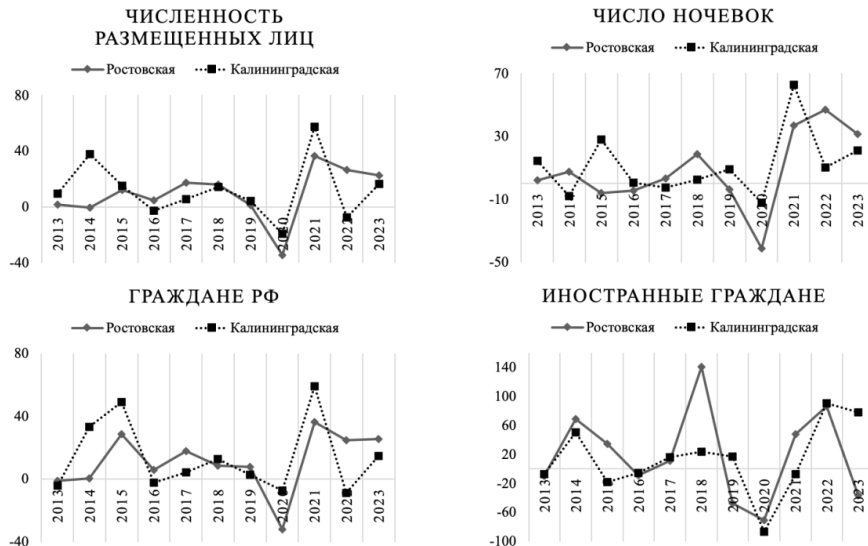

Рис. 2. Цепные темпы ежегодного прироста показателей размещения российских и иностранных туристов в коллективных средствах размещения в Ростовской и Калининградской областях, 2013—2023 гг., %

Источник: составлено на основе данных Росстата [17].

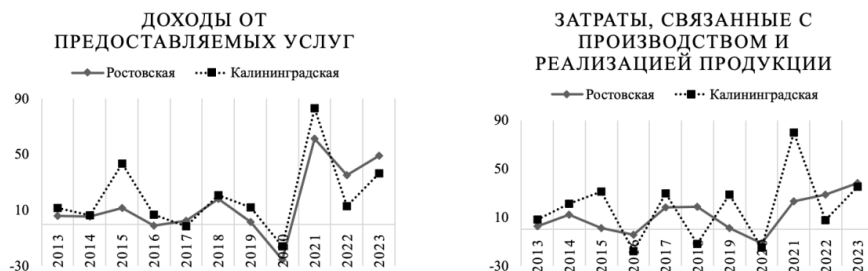

Рис. 3. Цепные темпы ежегодного прироста показателей результативности коллективных средств размещения в Ростовской и Калининградской областях, 2013—2023 гг., %

Источник: составлено на основе данных Росстата [17].

Например, для Калининградской области были характерны более высокие, чем в Ростовской области, темпы оживления туристической отрасли после жестких пандемийных ограничений, в том числе это справедливо в отношении роста количества туристов и доходов коллективных средств размещения в 2021 г. относительно 2020 г. Однако с началом специальной военной операции в 2022 г. эксклавная экономика сильнее отреагировала на усилившуюся геополитическую напряженность, продемонстрировав большее замедление прироста этих показателей. В 2023 г. ситуация несколько выровнялась, в том числе за счет активного притока туристов из «Большой России».

В настоящее время развитие туристической отрасли в регионе ограничивается несколькими факторами. Во-первых, транспортным. Основным коридором для прибытия туристов в регион остается авиасообщение, роль которого существенно возросла на фоне ограничений автомобильного и железнодорожного транзита в область через территорию Литвы. Резерв мощности аэропорта Храброво (около 5 млн пассажиров в год, входит в топ-20 по пассажиропотоку аэропортов России [25]) практически исчерпан, что требует его реконструкции. Подобные работы начаты в 2024 г., их результатом должно стать увеличение принимающей способности аэропорта до 6,5—7 млн пассажиров в год [26].

Во-вторых, лимитирующим выступает инфраструктурный фактор. В 2023 г. средняя загрузка коллективных средств размещения Калининградской области составляла 70 %. В 2024 г. в сезон данный показатель оценивался в 98—99 % — для побережья, и 90 % — для Калининграда [27]. Нехватка мест размещения туристов создает нагрузку на арендный фонд жилья в регионе, что негативно оценивается местным населением (особенно в прибрежных городах-курортах), поскольку ведет к росту цен на съем недвижимости и трудностям с долгосрочной арендой.

Снижение нагрузки на имеющуюся туристическую инфраструктуру возможно за счет строительства новых объектов (например, проект курорта Белая Дюна в рамках федерального проекта «Пять морей» близ поселка Янтарный). Однако это требует существенных инвестиций со стороны государства (осо-

бенно на фоне отсутствия превышения темпов роста доходов над затратами коллективных средств размещения в течение последних пяти лет, что негативно сказывается на потенциале реализации крупных инвестиционных проектов со стороны бизнеса).

Выводы

Как показывают количественные и качественные данные, Западные порубежные регионы России, несмотря на колоссальные риски, в последние годы становятся все более привлекательными для туристов. При этом туризм в них развивается как экстенсивно, так и интенсивно. Экстенсивное развитие достигается за счет количественного роста посещаемости территорий, уже освоенных рекреационным комплексом, за которыми закрепился устойчивый туристический бренд. Происходит перераспределение туристического потока с внешних направлений на внутрироссийские, а приморский туризм не ограничивается перегруженными курортами Краснодарского края. Интенсивное развитие заключается в более глубоком освоении территорий регионов, поиске дополнительного туристического потенциала, улучшении условий пребывания туристов и качества их обслуживания, облагораживании внешнего облика городов и природных ландшафтов, привлечении внимания к ранее не столь заметным на общем фоне достопримечательностям, а также в целенаправленном создании новых. Проводится активное брендинг отдельных локалитетов, постепенное выделение бюджетного и элитного секторов рынка. Повышается степень комфорта и инфраструктурная насыщенность территории. В обоих рассмотренных регионах данное направление развития имеет и выраженный вектор в направлении восточных ареалов. Внутренний туристический поток перераспределяется и «сдвигается» дальше от западных границ. Тем самым развивается он и в сторону от собственно приморских ареалов, в чем проявляется выраженная в последние годы континентально-океаническая дихотомия.

Несмотря на более активную реакцию небольшого по масштабам эксклавного региона на риски пандемии, геэкономическую и геополитическую турбулентность, оба рассмотренных субъекта обладают выраженными общими тенденциями. При этом рост туризма в Ростовской области за последние годы оказался более устойчивым, за исключением вовлечения в него иностранных граждан. Устойчивый интерес иностранцев по отношению к Калининградской области связан с особенностями ее расположения и долгосрочной практикой взаимного посещения со странами ЕС.

Таким образом, Западное порубежное положение субъектов РФ в сочетании с их статусом приморских территорий при наличии всех факторов, снижающих их туристическую привлекательность в современных условиях (главным образом, транспортных и прочих инфраструктурных ограничений, а также военно-политических рисков), все же «перевешивает» в пользу посещения их большим количеством туристов. При развитии различных видов туризма на территории регионов происходит усиление межрегиональной конкуренции на рынке туристических услуг во внутреннем пространстве России в целом. А устойчивый ежегодный рост посещаемости свидетельствует о том, что пределы емкости рынка в текущих условиях еще не достигнуты и имеют потенци-

ал для дальнейшего повышения и интенсификации использования территории (особенно периферийных ареалов). В обоих рассмотренных регионах кластеризация в сфере туризма не носила первостепенного характера по сравнению с другими отраслями, однако в ближайшие годы можно прогнозировать развитие реальных, а не номинально заявленных проектов, туристических кластеров за счет развития внутрирегиональной конкуренции и кооперации организаций туристического сектора, в том числе потенциал для кооперации имеет совместное развитие различных видов туризма, составление и брендинг комплексных туристических маршрутов.

Список литературы

1. Михайлова А. А., Горочная В. В. Особенности туристического позиционирования приморских территорий России в условиях санкционных ограничений // Границы, приграничные регионы, трансграничное взаимодействие : избр. тр. VIII Междунар. науч.-практ. конф. «Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов» / отв. ред. Т. В. Морозова, Н. Г. Колесников. М. : Первое экономическое издательство, 2024. С. 61—70.
2. Горочная В. В., Михайлова А. А. Континентально-океаническая дихотомия в развитии туристического бренда западных регионов России в период геоэкономической турбулентности // Экономика. Информатика, 2024. № 51 (2). С. 265—282.
3. Кумова Д. М. Анализ внедрения креативных кластеров в сферу туризма на региональном уровне // Сервис в России и за рубежом. 2023. № 5 (107). С. 87—95.
4. Напольских Д. Л., Гаджиев Г. Г., Еремин И. Д., Смирнов Е. А. Перспективные направления кластеризации экономики Юга России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 4-2 (110). С. 188—192.
5. Стасев М. А., Кумова Д. М. Кластерный подход к системе экономической безопасности туризма // JER. 2022. № 3. С. 65—72.
6. Gorochnaya V. V., Mikhaylov A. S., Plotnikova A. P., Mikhaylova A. A. Tourism Clusters and Innovation Security: Dialectics in the Western Border Regions of Russia // Geojournal of Tourism and Geosites. 2020. Vol. 28, № 1. P. 127—139.
7. Gorochnaya V., Mikhaylov A., Plotnikova A., Mikhaylova A. The Interdependence between Tourism and Innovation Activity in the Western Borderlands of Russia // Geojournal of Tourism and Geosites. 2021. Vol. 34, № 1. P. 147—154.
8. Сердюков С. Д. Применение технологии BigData в индустрии туризма: критический анализ // Профессорский журнал. Сер.: Рекреация и туризм. 2022. № 2 (14). С. 30—36.
9. Ларкина Н. Г. Технологии формирования имиджа территории // Вестник Академии знаний. 2022. № 6 (53). С. 155—159.
10. Джанджугазова Е. А. Рынок российского туризма в фокусе развития постпандемийной деловой активности // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2022. № 1. С. 3—11.
11. Литвинова О. И. Актуальные тенденции в инвестиционных процессах индустрии туризма и гостеприимства // Прогрессивная экономика. 2023. № 11. С. 85—103.
12. Санин А. Ю. К вопросу об оценке рекреационного потенциала прибрежных территорий Российской Федерации // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2023. № 1. С. 169—183.

13. *Николенко П. Г., Терехов А. М.* Анализ состояния туристской отрасли в России и направления ее развития // Статистика и экономика. 2022. № 4. С. 57—70.

14. *Самохин В. В.* Измерение устойчивости развития туристско-рекреационного комплекса юга России // Профессорский журнал. Сер.: Рекреация и туризм. 2023. № 2 (18). С. 46—55.

15. *Тхао Монг Тхи Фьонг, Змяк С. С., Решетникова Н. Н.* Тенденции развития туризма в условиях кризиса: обзор мирового и российского сектора // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2022. № 1 (58). С. 169—178.

16. *Карпова Г. А., Еремичева П. Ю.* Пути повышения заинтересованности местного населения к развитию туризма на территории Калининградской области // Профессорский журнал. Сер.: Рекреация и туризм. 2023. № 2 (18). С. 14—22.

17. *Туризм* // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (даты обращения: 05.08.2024 — 24.09.2024).

18. *Туристические маршруты Ростовской области* // Вольный дон. URL: <https://visitdon.ru/routes/> (дата обращения: 17.08.2024).

19. *Калининградская область попала в топ-5 регионов РФ по приросту турпотока в 2023 году* // Представительство Правительства Калининградской области при Правительстве Российской Федерации. URL: <https://msk.gov39.ru/news/kaliningradskaya-oblast-popala-v-top-5-regionov-rf-po-prirostu-turpotoka-v-2023-godu/> (дата обращения: 17.09.2024).

20. *Калининградскую область в 2023 году посетили 2,2 млн человек* // Интерфакс. URL: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/kaliningradskuyu-oblast-v-2023-godu-posetilo-2-2-mln-chelovek> (дата обращения: 15.09.2024).

21. *Турпоток в Калининградскую область в 2024 г. может достичь рекордных 2,13 млн человек* // Ведомости. URL: <https://spb.vedomosti.ru/society/articles/2024/06/24/1045697-turpotok-v-kaliningradskuyu-oblast> (дата обращения: 20.09.2024).

22. *Mikhaylova A. A., Bocharnikov V. N., Giricheva E. E. et al.* Geospatial modeling of the distribution of tourist attractions for the functional delimitation of coastal zones // Geo-Journal of Tourism and Geosites. 2023. № 50 (4). P. 1494—1505. <https://doi.org/10.30892/gtg.50429-1147>.

23. *Федоров Г. М.* Калининградская дилемма: «коридор развития» или «двойная периферия»? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике // Балтийский регион. 2010. № 2 (4). С. 5—15.

24. *Зверев Ю. М., Федоров Г. М.* Калининградские альтернативы: 25 лет спустя. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020.

25. *«Новаяпорт» создаст единый колл-центр для аэропортов Калининграда, Мурманска и Пскова* // Интерфакс. URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/main/novaport-sozdast-edinyu-koll-centr-dlya-aeroportov-kaliningrada-murmanska-i-pskova> (дата обращения: 27.09.2024).

26. *Собственник Храброво запланировал двухэтажную пристройку к зданию аэропорта* // Новый Калининград. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/24077547-sobstvennik-khrabrovo-zaplaniroval-dvukhetazhnyu-pristroyku-k-zdaniyu-aeroporta.html> (дата обращения: 11.08.2024).

27. *Ермак: Средняя загрузка отелей в Калининградской области в 2023 году составила около 70 %* // Информационно-аналитический портал Калининграда. URL: <https://kgd.ru/news/society/item/107509-ermak-srednyaya-zagruzka-otelej-v-kaliningradskoj-oblasti-v-2023-godu-sostavila-okolo-70> (дата обращения: 16.09.2024).

Об авторах

Василиса Валерьевна Горочная, кандидат экономических наук, доцент, специалист по учебно-методической работе, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: esekson@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6493-8864

Михайлова Анна Алексеевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра геополитических исследований Балтийского региона, Институт региональных и геополитических исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6807-6074

The authors

Dr Vasilisa V. Gorochnaya, Associate Professor, specialist on educational and methodic work, Academy of Psychology and Educational Sciences, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: esekson@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6493-8864

Dr Anna A. Mikhaylova, Senior Researcher, Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6807-6074

О. В. Подшувейт

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)*

НОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ ПРИГРАНИЧНОГО И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АРКТИКЕ

Отмечается, что Арктическая зона Российской Федерации является приграничной территорией с самой протяженной государственной морской и сухопутной границей. Приграничное сотрудничество в рамках Арктического совета остановлено, что необходимо оценивать как мотивирующий фактор развития межрегионального сотрудничества арктических регионов и международного сотрудничества со странами Азии и Латинской Америки.

The Arctic zone of the Russian Federation is a border area with the longest border. Cross-border cooperation within the Arctic Council has been stopped, which must be assessed as a motivating factor in the development of interregional cooperation in the Arctic regions and international cooperation with the countries of Asia and Latin America.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, приграничное сотрудничество, межрегиональное и международное сотрудничество в Арктике

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, cross-border cooperation, interregional and international cooperation in Arctic

После распада Советского Союза, объявления Севморпути открытой транспортной артерией для международного плавания взаимодействие России с Финляндией, Норвегией, Канадой и США развивалось [1]. Были созданы организации международного сотрудничества: Северный форум основан в 1991 г., Совет Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР) сформирован в 1993 г., Арктический совет начал свою работу в 1996 г., Международный арктический научный комитет, Международная конференция «Arctic Frontiers» работают с 2006 г., Конференция парламентариев арктических стран, Университет Арктики, международные проекты «Арктический мост, Черчилл — Мурманск» и другие проекты способствовали формированию многостороннего междисциплинарного и взаимовыгодного диалога, что было крайне невыгодного Соединенным Штатам Америки уже в начале 2000-х гг. [2, с. 221—232].

В результате вступления Финляндии и Швеции в НАТО и прекращения взаимодействия стран циркумполярного региона на площадке Арктического совета приграничное сотрудничество за полярным кругом «заморожено». Государственная сухопутная граница перестала быть линией конструктивного взаимодействия и многостороннего сотрудничества между приграничными

регионами Норвегии, Финляндии и России. Позиция России по Сирийскому вопросу, воссоединение Крыма с Россией стали причиной введения США антироссийских экономических санкций, которые поддержали страны Скандинавского полуострова [3].

Геополитическое давление Запада особенно сказывалось на экономике Финляндии. Так, еще во время распада Советского Союза последствия для экономического сотрудничества между Финляндией и Россией, которое было строго регламентировано на правительственном уровне, оказались крайне негативными, но начиная с 1993 г. рост объема товарооборота стал стабильным. Последствия пандемии ударили по торговле сильнее санкций 2014 г., и в 2020 г. снижение российско-финского товарооборота составило 30 %, или 9 млрд долларов США [4]. Однако добрососедские отношения, в первую очередь с Финляндией, продолжали носить стратегический и взаимовыгодный характер [5]. Мурманская область на рубеже веков была площадкой для активного гуманитарного приграничного сотрудничества с Норвегией [6].

Начало специальной военной операции на Украине послужило поводом для стран Арктического региона прекратить взаимодействие с российскими субъектами Арктической зоны. Влияние негативных последствий для арктических регионов РФ кратно возросло в результате столь резкого изменения траектории социально-экономического и гуманитарного сотрудничества в Арктике, в условиях ограниченных и дорогостоящих возможностей транспортной доступности арктических территорий, удаленности их друг от друга и от центральных регионов России, роста геополитического напряжения в циркумполярном регионе в целом. Приграничные регионы Дальневосточного, Южно-Сибирского, Южно-Кавказского макрорегионов не испытывают такого мощного отрицательного воздействия в результате одинаковых по силе внешних факторов.

Арктические регионы России нуждаются в пристальном внимании. Международное сотрудничество Мурманской области, Республики Карелия и Чукотского автономного округа, а также Архангельской области, Ненецкого автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа, Красноярского края, Республики Саха (Якутия) должно быть переориентировано на межрегиональное сотрудничество и максимально активизировано с целью решения социально-экономических, экологических и транспортно-логистических проблем. Посредством оценки, анализа и переосмысления значения культурного и природного наследия Арктики целесообразно развивать культурное и гуманитарное сотрудничество как между регионами внутри России, так и с заинтересованными странами Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

Учитывая богатейшие природные ресурсы российского арктического шельфа, стратегическое значение Северного морского пути, глобальные изменения климата, можно предположить, что геополитическое напряжение в регионе будет расти. Арктические регионы России, по территории которых проходит государственная сухопутная и морская граница, заслуживают пристального внимания экспертов не менее, чем другие приграничные регионы. Важно понимать все риски и возможности этих территорий. Например, морской порт Дудинка является международным, с действующим пунктом пропуска через государственную границу. Чукотский автономный округ и город Певек, где ошвартована плавучая атомная электростанция, находится на критически

близком расстоянии от Соединенных Штатов Америки, которые в сентябре перебросили свои войска и реактивные системы залпового огня HIMARS на Алеутские острова, штат Аляска [7].

Первостепенной задачей для государства в Арктике является обеспечение высокого качества жизни в отдаленных малонаселенных городах и поселках, решение давно назревших проблем оттока населения [8, с. 173] и кадрового обеспечения реализации масштабных промышленных проектов [9]. Необходимо развивать и укреплять межрегиональные социально-экономические, научные и экологические связи арктических регионов, что позволит сформировать надежный каркас противодействия внешним угрозам.

Северный морской путь должен развиваться в парадигме транспортно-логистического обеспечения реализации масштабных проектов в добывающей и металлургической промышленности, а не транзитного коридора Европа — Юго-Восточная Азия [10]. Навигация по трассе Севморпути, развитие речного судоходства, обеспечение безопасности судоходства опирается на густую сеть гидрометеорологических постов и метеорологических станций, морских и речных портов, а значит, предполагает инновационное развитие этих территорий.

Арктический международный и внутренний туризм в экстремальных природных условиях имеет большой потенциал развития и решения многих социально-экономических проблем на арктических территориях, но требует инновационных механизмов управления и инфраструктурного, технического обеспечения. Крайне важным аспектом является то, что арктический туризм должен всесторонне содействовать укреплению имиджа России как северной державы, формированию максимально глубокого понимания стратегического значения арктических территорий для всей страны. Автор статьи предлагает рассматривать арктический туризм в контексте государственной политики формирования социально-экономического благополучия арктических территорий, сохранения историко-культурного и природного наследия Арктики [11; 12].

Существуют все предпосылки развивать восточный вектор международной кооперации в Арктике посредством научной дипломатии, культурного и гуманитарного сотрудничества [13—15]. Вопросы обеспечения глобального экологического равновесия, технического и технологического сотрудничества можно обсуждать и решать исключительно в формате конструктивного диалога, взаимоуважения и понимания исторической роли России в исследовании и освоении территорий за Северным полярным кругом.

Список литературы

1. *Сморчкова В. И.* Перспективы развития международного сотрудничества в Арктике: основные направления // Государственная служба. 2020. № 5 (127). С. 76—83.
2. *Арктика* в пространственном развитии Российской Федерации. Проблемы управления : монография. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020.
3. *Беляев С. А.* Вопросы экономического взаимодействия России и скандинавских стран // Экономические исследования. 2019. № 2. С. 1—8.
4. *Андреев О. А., Раутио В., Тюккюлайнен М.* Деловые отношения между Россией и Финляндией на рубеже веков // Вестник МГТУ. 2003. № 2. С. 292—305.
5. *Олейник Н. М.* Изменение экономического вектора приграничного сотрудничества: вызовы, перспективы // Вестник СИБИТа. 2024. № 1. С. 110—115.

6. *Ильичева М. Б.* Сотрудничество России и стран Северной Европы в гуманитарной сфере в конце XX — начале XXI в. (на примере Мурманской области) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 2. С. 112—118.

7. *СМИ:* США срочно перебросили войска к Аляске из-за учений «Океан» // ТАСС. 15.09.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21869807> (дата обращения: 27.09.2024).

8. *Недосека Е. В., Шарова Е. Н., Шорохов Д. М.* Убывающие города российской Арктики: статистические тренды и публичный дискурс о причинах оттока населения // АИС. 2024. № 54. С. 169—189.

9. *Костылев И. И.* Кадровая обеспеченность арктических проектов // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 55—65.

10. *Севморпуть 2.0.* Как совершить арктических прорыв // ТАСС, Спецпроекты. 2019. URL: <https://icebreakers.tass.ru/dolgij-put-na-sever/direkciya-severnogo-morskogo-puti> (дата обращения: 27.09.2024).

11. *Подшувейт О. В.* Культурный щит Русской Арктики // Информационно-политический журнал «Персона страны». 01.05.2022. URL: <https://persona-strany.ru/kulturnyj-shhit-russkoj-arktiki/> (дата обращения: 27.09.2024).

12. *Андреева Т. А., Подшувейт О. В., Субетто Д. А.* Культурное наследие арктических музеев как объект государственного управления // Арктика-2035. 2024. № 1 (17). С. 25—31.

13. *Ван Ясинь.* Международное научное сотрудничество стран БРИКС в Арктике // Управленческое консультирование. 2023. № 3. С. 131—139.

14. *Куклина Е. А.* Современный Китай в экономическом пространстве Арктики // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1 (35). С. 22—31.

15. *Лукин А. Л., Ли Юнхуэй, Кейдун И. Б.* Россия и Китай в Арктике: состояние и перспективы двустороннего сотрудничества // Известия Восточного института. 2022. № 1 (53). С. 123—131.

Об авторе

Ольга Викторовна Подшувейт, кандидат географических наук, доцент факультета географии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: olga_crassin@mail.ru

ORCID: 0009-0007-8266-7026

The author

Dr Olga V. Podshuveyt, Associate Professor, Faculty of Geography, Herzen University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: olga_crassin@mail.ru

ORCID: 0009-0007-8266-7026

В. В. Лазарева

Амурский государственный университет (Благовещенск, Россия)

**ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ:
АНАЛИЗ ОПЫТА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ**

Приводится анализ опыта использования дифференцированного подхода к региональной политике в отношении приграничных территорий. В качестве объекта исследования выбрана Амурская область как приграничный регион, имеющий самую протяженную границу с КНР, в развитии которой прослеживаются общие тенденции и вызовы, характерные для Дальнего Востока. Цель исследования — изучить изменения в приоритетах и инструментах региональной политики федерального центра и органов региональной власти в отношении приграничных регионов в целом и Амурской области в частности.

The article is devoted to the analysis of the experience of using a differentiated approach to regional policy in relation to border territories. The Amur Region was chosen as the object of research as a border region with the longest border with the People's Republic of China, in the development of which general trends and challenges characteristic of the Far East are traced. The purpose of the study is to trace changes in the priorities and instruments of regional policy of the federal center and regional authorities in relation to the border regions in general and the Amur Region in particular.

Ключевые слова: региональная политика, приграничные территории, дифференцированный подход, Дальний Восток, геостратегические территории

Keywords: regional policy, border territories, differentiated approach, the Far East, geostrategic territories

Исследование проблем развития приграничных территорий Российской Федерации не только не теряет своей актуальности, но и продиктовано новыми геополитическими и экономическими вызовами, с которыми столкнулась страна. Эскалация военного конфликта в российско-украинском приграничье, санкционный режим в отношении России и введение вторичных санкций в отношении стратегических партнеров РФ, смена внешнеполитического курса страны и расширение спектра внешнеэкономического взаимодействия с дружественными к РФ странами требуют более глубокого осмысления роли приграничных регионов как стратегического ресурса и определяют необходимость пересмотра соответствующих направлений региональной политики. При формировании и реализации региональной политики в отношении приграничных территорий одним из ключевых принципов должен стать дифференцированный подход. Использование дифференцированного подхода харак-

терно для многих направлений и сфер государственного управления, в том числе для решения проблем регионального развития. В самом общем понимании такой подход предусматривает учет специфических условий и особенностей каждого региона для разработки наиболее эффективных мер и инструментов воздействия [1].

Применение дифференцированного подхода для отдельно взятого участка приграничья автор предлагает рассматривать в трех контекстах:

— во-первых, с позиции эволюции роли приграничных территорий в региональной политике федерального центра, обусловленной изменениями приоритетов пространственного развития страны;

— во-вторых, с позиции изменения приоритетов в отношении приграничных территорий, обусловленного сменой внешнеполитического курса страны. Изменения во внешнеполитическом курсе могут открыть новые возможности или, наоборот, поставить перед регионами новые вызовы;

— в-третьих, с позиции неоднородности внутрирегионального пространства приграничного региона.

Формирование региональной политики в отношении приграничных территорий, учитывающей все эти три составляющие, позволит учесть как интересы страны в целом, так и потребности каждой такой территории.

В рамках данного исследования использование дифференцированного подхода будет рассмотрено на примере Амурской области — как приграничного субъекта РФ, входящего в состав ДФО.

Общие изменения роли приграничных территорий в региональной политике федерального центра связаны с трансформацией приоритетов пространственного развития страны. В советское время приграничные регионы рассматривались преимущественно с точки зрения обороны и защиты государственной границы. Экономическое развитие этих территорий было подчинено общенациональным планам индустриализации, составленным без учета местных особенностей и потенциала трансграничного сотрудничества.

С распадом СССР и переходом к рыночной экономике акценты в пространственном развитии страны начали меняться. Осознание необходимости усиления роли приграничных регионов в экономическом развитии нашло подтверждение в Основных положениях региональной политики РФ¹.

Турбулентность периода 1990—2000 гг. значительно усилила межрегиональную дифференциацию и кризисность социально-экономического развития отдельных участков приграничья [2]. Это в полной мере характерно для субъектов РФ, относящихся к дальневосточному приграничью России. Для Амурской области это выразилось в значительном спаде производства, банкротстве предприятий, массовой безработице, деградации системы расселения, усилении межрегиональной дифференциации и «сжатии» освоенного пространства [3]. Амурская область, как и Дальний Восток в целом, столкнулась с оттоком населения и снижением промышленного потенциала. Как следствие, была утрачена конкурентоспособность приграничных территорий, в том числе Амурской области, перед сопредельными территориями [4].

---

¹ См.: *Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации* : указ Президента Российской Федерации № 803 от 03.06.1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В указанный период в качестве базовых моделей региональной политики были выбраны как выравнивающая модель (трансферты наиболее отстающим регионам), так и стимулирующая политика (создание особых зон, крупные проекты, финансируемые из федерального бюджета) [5].

Начиная с 2000 г. в стране был взят курс на создание единого экономического пространства с целью интеграции регионов и усиления позиций на международной арене. Изменения коснулись и внешнеполитической стратегии страны, направленной на выстраивание многополярного мира и добрососедских взаимоотношений по периметру российских границ. В данной стратегии ключевую роль играли создание и активное участие России в международных объединениях, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и Таможенный союз. В этот период для развития приграничных регионов активно используются следующие инструменты: федеральные целевые программы¹, специальные зоны для стимулирования бизнес-деятельности², программы приграничного сотрудничества.

В отношении Дальнего Востока также происходят существенные сдвиги, связанные с «поворотом на Восток», закреплением в качестве стратегического приоритета на весь XXI в. ускоренного развития макрорегиона. Дальний Восток, будучи самым редконаселенным и самым удаленным регионом страны, отличается наибольшей спецификой условий хозяйствования и социально-экономического развития. Одним из значимых документов в этой сфере является «Концепция развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа», выделившая дальневосточные приграничные территории в особый объект государственной политики, что обусловлено такими факторами, как высокая геополитическая значимость макрорегиона, значительный экономический потенциал и богатая природно-сырьевая база, непрекращающийся отток населения, инфраструктурная необустроенность. Перечисленные факторы определяют сложность и неэффективность применения в ДФО унифицированных подходов и методов к управлению и, как следствие, выработки для данного округа специфических. В этот период новацией является введение новых институтов развития в субъектах ДФО (зоны с особыми условиями хозяйствования; инфраструктурная поддержка инвестиционных проектов; бесплатное предоставление земельных участков; Дальневосточная ипотека и ряд других) [6].

Принятие «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» стало значимым событием в формировании государственной политики, направленной на сбалансированное и устойчивое развитие регионов страны. Одной из ключевых новаций этой стратегии было

¹ См.: *О федеральной целевой программе «Комплексное развитие приграничного поселения Забайкальск Читинской области»* : постановление Правительства РФ от 8 января 1998 г. № 17 ; *О федеральной целевой программе Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002—2010 годы и до 2015 года)* : постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 717. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Об особых экономических зонах в Российской Федерации* : федер. закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

введение понятия «геостратегические территории». Это понятие охватывает регионы, которые имеют особое значение для обеспечения национальной безопасности, социально-экономического развития и укрепления позиций России на международной арене. К их числу был отнесен и Дальний Восток РФ.

Изменения внешнеполитического курса страны напрямую определяют возможности и угрозы социально-экономического развития приграничных территорий. В условиях изменения глобальной геополитической обстановки и напряженности в отношениях с западными странами Россия активно развивает сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего с Китаем. И здесь ключевую роль, безусловно, играет Дальний Восток в целом и Амурская область в частности.

Стоит подчеркнуть, что на протяжении длительного времени, вплоть до конца XX в., российско-китайская граница в пределах Амурской области оставалась одной из самых закрытых. Она была оснащена обширными пограничными сооружениями и характеризовалась жестким режимом пограничной зоны. С конца XX в., отношения между Россией и Китаем нормализовались, и это способствовало налаживанию приграничных внешнеэкономических связей. Амурскую область можно считать «пионером» в развитии приграничного сотрудничества с КНР. Значительная роль в этом принадлежит безвизовому режиму, способствующему наращиванию объемов приграничной торговли и туристического обмена. В результате были достигнуты значительные успехи как на местном уровне, так и в двусторонних отношениях [4]. Реализация совместных проектов в области экономики, энергетики, транспорта и туризма не только способствует укреплению двусторонних отношений, но и стимулирует социально-экономическое развитие региона. Перспективы дальнейшего сотрудничества выглядят многообещающе. С усилением интеграционных процессов в рамках таких инициатив, как «Один пояс, один путь» и Евразийский экономический союз, приграничные регионы могут сыграть ключевую роль в формировании новых транспортных и экономических коридоров, способствуя развитию не только местных сообществ, но и государств в целом.

Таким образом, использование дифференцированного подхода в региональной политике федерального центра в отношении Амурской области обусловлено как эволюцией роли приграничных территорий в пространственном развитии страны, так и изменениями во внешнеполитическом курсе России. Амурская область, благодаря своему географическому положению и потенциалу трансграничного сотрудничества, становится ключевым элементом в стратегии развития Дальнего Востока и интеграции России в экономические процессы Азиатско-Тихоокеанского региона.

Список литературы

1. Лазарева В. В., Власова Н. Ю. Региональная политика в отношении приграничных территорий // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 247, № 3. С. 265—287. doi: 10.38197/2072-2060-2024-247-3-265-287.

2. Артоболевский С. С., Вардомский Л. Б. Приграничные ареалы и региональная политика в Российской Федерации // Проблемы общественной географии : сб. науч. тр. / под общ. ред. П. Г. Подглушного. Киев : Изд-во Института географии НАН Украины, 2010. Вып. 5. С. 14—26.

3. *Минакир П. А.* Дальний Восток и Забайкалье накануне реформы: концепция вхождения в рынок // *Пространственная экономика*. 2017. № 1. С. 17—51. doi: 10.14530/se.2017.1.017-051.

4. *Дьяченко В. Н.* Особенности программирования развития российско-китайского приграничья // *Экономика и предпринимательство*. 2016. № 3-1 (68). С. 262—265.

5. *Зубаревич Н. В.* Эволюция приоритетов региональной политики России // *Вопросы географии*. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М. : Кодекс, 2015 (2016). С. 151—165.

6. *Развитие* больших социально-экономических систем: Дальневосточный макро-регион / А. Г. Исаев, Н. Е. Антонова, А. Б. Бардаль [и др.]. Хабаровск : Изд-во Института экономических исследований ДВО РАН, 2023.

Об авторе

Виктория Владимировна Лазарева, кандидат экономических наук, доцент, доцент, Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия.

E-mail: v_lazareva12@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9181-9393

The author

Dr Viktoria V. Lazareva, Associate Professor, Associate Professor, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia.

E-mail: v_lazareva12@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9181-9393

Р. В. Тарантул

Восточный институт — Школа региональных и международных исследований
Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия)

ПУНКТЫ ПРОПУСКА НА ГРАНИЦЕ С КНР: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Проведен краткий анализ состояния ключевых российских пунктов пропуска на границе с Китаем, а также перечислены нефункционирующие погранпереходы, которые установлены двусторонними договорами между РФ и КНР. Систематизирована информация об актуальных российских проектах, направленных на повышение пропускной способности российско-китайской границы. Проведенное исследование демонстрирует активизацию властей РФ в вопросах модернизации и развития погранпереходов на границе с КНР.

A brief analysis of the state of key Russian checkpoints on the border with China and lists non-functioning border checkpoints established by bilateral agreements between the Russian Federation and China. The author systematizes information on current Russian projects aimed at increasing the throughput capacity of the Russian-Chinese border. The conducted study demonstrates the activation of the Russian authorities in matters of modernization and development of checkpoints on the border with China.

Ключевые слова: пункт пропуска, погранпереход, Россия, Китай, пропускная способность

Keywords: checkpoint, border crossing, Russia, China, throughput capacity

Введение

В настоящее время взаимоотношения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой достигли небывалого подъема. Это подтверждается подписанием в мае 2024 г. совместного заявления двух стран об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, а также установлением нового рекорда в двустороннем товарообороте по итогам 2023 г.

Дальневосточный федеральный округ России (ДФО), площадь которого в 10 раз превышает территорию Франции и почти в 20 раз площадь Германии, играет ключевую роль в торговых отношениях между РФ и КНР. Именно через данный макрорегион перемещается подавляющая часть грузов между странами. По территории ДФО проходят и крайне важные для экономики КНР транзитные маршруты, соединяющие Китай со странами Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона.

В данном ключе особую значимость приобретают сухопутные пограничные переходы между РФ и КНР, поскольку именно они обеспечивают саму возможность осуществления как двусторонних, так и транзитных грузопотоков между странами, а их состояние и эффективность работы погранпереходов напрямую влияют на скорость и стоимость логистических операций, то есть на общее экономическое наполнение приграничного сотрудничества.

Состояние пунктов пропуска между РФ и КНР

В современной внешнеполитической ситуации для России сформировалась дополнительная актуальность развития пропускной инфраструктуры на границах с Китаем, о чем говорится в подписанном в мае 2024 г. совместном заявлении глав РФ и КНР [1]. Основные векторы модернизации пограничных переходов приведены в совместном коммюнике глав правительств РФ и КНР от декабря 2023 г. [2]. Согласно этому документу стороны договорились наращивать динамику строительства инфраструктуры пунктов пропуска, повышать пропускную способность и обеспечивать эффективность их работы.

Тем не менее состояние пограничных переходов на границе с Китаем далеко от оптимального, в связи с чем требуется их ускоренная модернизация. Существующие двусторонние соглашения определяют 27 постоянных пунктов пропуска с КНР [3]. Больше количество пограничных переходов (52) Россия имеет только на границе с Казахстаном. Из 27 установленных российско-китайскими соглашениями пунктов пропуска на сегодня функционирует лишь 19 (8 автомобильных, 4 железнодорожных, 6 смешанных и 1 речной) (рис. 1).

Нефункционирующие пункты пропуска, которых на сегодняшний день насчитывается 8, имеются во всех граничащих с КНР регионах ДФО (табл.).

Нефункционирующие пункты пропуска на границе с КНР

Наименование пункта пропуска	Характеристика	Регион нахождения	Период работы
Покровка — Логухэ	Двусторонний автомобильный грузовой	Забайкальский край	До 2007 г.
Джалинда — Мохэ	Многосторонний смешанный грузопассажирский	Амурская область	До 2008 г.
Константиновка — Суньу	Многосторонний смешанный грузопассажирский	Амурская область	—
Ушаково — Хума	Многосторонний смешанный грузопассажирский	Амурская область	—
Благовещенск-1 — Хэйхэ	Многосторонний пешеходный пассажирский	Амурская область	—
Пашково — Цзяинь	Многосторонний смешанный грузопассажирский	Еврейская автономная область	До 2012 г.
Большой Уссурийский — Хэйсяцзыдао	Многосторонний автомобильный пассажирский	Хабаровский край	—
Марково — Хулинь	Двусторонний автомобильный грузопассажирский	Приморский край	До 2020 г.

Источник: составлено и рассчитано на основе [3].

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

■ функционирующие пункты пропуска:

1. Забайкальск — Маньчжурия
2. Забайкальск — Маньчжурия
3. Староцурухайтуйский — Хэйшаньтоу
4. Олочи — Шивэй
5. Сквородино — Мохэ
6. Благовещенск — Хэйхэ
7. Кани-Курган — Хэйхэ
8. Поярково — Сюнькэ
9. Амурзет — Лобэй
10. Нижнеленинское — Тунцзян
11. Нижнеленинское — Тунцзян
12. Хабаровск — Фуюань
13. Покровка — Жаохэ
14. Турий Рог — Мишань
15. Пограничный — Суйфэньхэ
16. Пограничный — Суйфэньхэ
17. Полтавка — Дуннин
18. Краскино — Хуньчунь
19. Махалино — Хуньчунь

□ нефункционирующие пункты пропуска:

- А. Покровка — Логухэ
- Б. Джалинда — Мохэ
- В. Ушаково — Хума
- Г. Благовещенск-1 — Хэйхэ
- Д. Константиновка — Суньэ
- Е. Пашково — Цзянь
- Ж. Большой Уссурийский — Хэйсяцзыдао
- З. Марково — Хулинь

Рис. Расположение пунктов пропуска на границе с КНР

Источник: составлено на основе [3].

До 2024 г. к нефункционирующим пунктам пропуска относился и двусторонний автомобильный грузовой переход Абагайтуй — Эрка, находившийся между Забайкальским краем и автономным районом Внутренняя Монголия. В мае 2024 г. РФ и КНР путем обмена нотами исключили данный пункт пропуска из текста соглашения от 1994 г. [4].

Большинство функционирующих на границе с КНР российских пунктов пропуска являются проблемными с инфраструктурной точки зрения объектами, которые имеют существенный потенциал для развития и увеличения грузового и пассажирского оборота. В декабре 2023 г. коммюнике глав правительств РФ и КНР стороны договорились увеличивать перевозки через железнодорожный мост Нижнеленинское — Тунцзян и автомобильный мостовой переход Кани-Курган — Хэйхэ [2]. Однако на сегодняшний день расположенные у мостовых переходов российские погранпереходы Кани-Курган и Нижнеленинское функционируют по временной схеме работы, обрабатывая соответственно около 30 и 50 % [5] от предусмотренных проектами постоянных пунктов пропуска объемов грузового потока [6].

Дальнейшего развития требуют и другие значимые для российско-китайской торговли погранпереходы. Так, пропускная способность железнодорожного пункта пропуска Пограничный составляет не более 32 грузовых составов и 4 пассажирских поездов в сутки [7], автомобильного — не более 70 транспортных средств. Федеральные и региональные власти РФ неоднократно планировали модернизировать данные погранпереходы, однако в силу различных причин намеченные мероприятия либо не осуществлялись, либо проводились не в полном объеме.

Перспективы развития пропускной инфраструктуры на российско-китайской границе

Возобновление работы и обустройство хотя бы части из перечисленных нефункционирующих пунктов пропуска создаст дополнительный инфраструктурный потенциал для увеличения грузового и пассажирского оборота между РФ и КНР. Более того, некоторые из нефункционирующих погранпереходов призваны обеспечивать реализацию активно обсуждаемых сегодня властями и бизнесом двух стран совместных инвестиционных проектов.

Так, на сегодняшний день созданы условия для обустройства пограничного перехода Большой Уссурийский — Хэйсяцзыдао. В 2013 г. стороны соединили остров мостами с российским и китайским берегами р. Амур. В 2016 г. РФ и КНР подписали соглашение, предполагающее строительство пункта пропуска в центральной части острова. Вместе с тем работы по возведению погранперехода на сегодняшний день не начаты. В мае 2024 г. РФ и КНР согласовали концепцию совместного развития острова [8], в соответствии которой пункт пропуска Большой Уссурийский — Хэйсяцзыдао станет ключевым объектом российско-китайской туристической зоны и будет обеспечивать работу международного транспортного коридора.

С 2019 г. в российско-китайской переговорной повестке возник вопрос возобновления работы пункта пропуска Джалинда — Мохэ. Погранпереход прекратил свою работу в 2008 г. в связи с нерентабельностью. Новый проект предусматривает работу перехода в автомобильно-железнодорожном формате, для чего предполагается возвести совмещенный мост для двух видов транспорта. Данная инициатива обсуждалась на Восточных экономических форумах в 2022, 2023 и 2024 гг. [9].

В отношении функционирующих погранпереходов стоит отметить, что с 2022 г. российское руководство принимает действенные шаги по модерниза-

ции ключевых объектов пропускной инфраструктуры на границе с КНР. Показательно, что если до 2022 г. на обустройство пунктов пропуска российское руководство выделяло от 9 до 10 млрд рублей в год, то в 2022 г. данная сумма составила 20,7 млрд рублей, в 2023-м — 25 млрд рублей, а в 2024-м — уже 35 млрд рублей. Еще пример: в 2023 г. Минтранс изъял у частных собственников здание автомобильного пункта пропуска Пограничный, после чего началась активная реконструкция объекта. По завершении работ ежесуточная пропускная способность погранперехода составит 500 грузовых транспортных средств, 200 пассажирских автобусов и 600 легковых автомобилей, что в 9 раз превысит существующие параметры [10].

В настоящее время ведутся работы и по реконструкции пункта пропуска Краскино, который, обеспечивая ключевое направление торговли с китайской провинцией Цзилинь, долгое время оставался одним из наиболее проблемных объектов на российско-китайской границе [11]. К апрелю 2024 г. строительная готовность нового комплекса зданий погранперехода достигла 41 %. Пропускная способность объекта составит 750 транспортных средств в сутки, из которых 650 грузовых, 50 легковых и 50 автобусов [12].

Кроме того, ведутся активные работы по выводу на проектные мощности пропускных объектов у мостовых переходов Кани-Курган — Хэйхэ и Нижнеленинское — Тунцзян. По состоянию на февраль 2024 г. строительная готовность постоянного пункта пропуска Кани-Курган достигла 40 % [13]. По завершении работ погранпереход сможет ежесуточно обрабатывать 630 грузовых транспортных средств, 164 автобуса и 68 легковых автомобилей [13]. Для вывода мостового перехода Нижнеленинское — Тунцзян на проектные мощности продолжается строительство сопутствующей инфраструктуры в прилегающем к пункту пропуска транспортно-логистическом терминале [14]. По окончании всех работ грузооборот на данном направлении сможет достигать 24 млн т в год [15].

В результате проведенных в 2022—2024 гг. работ совокупная пропускная способность российских погранпереходов на границе с Китаем выросла с 800 до 1300 транспортных средств и с 45 до 59 пар поездов в сутки [16].

Заключение

Ненормативное состояние российских пунктов пропуска на протяжении длительного периода времени оставалось проблемным вопросом торгово-экономических отношений РФ и КНР. Однако в 2022 г. российское руководство в условиях изменений на внешней арене и интенсивного роста товарооборота с Китаем приняло ряд действенных мер, направленных на модернизацию системы пунктов пропуска на границе с КНР, что позволяет говорить о существенном транспортно-инфраструктурном потенциале для дальнейшего увеличения объемов товарооборота между странами.

Список литературы

1. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегическо-

го взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (дата обращения: 06.08.2024).

2. *Совместное коммюнике* по итогам двадцать восьмой регулярной встречи глав правительств России и Китая. URL: <http://static.government.ru/media/files/b6ZzHZDWBTaCdSDJfLFbAUakhChtBzxn.pdf> (дата обращения: 06.08.2024).

3. *Соглашение* между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе. Пекин, 27 января 1994 г. (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/2560027/> (дата обращения: 06.08.2024).

4. *Соглашение* между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе от 27 января 1994 года, заключенное в форме обмена нотами, от 18 сентября 2023 года и от 9 мая 2024 года (вступило в силу 9 мая 2024 года). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405310003?index=2> (дата обращения: 06.08.2024).

5. *Усов П.* Поезда проходят над Амуром // East Russia. 23.05.2024. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/poezda-prokhodyat-nad-amurom/> (дата обращения: 07.08.2024).

6. *В Амурской области* приступили к активным работам по строительству постоянного пункта пропуска возле моста Благовещенск — Хэйхэ // Trans.ru. 12.09.2022. URL: <https://trans.ru/news/v-amurskoi-oblasti-pristupili-k-aktivnim-rabotam-po-stroitelstvu-postoyannogo-punkta-propuska-vozle-mosta-blagoveschensk-heihe> (дата обращения: 07.08.2024).

7. *Король Р. Г.* Формирование приграничной терминально-логистической инфраструктуры для организации контейнерных перевозок на направлении Суйфэньхэ (КНР) — Гродеково (РФ) // Известия Транссиба. 2022. № 1 (49). С. 43—56.

8. *Россия* инвестирует в развитие острова Большой Уссурийский не менее 8 млрд рублей // Федеральное агентство железнодорожного транспорта : [офиц. сайт]. 27.05.2024. URL: <https://rlw.gov.ru/press/document/20457> (дата обращения: 07.08.2024).

9. *Строительство* моста Джалинда-Мохэ позволит экспортировать 20 млн тонн грузов из Якутии в Китай // Якутия.инфо. 08.02.2023. URL: <https://yakutia.info/article/208131> (дата обращения: 07.08.2024).

10. *Более 200 человек и 30 единиц техники* трудятся на объекте реконструкции автомобильного пункта пропуска Пограничный в Приморском крае // ФГКУ «Росгранстрой» : [офиц. сайт]. 25.09.2023. URL: <https://rosgranstroy.ru/press-center/news/bolee-chelovek-i--edinic-tehniki-trudyatsya-na-obekte-rekonstrukcii-avtomobilnogo-punkta-propuska-pogranichnyu-v-primorskom-krae> (дата обращения: 07.08.2024).

11. *Алексеев Д.* Из-за пограничного долгостроя бюджет РФ теряет миллионы // Вести.ru. 12.05.2022. URL: <https://www.vesti.ru/article/2737767> (дата обращения: 07.08.2024).

12. *Владимир Путин* поручил Минтрансу России в 2025 году завершить реконструкцию автомобильных пунктов пропуска Пограничный и Краскино на границе с Китаем. Росгранстрой информирует о готовности модернизировать объекты в указанный срок // ФГКУ «Росгранстрой» : [офиц. сайт]. 09.04.2024. URL: <https://www.rosgranstroy.ru/press-center/news/vladimir-putin-poruchil-mintransu-rossii-v--godu>

zavershit-rekonstrukciyu-avtomobilnyh-punktov-propuska-pogranichnyu-i-kraskino-na-granice-s-kitaem-rosgranstroy-informiruet-o-hode-realizacii-proektov-i-gotovnosti-zavershit-raboty-v-ukazannyu-srok (дата обращения: 07.08.2024).

13. *Строительство* автомобильного пункта пропуска Кани-Курган на границе с КНР продолжается // Министерство транспорта РФ : [офиц. сайт]. 08.02.2024. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11099> (дата обращения: 07.08.2024).

14. *Белов П.* В 2024 году войдет в строй контейнерный терминал у мостового погранперехода Нижнеленинское — Тунцзян // РЖД-Партнер. 15.06.2023. URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/v-2024-godu-fesco-vvedet-v-stroy-konteynernyy-terminal-u-mostovogo-pogranperekhoda-nizhneleninskoe-t/> (дата обращения: 07.08.2024).

15. *РЖД* ожидают скорого открытия нового пункта пропуска Нижнеленинское — Тунцзян в сообщении с Китаем // Российские железные дороги : [офиц. сайт]. 07.09.2022. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?accessible=true&id=204827> (дата обращения: 08.08.2024).

16. *Развитие* приграничной инфраструктуры: цели и результаты // Министерство транспорта РФ : [офиц. сайт]. 27.02.2024. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/interviews/518> (дата обращения: 08.08.2024).

Об авторе

Роман Викторович Тарантул, соискатель ученой степени кандидата политических наук, Восточный институт — Школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета; Информационное агентство «Большая Евразия», региональный представитель, Владивосток, Россия.

E-mail: tarantil@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-8951-589X

The author

Roman V. Tarantul, applicant for the degree of candidate of political sciences, Department of International Relations, Oriental Institute — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University; Information agency «Greater Eurasia», regional representative, Vladivostok, Russia.

E-mail: tarantil@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-8951-589X

УДК 910.3

И. С. Гуменюк

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ СВЯЗНОСТИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ С ОСНОВНОЙ ТЕРРИТОРИЕЙ РОССИИ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Транспортная связность Калининградской области с основной территорией России, несмотря на произошедшие за последние несколько лет изменения, остается стратегическим приоритетом в контексте жизнеобеспечения эксклавного региона РФ. Возрастающая роль морских каботажных перевозок в грузоперевозках и сохраняющаяся ведущая роль авиационного транспорта в пассажирском сообщении требуют реализации нескольких крупных инфраструктурных проектов на территории региона в краткосрочной перспективе в целях повышения транспортной безопасности Калининградской области и повышения ее устойчивости к внешним угрозам.

Transport connectivity of the Kaliningrad region with the main territory of Russia, despite the changes that have occurred over the past few years, continues to remain a strategic priority in the context of life support for the exclave region of Russia. The growing role of coastal shipping in cargo transportation and the continuing leading role of air transport in passenger traffic require the implementation of several large infrastructure projects in the region in the short term in order to improve the transport security of the region and increase its resilience from external threats.

Ключевые слова: транспортная связность, Калининградская область, каботажные перевозки, пассажирские перевозки, грузовые перевозки

Keywords: transport connectivity, Kaliningrad region, cabotage transportation, passenger transportation, freight transportation

Введение

Принимая во внимание идею, что понятие «транспортная связность» синонимично понятиям «транспортная освоенность» и «транспортная доступность», высказанную рядом исследователей [1; 2] (в том числе и автором [3]), оно преимущественно используется для оценки взаимной транспортной доступности экономических центров [4] как параметр экономической оценки. Применительно к Калининградской области данное понятие справедливо использовать также для оценки состояния транспортных связей между эксклавом и основной территорией России как фактора жизнеобеспечения региона.

Для Калининградской области проблема организации транспортно-логистических связей с основной территорией страны появилась с обретением регионом статуса российского эксклава. За долгий срок механизмы обеспечения транспортного сообщения неоднократно трансформировались вследствие меняющихся внутренних и внешних условий, в которых функционировала Калининградская область [5]. В настоящий момент эти механизмы снова находятся в стадии трансформации, стараясь стать более устойчивыми и независимыми от внешних геополитических и геоэкономических условий.

Современная конфигурация обеспечения грузоперевозок

По итогам 2023 г. между Калининградской областью и основной территорией России было перевезено около 20 млн т грузов, из которых около 8 млн т — железной дорогой с использованием сухопутного транзита через территорию Литвы; около 1,5 млн т — автомобильным видом транспорта, также используя транзит по территории Литвы; остальное (примерно 10 млн т) — каботажными морскими перевозками. За последние два года роль каботажных морских перевозок существенно выросла и продолжает расти, как показывают результаты первого полугодия 2024 г. Этому обстоятельству, с одной стороны, способствуют наращивание морского флота, задействованного в каботажных перевозках (около 30 судов разного типа), и действующий механизм федерального субсидирования морских перевозок¹. С другой стороны, сухопутный транзит через территорию Литвы имеет устойчивую тенденцию к снижению в силу ухудшения организационно-правовых (на 2024 г. Литва снизила квоты на транзит по своей территории подсанкционных товаров до отметки 2,3 млн т), экономических (снижение квот сопровождалось ростом на 60 % тарифов на перевозку грузов по литовской территории) и инфраструктурных условий. Ситуация в сфере автомобильных перевозок аналогична железнодорожной и характеризуется четкой тенденцией к снижению роли сухопутного автомобильного транзита через территорию Литвы.

Логично предположить, что в условиях нарастания геополитической конфронтации между РФ и странами ЕС / НАТО вполне оправдана идея расширения возможностей морского каботажного грузового сообщения, и в перспективе это может привести к полному отказу от использования сухопутных транзитных коридоров. Это, в свою очередь, обеспечит транспортную безопасность эксклавного региона, при которой транспортная связь с основной территорией России перестанет подвергаться геополитическим рискам возможных решений со стороны недружественных стран. Однако в настоящее время полная переориентация на морские перевозки невозможна в силу ограниченности пропускной способности как морских портов Калининградской области, так и портов других балтийских субъектов Северо-Западного федерального округа РФ. Речь идет, в первую очередь, о специализированной пор-

---

¹ См.: *Об утверждении* Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям для возмещения расходов на осуществление морских перевозок грузов в (из) Калининградскую область в условиях внешнего санкционного воздействия : постановление Правительства РФ от 21 сентября 2022 г. № 1665. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 17.09.2024).

товой инфраструктуре для обслуживания автомобильно-железнодорожных паромов (наиболее востребованных при перевозке различных категорий грузов, в том числе контейнеров). Для решения данной проблемы целесообразно разработать и реализовать комплексную программу развития морского каботажного грузопассажирского судоходства между Калининградской областью и балтийскими портами Северо-Западного федерального округа РФ, предусмотрев строительство дополнительной портовой и складской инфраструктуры, а также новых судов (железнодорожных паромов разного класса и грузоподъемности), что дает возможность в перспективе обрабатывать грузы, в настоящее время перевозимые при помощи сухопутных видов транспорта транзитом через территорию Литвы.

Современная конфигурация обеспечения пассажирских перевозок

Еще в 2001 г. основным видом в обеспечении пассажирского сообщения между Калининградской областью и основной территорией России был железнодорожный транспорт, но уже к 2015 г. ведущую роль стал играть авиационный транспорт (железнодорожный и автомобильный выполняли дополняющую функцию). К 2022 г. сформировалась ситуация, при которой авиационный транспорт стал практически безальтернативным (по итогам 2021 г. самолетами было перевезено 3,9 млн человек, в то время как железнодорожным — 98 тыс. человек, автомобильным — около 50 тыс. человек).

Такая конфигурация пассажирского сообщения позволила, с одной стороны, практически безболезненно адаптироваться к новым геополитическим реалиям¹, но с другой — привела к монополизации данного рынка воздушным видом транспорта, что в первую очередь сказалось на стоимости перелета. Также это вызвало появление еще одной проблемы, связанной с высокой загруженностью единственного регионального гражданского аэропорта, который по итогам 2024 г. по объему перевезенных пассажиров приблизится к показателям проектной мощности в 5 млн пассажиров в год (пассажиропоток аэропорта Храброво за период с января по август 2024 г. составил 3 294 397 человек)². Уже сейчас перегруженность аэровокзального комплекса вызывает неудобства для пассажиров.

Говоря о перспективах дальнейшего развития механизмов пассажирского сообщения между Калининградской областью и основной территорией России, необходимо констатировать, что авиационное сообщение будет оставаться ключевым видом транспорта на этом направлении. Это обстоятельство, наряду с планами дальнейшего развития Калининградской области как туристи-

¹ Главная проблема была связана с запретом на использование воздушного пространства стран ЕС (в том числе Прибалтики) для обеспечения авиационного сообщения между Калининградской областью и основной территорией России, что привело к географическому изменению маршрутов полетов, использованию территории нейтральных вод, в результате чего возросло время движения воздушных судов (например, время рейса Москва — Калининград возросло с 2 до 3 часов), но маршрутная сеть и частота полетов не уменьшились.

² См.: *Международный аэропорт Калининград (Храброво)*. URL: <https://kgdavia.ru/mediacenter/news/5286529/> (дата обращения: 17.09.2024).

ческого региона национального уровня, уже сейчас требует масштабной модернизации аэропорта и всех вспомогательных элементов для существенного расширения проектной пропускной способности (до уровня 8—10 млн пассажиров в год) аэровокзального комплекса.

Вместе с тем для диверсификации (а в перспективе и для снижения стоимости) пассажирского сообщения между регионом и основной территорией страны целесообразно, как и в случае с грузоперевозками, подключить к этому механизму морской вид транспорта. В конце 2024 г. будет введен в эксплуатацию морской порт в городе Пионерском. Этот порт проектировался и строился в первую очередь для обслуживания пассажирских судов (в том числе маломерных), что не мешает ему стать важным узлом в обеспечении и грузового сообщения. В этой связи видится логичным вопрос организации морского пассажирского сообщения (круизного и/или паромного) через новый морской порт. При этом целесообразно обеспечить, прежде всего, перемещение пассажиров с личным автотранспортом, используя для этого автопассажирские паромы соответствующего типа. Это не только обеспечит диверсификацию механизмов пассажирского сообщения, но и существенно увеличит туристический потенциал региона за счет дополнительного притока туристов на личном автотранспорте (что, в свою очередь, может стать дополнительным стимулом к развитию туризма в центральных и восточных муниципалитетах региона). Также это расширит возможности посещения жителями Калининградской области регионов России, что напрямую скажется на укреплении социокультурных связей между эксклавным регионом и основной территорией страны.

Заключение

Транспортная связность Калининградской области с началом геополитической и геоэкономической конфронтации между Россией и странами ЕС / НАТО существенно изменилась и продолжает изменяться, стараясь стать более устойчивой и менее зависимой от внешних угроз, исходящих от политических и экономических решений недружественных стран. Несмотря на уже реализованные меры, требуется продолжать системную работу по трансформации грузового и пассажирского сообщения, в том числе используя для этого инструменты анализа и моделирования транспортных потоков при реализации различных сценариев развития геополитической и геоэкономической ситуации вокруг Калининградской области. Вместе с тем необходимо понимать, что транспортная связность эксклавного региона с основной территорией России является в первую очередь фактором жизнеобеспечения региона (а не только параметром оценки экономической эффективности региональной экономики), что делает этот фактор стратегическим приоритетом как для региональных органов власти, так и для федерального центра.

Список литературы

1. *Неретин А. С., Зотова М. В., Ломакина А. И., Тархов С. А.* Транспортная связность и освоенность восточных регионов России // Известия Российской академии наук. Сер.: Географическая. 2019. № 6. С. 35—52. doi:10.31857/S2587-55662019635-52.

2. Захаров А. И. Международный транспортный коридор «Север — Юг»: вызовы и возможности для развития транспортной связности между Россией и Индией // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 16 (2). С. 216—234. doi: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234.

3. Гуменюк И. С., Гуменюк Л. Г. Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С. 147—160. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-8.

4. Колесников Н. Г. Методика оценки транспортной связности территории на примере сети вседорожных автодорог Республики Саха (Якутия) // Экономика Востока России. 2017. № 1 (7). С. 102—106.

5. Гуменюк И. С. Адаптация механизмов обеспечения транспортной безопасности Калининградской области в новых геополитических и геоэкономических реалиях // Псковский регионалогический журнал. 2023. Т. 19, № 2. С. 41—51.

Об авторе

Иван Сергеевич Гуменюк, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-8477-5342

The author

Dr Ivan S. Gumenyuk, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-8477-5342

А. В. Лялина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

НЕКОТОРЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Рассмотрены некоторые факторы и риски развития трудового потенциала Калининградской области, связанные с миграционными процессами. Результаты получены на основе анализа официальной статистики Калининградстата, а также в ходе социологического опроса жителей региона возрастных групп 18—50 лет, проведенного весной 2024 г. Выявлено, что трудовой потенциал области подвержен рискам замедления темпов роста численности населения, ускоренного старения населения, сокращения численности талантливой молодежи, а также представителей наиболее востребованных профессий, пространственной концентрации. Факторами развития трудового потенциала выступают сохраняющаяся положительная динамика численности трудоспособного населения и в целом благоприятная образовательная структура прибывающих мигрантов.

The article examines some factors and risks of development of the labor potential of the Kaliningrad region related to migration processes. The results are obtained based on the analysis of official statistics of Kaliningradstat, as well as during a sociological survey of the region's population aged 18—50, conducted by the author in the spring of 2024. The labor potential of the region is subject to the risks of slowing down the rate of population growth, accelerated population aging, a decrease in the number of talented youth, as well as representatives of the most in-demand professions, and spatial concentration. The factors of development of labor potential are the continuing positive dynamics of the number of the working-age population, and the generally favorable educational structure of incoming migrants.

Ключевые слова: миграция, трудовой потенциал, отток населения, мотивы миграции, Калининградская область

Keywords: migration, labour potential, outflow, migration motives, Kaliningrad region

Введение

Миграция всегда выступала движущей силой развития Калининградской области, обогащая ее человеческий капитал и повышая миграционную подвижность населения. Традиционные факторы притяжения мигрантов в регион, такие как благоприятные природно-климатические условия и экологическая обстановка, близость к развитым европейским государствам (до начала пандемии COVID-19 в 2020 г.), дополнялись целевыми государственными программами и специальными механизмами привлечения в регион специалистов наиболее

востребованных профессий. С усилением конфронтации с западными странами после 2014 г. популярность региона как центра вселения мигрантов только возрастала на фоне увеличения притока туристов. Однако уже начиная с 2022 г. условия функционирования региона значительно изменились в сторону актуализации его эксклавноности (то есть оторванности, периферийности) — обострились внешние геополитические и геоэкономические угрозы, что отразилось на снижении уровня и качества жизни в регионе относительно среднего по стране уровня. Изменились условия жизни и в других регионах — донорах мигрантов: для отдельных категорий населения факторы улучшения качества жизни, которые притягивали в Калининградскую область, уступили место по значимости другим важным факторам (улучшение экономического благосостояния, например), для других категорий населения миграция перестала быть стратегией повышения качества жизни. Как следствие, в регионе заметно снизилось сальдо миграции населения — более чем в 2 раза относительно 2021 г. С учетом этого интерес представляет изменение воздействия миграции населения на трудовой потенциал региона, что определило цель исследования.

Последствия миграции населения для трудового потенциала региона вселения изучается достаточно давно — как в рамках узких направлений исследования (экономических, социальных и др.), так и комплексно на стыке научных направлений [1—8]. В данной работе под трудовым потенциалом понимаются трудовые возможности, которыми располагает общество; совокупность возможностей трудоспособного населения страны или региона, которые используются в трудовом процессе и сформированы в результате природных особенностей и инвестиций в человеческий капитал [9]. Традиционно влияние миграции на трудовой потенциал рассматривается в рамках таких компонент трудового потенциала, как демографическая, экономическая, образовательная, квалификационная, психофизиологическая (или психофизическая), инновационная. Эти компоненты обычно включают следующие критерии:

— демографическая: воспроизводство населения, возрастная и гендерная структура;

— экономическая: вклад населения в экономику через занятость, производительность труда и его оплату;

— образовательно-квалификационная: оценка знаний, навыков и способностей населения; психофизиологическая — состояние здоровья, работоспособность и выносливость;

— инновационная: активность в научно-технических и исследовательских разработках и объемы инновационных товаров и услуг.

Иногда выделяются еще миграционная, социальная, пространственная, мотивационная и креативная компоненты. Миграционная компонента оценивает уровень воспроизводства населения в результате его перемещения внутри страны или за ее пределы, а также характеристики уровня квалификации переселенцев. Социальная характеризует степень социального взаимодействия населения, зрелость и ответственность в трудовой деятельности. В рамках пространственной компоненты описывается территориальное размещение трудовых ресурсов в регионе и его соответствие демографической емкости территории и пространственному социально-экономическому развитию. Мотивационная компонента включает характеристику цели и желания населения

в плане реализации своих трудовых способностей, включая предпринимательство; креативная — долю населения в сфере креативных индустрий и способность генерировать новые идеи.

Интерес представляют работы (например, [10; 11]), построенные на использовании методов социологических исследований, с помощью которых выявляются миграционные настроения населения, описывается миграционный потенциал региона, что помогает идентифицировать риски сокращения трудового потенциала региона в результате оттока населения.

Таким образом, данное исследование направлено на изучение воздействия миграции населения на трудовой потенциал Калининградской области после 2022 г. с использованием статистических и социологических методов исследования.

Методы и материалы

В исследовании использованы статистические данные Калининградстата о возрастной структуре населения и мигрантов в Калининградской области, фондовые материалы Калининградстата о внутрирегиональной миграции (статистическая форма $t_{\text{pt}2n}$ — «Внутрирегиональная миграция населения по территориям прибытия и выбытия»), полученные по запросу. Временной интервал для исследования — 2019—2023 гг.

Для характеристики географии абитуриентов в вузах региона использованы данные Минобразования Калининградской области по форме ФСН N ВПО-1 за 2023 г.

Анализ качественных и количественных характеристик миграционного потенциала Калининградской области (миграционного опыта, миграционных намерений и настроений, портрета и социально-экономических характеристиках населения, имеющего выраженные миграционные настроения) проводился на основе полученных результатов социологического исследования «Миграционные настроения, намерения и опыт населения Калининградской области» в марте-апреле 2024 г.

Было опрошено 1005 респондентов 18—50 лет, проживающих в Калининградской области. Социологическое исследование проводилось в форме квартирного опроса респондентов методом «face-to-face» по выборке, репрезентирующей население региона по типу населенного пункта, полу и возрасту с использованием стандартизированного инструментария (анкета).

Результаты исследования

Демографическая компонента. К числу наиболее значимых миграционных рисков можно отнести замедление темпов роста численности населения региона вследствие значительного сокращения миграционного прироста. Если в 2011—2021 гг. среднегодовые темпы миграционного прироста составляли 8,2 ‰, то в 2022—2023 гг. — уже только 1,4 ‰. Другим миграционным риском выступает ускоренное старение населения эксклава. Так, с 2011 г. численность лиц старше трудоспособного возраста в регионе возросла на 33 тыс. человек, или на 14 % (в среднем по стране — на 8 %), их удельный вес в структуре

населения увеличился до 23,4 %. При этом доля миграционного прироста в изменении численности населения старше 60 лет возросла с 15 % в 2011 г. до 25 % в 2023 г. (53 % в 2021 г.).

На этом фоне значимым представляется отток молодежи 17—18 лет в другие регионы России. Суммарные потери за 2017—2023 гг. составили почти 0,5 тыс. человек (рис. 1). Целевая группа в данной категории — это абитуриенты с высокими баллами по ЕГЭ, поступающие в вузы других регионов России¹. При этом каждый пятый абитуриент вузов Калининградской области в 2023 г. — это мигрант из другого региона России, еще 7 % от приема — иностранные граждане, которые после окончания обучения, вероятно, покинут регион (в том числе по причине целевого обучения или неэффективного закрепления в экономике региона).

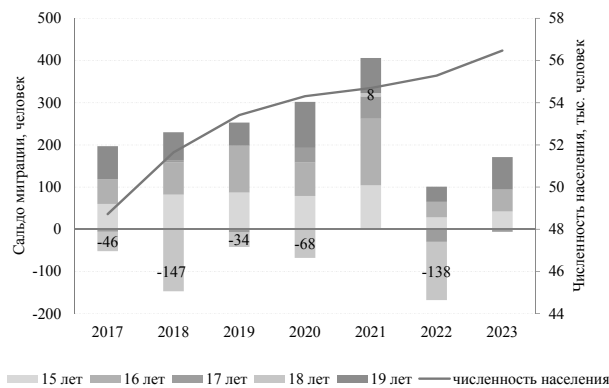

Рис. 1. Сальдо миграции населения Калининградской области в возрасте 15—19 лет с другими регионами РФ

Однако еще более актуальным представляется стремительное сокращение численности населения в наиболее активных трудоспособных возрастах — 30—34 лет, в том числе по причине сокращения числа прибытий из стран СНГ и других регионов РФ (рис. 2). Ежегодно (в среднем за 2020—2023 гг.) в данной возрастной группе численность населения сокращается более чем на 4 тыс. человек. При этом миграционный прирост за этот же период снизился с 1,1 тыс. до 0,1 тыс. человек в год. Заметно уменьшилось восполнение естественных потерь миграционным приростом и в группе 25—29 лет, где ежегодная убыль (в среднем за 2020—2023 гг.) составляет почти 3 тыс. человек, а миграционный прирост за этот же период сократился с 1,0 тыс. до 0,4 тыс. человек в год. Падение численности населения в данных возрастных группах заметно влияет на снижение рождаемости в регионе.

¹ См.: *Трусенева*: Стобалльники Калининграда уезжают в Москву и Санкт-Петербург // Клопс.Ру. URL: <https://klops.ru/> (дата обращения: 15.10.2024) ; *Не ботаники-2*: калининградские стобалльники рассказывают о ЕГЭ и будущем // Новый Калининград.Ру. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/kids/publications/obrazovanie/14017075-ne-botaniki-2-kaliningradskie-stoballniki-rasskazyvayut-o-ege-i-budushchem.html> (дата обращения: 15.10.2024).

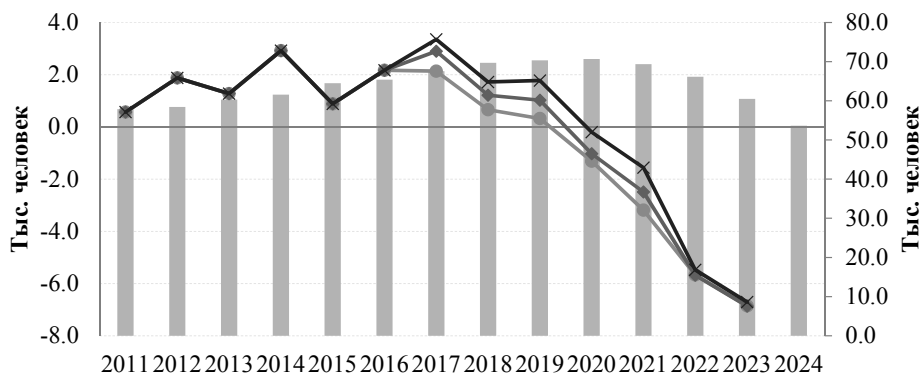

Рис. 2. Изменение численности населения Калининградской области в возрасте 30—34 лет

Влияет на подвижность населения и сниженная укорененность: в Калининградской области доля коренных жителей, по данным ВПН-2020, составила 47 %, в то время как в среднем по регионам РФ — 69 %. Сохраняются и внутрирегиональные диспропорции в укоренности населения вследствие различной миграционной привлекательности территорий: наименьшая укорененность свойственна муниципалитетам ядра Калининградской агломерации, притягивающим мигрантов, а наибольшая — удаленным от Калининграда муниципалитетам с преобладающим сельским населением. Обращает на себя внимание и достаточно высокий удельный вес новоселов (проживающих на территории региона менее 10 лет) среди жителей эксклава — 15,5 % среди населения 18—50 лет (по данным опроса весной 2024 г.), или 14,5 % (по данным ВПН-2020); в среднем по регионам РФ этот показатель составляет — 11 %.

Повышенная подвижность населения, с одной стороны, характеризуется позитивным влиянием на реализацию трудового потенциала индивида, который посредством смены места жительства и условий труда стремится к их улучшению. С другой стороны, она может усиливать риски оттока значительной части трудового потенциала в случае резкого ухудшения условий проживания в регионе.

Экономическая, образовательная, профессионально-квалификационная компоненты. Миграционные риски для экономики и рынка труда сегодня связаны прежде всего с воспроизводством трудовых ресурсов. Сальдо миграции в трудоспособном возрасте сокращается на фоне падения объемов прибытий: так, в 2022—2023 гг. миграционный прирост в данной группе снизился в 3 раза относительно значений 2021 г. (рис. 3).

При этом в целом образовательная структура нетто-миграции до 2020 г. (согласно доступным данным) способствовала повышению образовательного уровня населения Калининградской области, что выступало фактором развития трудового потенциала региона. Доля лиц с высшим (несколькими, полным, неполным) образованием среди мигрантов в 1,4 раза превышала соот-

ветствующий удельный вес среди населения области старше 15 лет, согласно данным ВПН-2010 — 40 против 28 % (рис. 4). За 2011—2020 гг. миграционное сальдо лиц с высшим образованием в регионе достигло 32 тыс. человек.

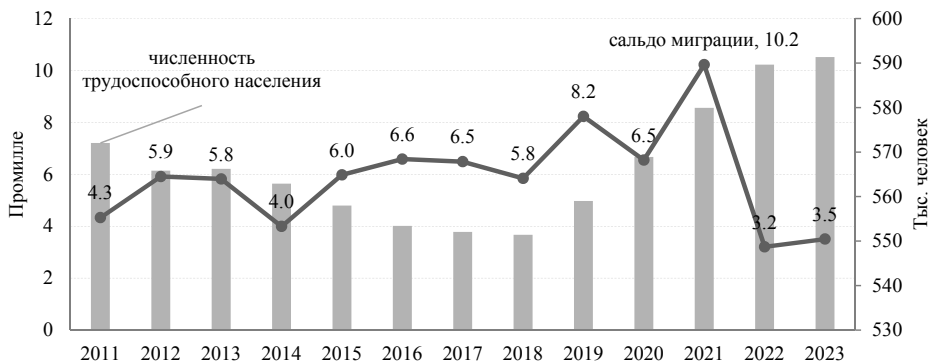

Рис. 3. Сальдо миграции в трудоспособном возрасте

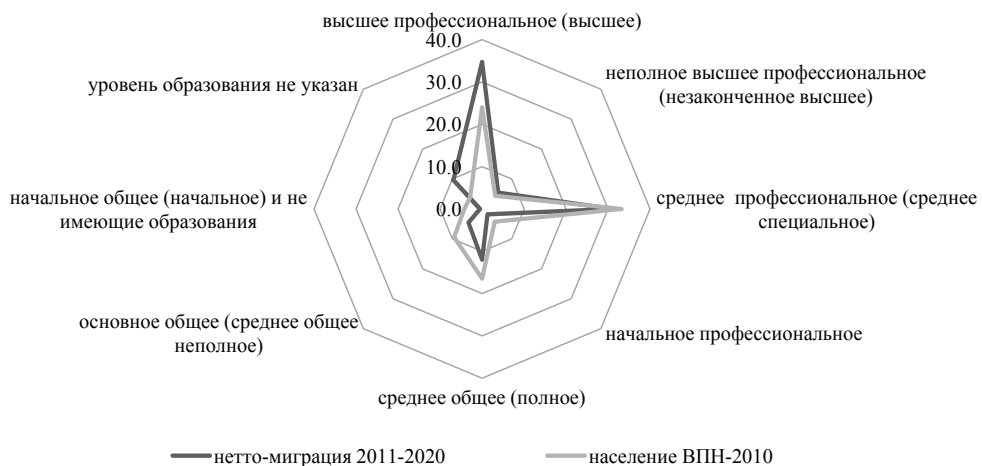

Рис. 4. Образовательная структура сальдо миграции и населения Калининградской области, %

При этом сегодня сохраняется риск оттока наиболее образованных и квалифицированных кадров, который фиксируется в рамках опросов населения. Проведенный весной 2024 г. опрос показал, что чаще всего на переезд настроены лица, имеющие среднее профессиональное образование (50 против 36 % в структуре населения по ВПН-2020), доля лиц с высшим образованием — около четверти (против 33 % по ВПН-2020) (табл. 1). Наиболее часто желание покинуть регион отмечается в начале профессионального пути (30 % в возрасте 18—24 лет со средним профессиональным образованием и 23 % с высшим). При этом если по мере реализации трудового потенциала востребованность миграции среди лиц со средним профобразованием замет-

но сокращается (в 2 раза), то для лиц с высшим образованием она, напротив, остается высокоактуальной. То есть возможности реализоваться в регионе у высокообразованных жителей по мере накопления трудового стажа, в отличие от работников со средним профессиональным образованием, практически не меняются, что обуславливает миграционные настроения на отъезд за пределы региона

Таблица 1

Доля желающих покинуть регион от общего числа респондентов соответствующей возрастной категории и уровня образования, %

Уровень образования	Возраст					Всего в группе по уровню образования
	18—24	25—30	31—37	38—44	45—50	
НОО	0,0	0,0	0,0	100,0	0,0	4,0
СОО	18,8	6,3	15,9	7,3	6,1	12,8
СПО	29,6	15,6	18,0	8,0	13,3	15,6
ВО	23,1	20,9	18,1	11,3	8,8	14,9
Всего по возрастной группе	22,2	14,7	17,2	9,2	10,5	14,4

Примечание. НОО — начальное и основное общее образование, СОО — среднее общее образование, СПО — среднее профессиональное образование, ВО — высшее, неполное высшее или два высших образования и более.

Сегодня миграционные настроения охватывают следующие группы взрослого населения (табл. 2, 3):

1) работники здравоохранения и образования, уровень оплаты труда которых в Калининградской области существенно уступает регионам потенциального вселения мигрантов (регионы Центральной России или за рубежные) и не позволяет достигать финансового благополучия в родном регионе;

2) работники сферы строительства, транспорта и промышленности вследствие сворачивания деятельности ряда организаций соответствующих видов деятельности или релокации в другие регионы под воздействием западных санкций;

3) работники сферы торговли и услуг — это наиболее востребованные профессии и сферы деятельности, поэтому мигранты не несут значительных рисков потери работы и возникновения сложностей трудоустройства на новом месте;

4) учащиеся и студенты Калининградской области.

При этом среди желающих переехать в регионы России и страны дальнего зарубежья преобладают специалисты и руководители подразделений.

Основные причины миграционных настроений жителей региона обусловлены выталкивающими факторами: ухудшающиеся экономические условия проживания в эксклаве; и притягивающими факторами в местах предпочтительного вселения: больше возможностей для самореализации (в работе, получении образования), более благоприятные экономические условия для проживания, природно-климатические условия, воссоединение с родственниками.

Таблица 2

**Распределение респондентов по группам занятости
и миграционным настроениям, весна 2024 г.**

Ваша занятость	Хотели бы Вы покинуть Калининградскую область? (%)	
	да	нет
Руководитель предприятия	1,4	1,6
Специалист, руководитель подразделения	21,4	16,6
Служащий, технический исполнитель	12,4	10,7
Квалифицированный рабочий промышленности, строительства, транспорта	11,0	21,3
Работник сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	14,5	14,5
Предприниматель, самозанятый	4,8	7,7
Безработный	4,8	5,0
Домохозяйка	6,9	10,0
Учащийся, студент	13,8	7,1
Пенсионер	2,8	0,8
Квалифицированный работник сельского и лесного хозяйства, рыболовства и рыбоводства	2,1	1,3
Военнослужащий, сотрудник правоохранительных органов	2,1	2,1
Государственный служащий	0,7	0,8
Другое или затрудняюсь ответить	1,4	0,5
<i>Всего</i>	100,0	100,0

Таблица 3

**Распределение респондентов по сферам деятельности
и миграционным настроениям, весна 2024 г.**

Ваша сфера деятельности	Хотели бы Вы покинуть Калининградскую область? (%)	
	да	нет
Промышленность	7,7	16,3
Торговля и услуги (недвижимость, реклама и др.)	32,7	27,3
Общественное питание	4,8	5,6
Сельское хозяйство	1,9	3,2
Образование	9,6	5,9
Медицина, здравоохранение	8,7	3,8
Строительство	7,7	11,1
Информационные технологии, связь, интернет	1,9	2,7
Государственное управление и безопасность	6,7	9,5
Добыча полезных ископаемых	0,0	0,6
ЖКХ	1,0	2,7
Туризм и рекреация	1,0	1,5
Рыболовство и рыбоводство	1,0	1,1
Другое или затрудняюсь ответить	15,4	8,9
<i>Всего</i>	100,0	100,0

Пространственная компонента. Наиболее явным пространственным риском для трудового потенциала региона является его концентрация в западной части области: в пределах областного центра проживает 47 % населения региона, а совокупно с ближней пригородной зоной¹ — более 75 %. Ведущим фактором здесь выступает поляризация миграционных потоков: в западную часть области направлены не только внешние для региона входящие потоки (межрегиональные, международные), но и внутренние, которые в значительной мере ведут к обеднению трудового потенциала дальней пригородной² и периферийной³ зон области ввиду того, что здесь основную часть населения составляют лица моложе трудоспособного возраста, направляющиеся для обучения в областную столицу, и лица трудоспособных возрастов (табл. 4).

Таблица 4

Среднегодовое значение коэффициента сальдо миграции населения в 2019—2023 гг., в среднем по муниципальным образованиям зоны

Зона	Международная миграция			Межрегиональная миграция			Внутрирегиональная миграция		
	МТВ	ТВ	СТВ	МТВ	ТВ	СТВ	МТВ	ТВ	СТВ
Областной центр Калининград	4,5	6,7	1,4	7,4	10,8	3,7	1,7	2,3	-0,5
Ближняя пригородная зона: приморские*	4,4	11,1	4,6	15,3	30,6	12,7	8,0	17,5	10,4
Гурьевский МО	11,3	12,9	5,3	9,0	14,1	9,7	6,1	13,9	5,0
остальные	2,4	5,1	2,2	5,0	11,8	3,7	-3,7	-7,8	-0,6
Дальняя пригородная зона	1,9	4,5	1,4	1,6	3,7	1,1	-7,1	-11,6	-2,1
Периферийная зона	1,8	3,1	1,5	3,2	5,5	1,3	-6,2	-12,8	-3,6

Примечание. * Включает Светлогорский и Пионерский ГО, Зеленоградский МР; МТВ — моложе трудоспособного возраста, ТВ — трудоспособного возраста, СТВ — старше трудоспособного возраста.

Одновременно с этим миграция населения с восточной периферии области в ее западную часть ограничена, вероятно, вследствие действия «ловушек бедности», то есть отсутствием достаточных финансовых возможностей для осуществления переезда. Так, согласно данным Калининградстата, в 2023 г. разница в размере среднемесячной заработной платы на периферии и в Калининградской агломерации достигала 20 % при градиенте в стоимости услов-

¹ К ближней пригородной зоне Калининграда принято [12] относить муниципальные районы (МО): Багратионовский, Светловский, Балтийский, Гурьевский, Зеленоградский, Светлогорский; городские округа (ГО) Ладушкин, Мамоново, пос. Янтарный.

² В состав дальней пригородной зоны согласно [12] входят Гвардейский, Полесский и Правдинский округа.

³ Периферийная зона согласно [12]: Гусевский ГО, Краснознаменский, Неманский, Озёрский, Славский МО, ГО Советск, Черняховский и Нестеровский МО.

ного минимального набора продуктов питания всего 3 %¹. При этом, согласно оценке экспертов², недвижимость в Калининградской области остается дорогой и малодоступной для жителей региона с текущим уровнем доходов — более 12 лет нужно копить калининградцам на покупку квартиры. Такую ситуацию демонстрирует пространственная организация межмуниципальных миграционных связей: восточные муниципалитеты гораздо теснее связаны с соседними муниципалитетами, чем с муниципалитетами западной части области, а разделение проходит по линии дальней пригородной зоны (рис. 5).

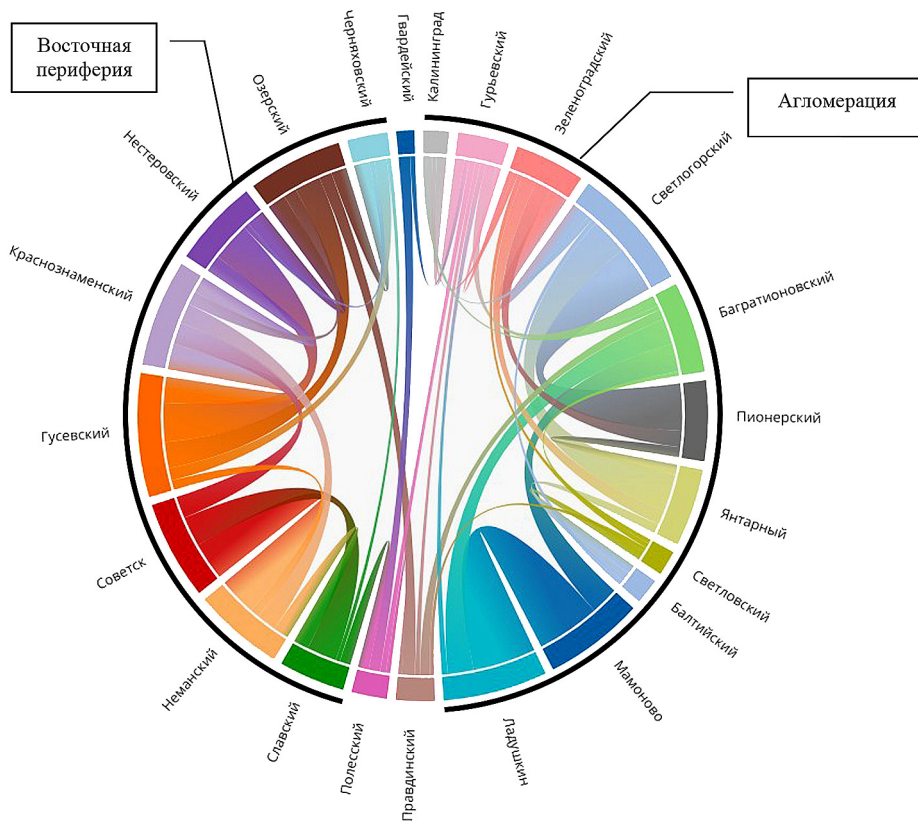

Рис. 5. Миграционная связанность муниципальных образований Калининградской области по валовой миграции (согласно методике КИМС Л. Л. Рыбаковского), суммарно за 2011—2018 гг.

Источник: [13].

¹ На основе расчетов отношения среднего значения по муниципалитетам восточной периферии к среднему значению по муниципалитетам Калининградской агломерации. Данные о стоимости условного минимального набора продуктов питания доступны только по городам Калининград, Зеленоградск, Черняховск и Советск.

² См.: *Сколько должны откладывать жители регионов, чтобы накопить на квартиру // Мир квартир. 2022. URL: <https://www.mirkvartir.ru/journal/analytics/2022/12/14/skolko-dolzheny/> (дата обращения: 15.10.2024).*

Выводы

Несмотря на сохраняющийся миграционный прирост населения в Калининградской области, который в полной мере компенсирует естественную убыль, миграционные процессы порождают некоторые риски развития трудового потенциала эксклавного региона, которые имеют тенденцию к обострению. Прежде всего, они связаны с сокращением числа прибытий в регион при не столь значительном снижении интенсивности выбытий. Однако наибольшее значение имеют не количественные, а качественные показатели, характеризующие миграционные процессы в регионе. Именно богатый миграционный опыт населения при достаточно высокой доле новоселов (именно они в наибольшей степени подвержены миграционным настроениям), вовлеченность в миграционные процессы наиболее востребованных, квалифицированных, образованных, молодых жителей региона определяют риски развития трудового потенциала региона в условиях снижения уровня и качества жизни населения в эксклаве в результате обострения геополитической и геоэкономической обстановки на западных рубежах страны.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-77-01102, <https://rscf.ru/project/23-77-01102/>.

Список литературы

1. Казакова А. Ю. Миграционная проницаемость и территориальная стигма городских районов. Итоги повторно-сравнительного исследования микрорайонов Калуги // Современные проблемы регулирования: теория, методология, практика. Пенза : Наука и просвещение, 2016. С. 126—159.
2. Cortes P., Tessada J. Low-Skilled Immigration and the Labor Supply of Highly Skilled Women // American Economic Journal: Applied Economics. 2011. № 3.3. P. 88—123.
3. Barone G., Mocetti S. With a little help from abroad: the effect of low-skilled immigration on the female labour supply // Labour Economics. 2011. № 18 (5). P. 664—675.
4. Лапушина Н. И. Миграция и маргинальность в контексте социологии социального пространства // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2010. № 1. С. 388—394.
5. Николаев В. Г. Миграция и маргинализация в интеракционистской перспективе // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 5—20.
6. Brown B. Teacher migration impact: A Review in the context of quality education provision and teacher training in higher education in Southern Africa // South African Journal of Higher Education. 2008. № 22 (2).
7. Лялина А. В., Плотникова А. П., Волошенк К. Ю. Миграция населения в методиках оценки трудового потенциала региона // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2024. Т. 2, вып. 2. С. 69—88.
8. Рыбаковский Л. Л. Функции и последствия миграционных процессов // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 56—63.
9. Зарубина Т. А. «Кадровый потенциал» и «трудоустройство»: различия в определении понятий // Аллея науки. 2017. № 1 (8). С. 218—221.
10. Максимова А. С. Миграционная подвижность населения и ее оценка // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. № 1 (2). С. 97—110. doi: 10.18334/migration.1.2.38083.

11. *Зайончковская Ж. А., Ноздрина Н. Н.* Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98—111.

12. *Fedorov G. M., Kinder S., Kuznetsova T. Yu.* The effect of geographical position and employment fluctuations on rural settlement trends // Baltic Region. 2021. № 13 (4). P. 129—146. doi:10.5922/2079-8555-2021-4-8.

13. *Лялина А. В.* Внутрирегиональная миграция как фактор динамики численности населения муниципальных образований Калининградской области // Региональные исследования. 2023. № 3 (81). С. 65—80. doi: 10.5922/1994-5280-2023-3-6.

Об авторе

Анна Валентиновна Лялина, кандидат географических наук, научный сотрудник Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8479-413X

The author

Dr Anna V. Lialina, Researcher, Center for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8479-413X

А. П. Плотникова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

**ВЛИЯНИЕ АГЛОМЕРАЦИОННОГО ФАКТОРА
НА РАССЕЛЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Рассматривается влияние агломерационного фактора на процессы расселения сельского населения в эксклавном регионе. В результате показано, что, несмотря на общий рост численности сельского населения, агломерационные процессы способствуют неравномерному развитию сельских территорий. Для восточных и приграничных районов характерна депопуляция сельского населения, а в западной части Калининградской области сельское население урбанизировано. Регион имеет большой потенциал для сохранения и увеличения сельского населения в сотрудничестве с малыми городами.

The article examines the influence of the agglomeration factor on the processes of rural population settlement in the exclave region. As a result, it is shown that, despite the general growth of the rural population, agglomeration processes contribute to the uneven development of rural areas. The eastern and border regions are characterized by depopulation of the rural population, and in the western part the rural population is urbanized. The region has great potential for preserving and increasing the rural population in cooperation with small towns.

Ключевые слова: Калининградская агломерация, агломерационные формы расселения, сельские населенные пункты, система расселения

Keywords: Kaliningrad agglomeration, agglomeration forms of settlement, rural settlements, settlement system

Введение и постановка вопроса

Калининградская область — эксклавный регион России, который в наибольшей степени подвержен экономическим и геополитическим изменениям. Сегодня Калининградская область сталкивается с рядом вызовов, обусловленных ее оторванностью от основной части России и соседством с зарубежными странами. Особенно сильно ограничения и угрозы ощущают приграничные муниципальные образования, в которых преобладает сельское население. При этом значительное влияние на размещение населения оказывает Калининградская агломерация, в которой сосредоточены основные экономические, трудо-

вые, культурно-бытовые и инфраструктурные ресурсы региона. Цель данной статьи — изучить влияние агломерационного фактора на расселение сельского населения Калининградской области.

Исследованию системы расселения региона посвящен ряд работ отечественных ученых [1—3]. Большое внимание уделяется вопросу делимитации Калининградской агломерации, которая, как принято считать, захватывает всю западную часть региона, включая части Полесского, Гвардейского и Правдинского районов [4—6]. Однако влияние Калининградской агломерации распространяется на всю территорию области, вследствие чего сельское население периферийных районов также находится под влиянием агломерационного фактора.

Материалы и методы

В качестве информационной базы исследования использованы данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [7], Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. [8; 9]. Для оценки демографического потенциала сельских территорий применялся метод расчета потенциала поля расселения (ППР), который определяет степень доступности взаимодействия людей в определенной точке с остальным населением. В данной работе потенциал поля расселения рассчитан для сельского населения по формуле, предложенной О. А. Евтеевым:

$$V_i = P_i + \sum_n^1 \frac{P_j}{D_{ij}},$$

где P_i — численность населения в населенном пункте i ;

P_j — численность населения в каждом n -м населенном пункте;

D_{ij} — расстояние от населенного пункта i до n -го населенного пункта.

Вычисления и визуализация проводились с помощью возможностей геоинформационной системы (ГИС). Для этого использовались инструменты пространственного анализа в среде ArcGIS.

Результаты исследования

Численность жителей Калининградской области в последние 30 лет непрерывно растет, что справедливо как для городского, так и сельского населения (рис. 1). Однако, несмотря на общий для региона рост численности сельского населения, в восточных муниципальных образованиях оно сокращается. Особенно заметна убыль сельского населения в приграничных муниципальных образованиях (Нестеровском, Озёрском, Неманском, Краснознаменском). В то же время в муниципалитетах, входящих в состав Калининградской агломерации, численность сельского населения увеличилась (табл. 1).

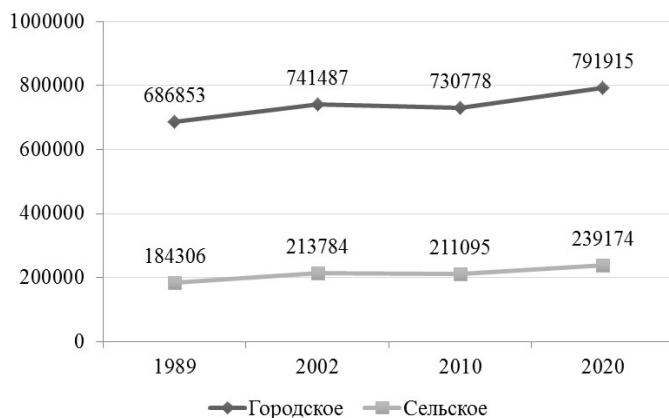

Рис. 1. Динамика численности городского и сельского населения Калининградской области, 1989—2020 гг.

Источник: составлено на основе данных [8; 9].

Таблица 1

Динамика численности сельского населения в муниципальных образованиях Калининградской области, 2010—2020 гг.

Муниципальное образование	Численность сельского населения, чел.		Прирост (убыль) сельского населения, чел.	Численность сельского населения, % к 2010 г.
	2010 г.	2020 г.		
Багратионовский МО	25 952	26 506	554	102,1
Балтийский ГО	1394	624	– 770	44,8
Гвардейский МО	16 027	15 675	– 352	97,8
Гурьевский МО	40 557	76 656	36 099	189,0
Гусевский ГО	8882	8855	– 27	99,7
Зеленоградский МО	19 245	21 385	2140	111,1
Краснознаменский МО	9383	7663	– 1720	81,7
Ладушкинский ГО	90	95	5	105,6
Мамоновский ГО	196	213	17	108,7
Неманский МО	8334	6351	– 1983	76,2
Нестеровский МО	11 618	8561	– 3057	73,7
Озёрский МО	10 576	8512	– 2064	80,5
Полесский МО	11 624	10 208	– 1416	87,8
Правдинский МО	11 971	14 457	2486	120,8
Светловский ГО	6247	6492	245	103,9
Светлогорский ГО	225	3898	3673	1732,4
Славский МО	16 401	12 040	– 4361	73,4
Черняховский МО	11 487	10 282	– 1205	89,5
Янтарный ГО	886	649	– 237	73,3
г. Калининград	—	—	—	—
Пионерский ГО	—	—	—	—
Советский ГО	—	—	—	—

Источник: составлено на основе данных [8; 9].

Наибольший прирост наблюдается в Гурьевском районе, где численность сельского населения за 10 лет увеличилась почти в 2 раза. Более высокой людностью обладают 5 крупнейших сельских населенных пунктов Гурьевского района, численность населения которых с 2010 г. увеличилась в 2 раза и более (табл. 2). Их суммарная численность сегодня составляет 36 % от всего сельского населения муниципалитета, при этом образ жизни и хозяйственная деятельность населения приближена к Калининграду.

Таблица 2

**Динамика численности крупнейших сельских населенных пунктов
Гурьевского района, 2010—2020 гг.**

Сельский населенный пункт	Численность населения, чел.		Прирост, в разах
	2010 г.	2020 г.	
Большое Исаково	3187	6877	2,2
Васильково	4527	8667	1,9
Голубево	351	3739	10,7
Луговое	1716	3319	1,9
Малое Исаково	2543	5467	2,1

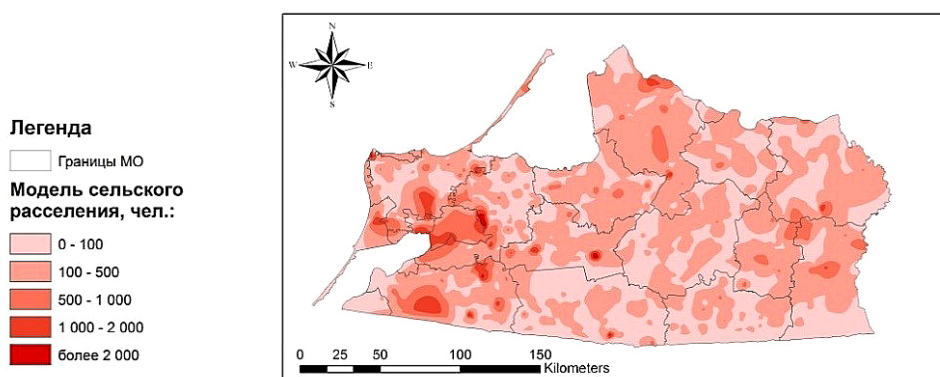
Источник: составлено на основе [8; 9].

На примере Калининградской области можно увидеть, что сельское население в составе агломерации отличается от сельского населения в периферийной зоне. Прежде всего, население в агломерации перенимает городской образ жизни и становится более урбанизированным. Это обусловлено регулярными поездками на работу и учебу в процессе маятниковой трудовой миграции из пригорода в город, а также процессом субурбанизации, характерным для Калининградской области. Миграция из Калининграда в пригород (прежде всего, в Гурьевский и Зеленоградский районы) обусловлена низкой (относительно Калининграда) стоимостью жилья и развитой инфраструктурой. Новые ареалы заселения в пределах агломерации, хоть и являются коттеджными поселками или разросшимися сельскими населенными пунктами, но по сути это продолжение городской застройки с ее характерными чертами.

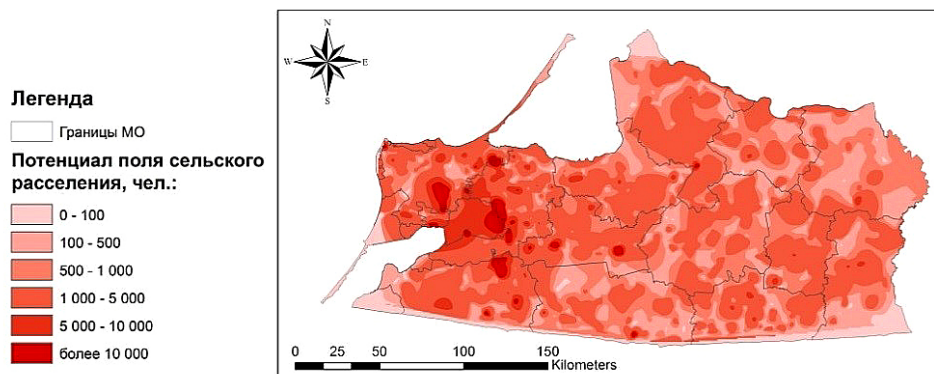
Сельские населенные пункты в агломерации получают новые функции. Часть из них трансформируется в «спальный район» города. Появление культурно-досуговых центров, возрождение библиотек, развитие туристической отрасли приводит к формированию в сельской местности многофункциональных центров, которые играют связующую роль для нескольких сельских населенных пунктов. Наличие объектов социальной инфраструктуры на селе играет ключевую роль в реализации программы «Комплексное развитие сельских территорий», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696. В рамках программы предполагается выделять сельские агломерации (хотя сам термин «сельская агломерация» в современной отечественной науке является спорным и дискуссионным), функционирование которых связано с проектами по благоу-

строительству, строительству и ремонту социально значимых объектов, созданию рабочих мест и т. д. Сегодня между сельскими населенными пунктами Калининградской области, входящими в разные муниципальные образования, уже существуют более тесные связи. Особенно это заметно в восточных и приграничных муниципалитетах (поселения на границе Правдинского и Багратионовского, Славского и Полесского, Озёрского и Гусевского районов).

Текущая модель сельского расселения Калининградской области (рис. 2, *а*) показывает, что наибольшее влияние имеют сельские поселения вблизи Калининграда, а также бывшие поселки городского типа (Знаменск, Железнодорожный, Донское). С помощью расчета потенциала поля сельского расселения (рис. 2, *б*) определяется, какую численность жителей может потенциально вместить в себя территория.

а

б

Рис. 2. Расселение сельского населения Калининградской области:
а — модель текущего сельского расселения;
б — потенциал поля

сельского расселения

Таким образом, Калининградская область имеет большой демографический потенциал для размещения сельского населения в периферийных муниципальных образованиях. Наибольший демографический потенциал ожидаемо имеют населенные пункты вблизи Калининградской агломерации: они являются миграционно привлекательными как для внутренних, так и для внешних для региона мигрантов из-за близости к областному центру и сравнительно недорогому жилью. С развитием и расширением Калининградской агломерации численность таких населенных пунктов будет увеличиваться, а зона их влияния — разрастаться. Потенциал развития сельских территорий восточных муниципалитетов заключается во взаимном влиянии населенных пунктов друг на друга, при котором сельские поселения могут включать в среднем до 5 тыс. человек на населенный пункт, а тесное сельско-городское партнерство [10] с малыми и полусредними городами (особенно Советском, Черняховском и Гусевом) только усилит эту связь.

Для того чтобы остановить депопуляцию сельского населения в приграничных регионах, нужно разрабатывать средне- и долгосрочные планы стратегического развития территории. Создание рабочих мест и улучшение общего уровня жизни позволит остановить отток населения в западную часть области. В то же время в восточных муниципалитетах имеется большой экономический потенциал. Здесь и в приграничных муниципалитетах большую роль играет сельскохозяйственная деятельность, которая для большинства сельских жителей является источником дохода и вкладом в экономику муниципального образования. Так, наибольшее число крестьянско-фермерских хозяйств находится в Правдинском и Багратионовском районах, а ведение личного подсобного хозяйства стало одной из самых популярных форм предпринимательской деятельности. Для поддержки сельских жителей распространяются формы государственной поддержки в виде выгодного налогообложения по доходу на профессиональную деятельность, а также оказывается помощь в виде грантов для малых форм хозяйствования.

Выводы

Калининградская агломерация является главной зоной притяжения в регионе, влияние которой распространяется на весь субъект, в особенности на миграционное движение сельского населения. Сельские жители Калининградской агломерации становятся все более урбанизированными, а населенные пункты теряют свои функции, превращаясь в «спальные районы» крупного города с характерным типом застройки. В то же время в восточных муниципальных образованиях (Славский, Нестеровский, Озёрский, Неманский муниципальные округа) под влиянием агломерации происходит депопуляция сельской местности. Однако потенциал Калининградской области позволяет развивать сельские территории совместно с малыми городами, формируя таким образом устойчивые сельско-городские отношения, способные создавать организационные структуры и управленческие модели. Сегодня в регионе реализуется ряд программ, направленных на сохранение и стимулирование сельскохозяйственной деятельности, однако очевидно, что этих мер все еще недостаточно. Создание программ и разработка стратегии развития сельско-городских

отношений в Калининградской области поможет снизить негативные эффекты крупной агломерации и развивать экономический потенциал сельской местности в условиях геополитической напряженности.

Исследование выполнено согласно государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ № 5256-24 «Анализ геополитических рисков Российской Федерации на калининградском направлении в 2024 году».

Список литературы

1. Федоров Г. М. О пространственной дифференциации сельской местности Калининградской области и территориальных различиях социально-экономической политики на селе // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 3. С. 117—139.
2. Федоров Г. М., Кузнецова Т. Ю., Разумовский В. М. Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 149, № 3. С. 15—31.
3. Пальмовский Т., Федоров Г. М. Формирование российско-польского трансграничного региона и роль Калининградской агломерации и Трехградья (Гданьск — Гдыня — Сопот) в этом процессе // Балтийский регион. 2019. № 4 (11). С. 6—19.
4. Плотникова А. П. Система расселения Калининградской области: дазиметрический анализ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2023. № 4. С. 38—49. doi: 10.5922/gikbfu-2023-4-3.
5. Гуменюк И. С., Гуменюк Л. Г. Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С. 147—160. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-9.
6. Емельянова Л. Л., Левченков А. В. Калининградская городская агломерация: сложившиеся региональные особенности и перспективы институционализации управления // Современные строительные материалы и технологии : сб. науч. ст. III Междунар. конф., Калининград, 26—29 мая 2020 года / под ред. М. А. Дмитриевой. Вып. 3. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. С. 222—232.
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: <https://39.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 24.09.2024).
8. Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 1: Численность и размещение населения. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 24.09.2024)
9. Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 1: Численность и размещение населения. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 24.09.2024).
10. Клименко Н. А., Левченков А. В. Условия и перспективы развития сельско-городского партнерства в Калининградской области // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. № 1. С. 110—113.

Об авторе

Ангелина Петровна Плотникова, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5502-8866

The author

Angelina P. Plotnikova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5502-8866

Е. П. Зимовина, В. В. Гайворонская, А. А. Коротких

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕМЬЯ: МОТИВАЦИЯ СОЗДАНИЯ И ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ (НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Отмечается, что в современном российском обществе, наряду с политико-экономическими изменениями, трансформации подвергаются и семейные отношения, особенно в молодежной среде. Исследование, выполненное в Калининградской области, выявляет, что основными мотивами брака являются любовь и стремление к совместной жизни. Студенческие семьи характеризуются равенством супругов и взаимопомощью, но также сохраняют традиционные гендерные роли.

In modern Russian society, along with political and economic changes, family relationships are also undergoing transformation, especially among young people. The study reveals that the main motives for marriage are love and the desire to live together. Student's families are characterized by equality and mutual assistance, but also maintain traditional gender roles.

Ключевые слова: студенческая семья, гендерные роли, брак, мотивация, ценность

Keywords: student's family, gender roles, marriage, motivation, values

Постановка проблемы

В современном российском обществе процессы трансформации затрагивают многие аспекты. Наряду с политико-экономическими изменениями, модифицируются также различные сферы социальной жизни. Это относится и к семейным отношениям, особенно в молодежной среде. Одной из интересных групп является студенчество, которое представляет собой часть молодежи, нацеленную на получение образования и дальнейшее профессиональное развитие. Кроме того, данная социальная группа характеризуется особыми условиями жизни, труда, быта. В студенческой среде формируется определенная система ценностных ориентиров, которая проецируется и на личную жизнь. Ведь молодые люди представляют собой демографический потенциал. На это обращает внимание государство, проводя курс на сохранение и укрепление традиционных ценностей, их трансляцию будущим поколениям [1]. В России 2024 г. был объявлен Годом семьи [2]. В связи с этим проводятся мероприятия, направленные не только на материальную поддержку, но и на эмоциональный аспект: продвижение идеи ответственного родительства, а также крепкой и счастливой семьи. Что касается студенческих семей, то Правительство Российской Федерации планирует создать условия для проживания родителей с

детьми в университетских общежитиях [3]. На уровне вузов также существуют программы поддержки студенческих семей [4]. Таким образом, студенческая семья является не просто формой совместной жизни в период учебы, но важной составляющей системы образования и государственной семейной политики в целом.

Объектом предлагаемого исследования выступает студенческая семья. В данном случае имеется в виду пара, живущая в официально зарегистрированном браке, в которой хотя бы один из супругов является студентом в возрасте от 18 до 24 лет. Ограничение по возрасту было введено нами как фильтр, чтобы проанализировать самую молодую когорту совершеннолетней молодежи, принявшей решение создать семью в период студенчества.

Цель данного исследования — определение характерных черт современной студенческой семьи. В соответствии с поставленной целью были определены следующие исследовательские вопросы: каковы мотивы заключения брака в период студенчества? как в студенческой семье происходит распределение гендерных ролей?

Представленное исследование базируется на материалах интервью, проведенных с 16 супружескими парами Калининградской области в период с октября 2023 г. по март 2024 г. В ходе беседы были заданы вопросы о длительности брака, мотивации к созданию семьи, распределении обязанностей в семье, а также ценностях и гендерных ролях.

Обзор исследований

Семья и семейные отношения представляют особый интерес для социологов и демографов [5—7]. В их работах понятие «семья» рассматривается с позиции разных научных направлений. Тем не менее выделяются такие важные составляющие семьи, как официально зарегистрированный брак, родительство, единство ценностей. Особое внимание уделяется студенческим семьям [8—10].

Методологической основой исследования послужила концепция социологии жизни, основными компонентами которой являются общественное сознание, поведение и среда. Сознание и поведение функционируют в определенном общественном контексте: *макросреда* характеризует процессы, происходящие во всем обществе; *мезосреда* оказывает воздействие на сознание и поведение людей определенной общности; *микросреда* формируется в результате взаимодействия людей на межличностном уровне и оказывает серьезное влияние на результативность поведения человека, а также организацию его общественной и повседневной жизни [11, с. 114]. В представленной работе мы обратим внимание на микросреду.

Мотивы заключения брака

Заключение брака и создание семьи является серьезным решением, особенно в молодом возрасте. Однако не всегда люди к этому готовы. Поэтому нас интересовал вопрос о мотивах заключения брака в период студенчества. В первую очередь, респонденты говорили о своих чувствах и желании жить вместе: «*Взаимная большая любовь, желание жить вместе в одном городе,*

уверенность в человеке» [12, жен]; «Самую главную роль сыграли огромная любовь и стойкое желание быть вместе до конца жизни» [12, муж]; «Для меня создание семьи связано с любовью и желанием проводить всю жизнь с человеком, которого я люблю» [13, жен]; «А причина для создания семьи была, конечно же, любовь, но и также стремление жить вместе» [14, жен]; «Именно сильное чувство любви и ну вот какой-то тяги к человеку подвигло меня на создание семьи» [15, муж].

Довольно часто молодые женщины, помимо любви, говорили о значимости для них стабильности: «Для меня мотивация — это любовь и стремление к стабильности» [16, жен]; «Любовь и стремление к стабильности» [13, жен]; «В первую очередь это любовь. И еще потребность в защите» [17, жен].

Несмотря на молодой возраст, респонденты четко осознают юридический аспект официально зарегистрированного брака. Некоторые даже делают на этом акцент: «Мы поняли, что хотим связать нашу жизнь друг с другом. Чтобы не прожить как сожители и сразу все узаконить» [18, жен]; «Моей мотивацией для создания семьи была большая любовь, которую я всегда хотел узаконить. Это было очень важно для меня. Может, для кого-то штамп не играет никакой роли, но я всегда хотел, чтобы все было официально и понимать, что это — моя жена. Даже по документам» [19, муж]; «Важным фактором для меня была, конечно же, любовь. И я хотел узаконить отношения в принципе» [20, муж].

В восприятии молодых супругов брак — это новый этап отношений, который требует совсем иного подхода. Интересно, что в большинстве случаев такого мнения придерживаются именно мужчины: «Брак — это переход отношений на новый, самый серьезный уровень» [14, муж]; «Брак — это, в некотором роде, подтверждение нашей преданности друг другу» [13, муж]; «Я воспринимаю брак как выход отношений на новый уровень и показатель серьезных намерений со стороны моего партнера» [15, жен]. Встречается и не по возрасту зрелое понимание сути брака и семьи: «Я считаю, что в брак стоит вступать в первую очередь по любви. Но также, если я вижу с человеком будущее в долгосрочной перспективе» [21, жен]; «Выходить замуж надо рано, пока не посмотрел на других, когда ты поймешь, что у всех есть недостатки и тебе никто не подходит» [20, жен]. При этом молодые люди воспринимают семью и брак как духовное единение со своим партнером: «Наверное, это уже желание что-то свое воплотить в новом родном человеке. Дать ему возможность преуспеть там, где, возможно, ты не смог. Показать мир, радоваться за него. И помогать радоваться ему» [22, муж].

Имея определенный супружеский опыт, респонденты высказали суждения о причинах прохладного отношения современной молодежи к браку и семье. Прежде всего, респонденты указывали на отсутствие жизненной необходимости создания семьи в молодом возрасте: «В современном обществе нет потребности быстро создать семью с целью нарожать как можно больше детей» [23, жен]; «Пропала некая необходимость. Ну, раньше брак был что-то повсеместное. То есть ты даже за уважаемого человека не считался, если у тебя нет брака. Со стороны женщины всегда обязательно, чтобы у тебя был муж, который будет тебя обеспечивать, чтобы ты нигде не пропала» [21, жен]; «Женщины в последнее время стали более самостоятельные, более

эмансипированные. Им уже не надо выходить рано замуж, чтобы их обеспечивал муж, они могут обеспечить сами себя. Поэтому им нет как такового смысла создавать семью» [14, жен].

По мнению респондентов, одной из причин нежелания создавать семью является нацеленность на успех в учебе и профессиональной деятельности: «Меньше молодых семей становится из современных тенденций к достижательству, к успешному успеху. Это когда люди стремятся как можно быстрее построить карьеру, а на семью времени совершенно не остается [14, муж]; «Многие откладывают создание семьи из-за стремления достичь карьерных успехов и завершения образования» [13, жен]; «Сейчас в основном карьера играет важную роль в жизни людей. Поэтому все живут на стереотипе о том, что что-то кому-то мешает, и поэтому они не хотят этого. А на самом деле ничего никогда никому не мешает» [18, муж].

В молодом возрасте люди воспринимают жизнь как возможность самореализации, саморазвития, самообразования. Подобный подход очень популярен и приводит к отличным результатам. Однако иногда он понимается превратно и способствует позднему взрослению, формированию эгоцентризма, нацеленности на гедонистический образ жизни. В конечном счете это приводит к одиночеству. Об этом свидетельствуют ответы многих респондентов: «Люди предпочитают жить для себя» [14, муж]; «Молодежь хочет погулять, ходить по клубам. Естественно, у них и нет мыслей даже о создании семьи» [20, муж]; «Мне кажется, проблема в массовой пропаганде в соцсетях и медиа-сообществе одинокого образа жизни, самопознания, аскетичности, самореализации, мнимого взросления. Люди начинают фанатично к этим вещам относиться, погружаются [в них], и подобрать партнера становится все сложнее» [12, муж]; «Навязывают быть сильным и самостоятельным, без помощи другого» [15, жен]; «В целом сейчас интересы немного сместились. Например, в обществе нормально, если у тебя в 30 лет еще нет детей и ты аниме смотришь. А раньше это осуждалось» [13, жен]; «Появилось много установок, что брак устарел и что это прошлый век» [19, муж]. Подобное отношение к браку и семье зачастую приводит к безответственности. По большей части на это обращали внимание молодые женщины: «Люди просто не готовы брать за это ответственность» [24, жен]; «Предполагаю, что это связано с нежеланием брать ответственность за себя и за другого» [20, жен]; «Семья — это все равно ответственность. Даже без детей» [25, жен].

Немаловажным является и вопрос материального благосостояния. И в данном случае большинство молодых людей проявляют здравомыслие и ответственность. Однако в результате повышается возраст вступления в брак и на неопределенный срок откладывается создание семьи: «Все также стремятся получить финансовую стабильность и независимость, найти для себя лучшие условия жизни» [26, жен]; «Большинство молодых семей не имеют комфортного постоянного места жительства и постоянного достойного заработка, из-за чего семьи создаются ближе к 30 годам» [16, муж].

Несмотря на широкий круг причин отказа от брака, основными все же остаются межличностные отношения: «Возможно, есть какие-то сомнения у людей и неуверенность в своей второй половинке» [18, муж]; «Люди стали более тщательно искать подходящего партнера» [23, муж]; «К сожалению,

не все хотят идти на какие-то уступки и проще сказать, что это не твой человек, и расстаться, чем пытаться разобраться и что-то сделать для партнера» [17, жен].

Таким образом, основным мотивом заключения брака является любовь, а также желание жить вместе (причем на законных основаниях). В ходе интервью молодые люди продемонстрировали довольно зрелое восприятие супружества и отношение к созданной ими семье как одной из главных ценностей в жизни.

Распределение гендерных ролей

Изменения в социуме оказывают влияние не только на экономику, образовательную сферу, культуру. Эволюционируют и семейные отношения. В общественном сознании происходит трансформация восприятия мужских и женских ролей в семье. Прежде всего, это касается молодых супружеских пар, которые не просто подхватывают новые идеи и веяния, но и претворяют их в жизнь. И студенческие семьи — яркое тому подтверждение.

Анализ проведенных интервью позволил выявить ключевой принцип, на котором базируются студенческие семьи, — равенство в отношениях. На основе данного принципа происходит решение многих бытовых проблем и распределение обязанностей: *«Для меня оптимальный вариант, когда мужчина и женщина в семье равны. Принимают решения вместе, советуются, обсуждают и решают проблемы вместе. Распределяют домашние обязанности пополам: нет мужских обязанностей, нет женских» [12, муж]; «В наших отношениях мужчина и женщина равноправны, и мы стараемся разделять обязанности по настроению или силам. Мы не делим на какие-то гендерные аспекты, а вот именно, чтобы комфортно было» [13, жен]; «Тут важно помнить, что вы — партнеры и равны между собой» [20, жен]; «Каких-то четких границ на “мужское” и “женское” у нас нет» [15, жен].*

Более того, молодые супруги проявляют гибкость и стараются адаптировать гендерные роли к ситуации: *«У нас разделение так: один делает то, что второму не нравится. А то, что не нравится обоим, скорее уже вместе делаем» [21, муж]; «У нас нет прямо четкого разделения, кто что делает. Например, муж может починить ноутбук и приготовить обед, а я могу заменить розетки и убрать в доме» [27, жен].* Каждый из супругов понимает важность взаимопомощи и поддержки: *«Стараемся друг другу во всем помогать» [26, муж]; «У нас как бы не равноправие, а мы просто сторонники помогать друг другу во всем» [18, муж]; «У нас каждый готов прийти на помощь, поддержать в трудный момент» [17, жен].*

Респонденты говорили о важности вклада каждого из супругов в благополучие семьи, ориентируясь при этом на индивидуальные способности и предпочтения: *«Каждый вкладывает в семью то, что может» [17, муж]; «Мы считаем, что каждый из нас должен вносить свой вклад в семейную жизнь, и это делает наши отношения более сбалансированными» [13, муж].*

Несмотря на современное понимание семейных отношений как партнерства, молодые люди все же полностью не отвергают традиционного подхода к распределению гендерных ролей: *«Если муж будет зарабатывать прилич-*

ные средства, а жена при этом домохозяйка, в таком случае все обязанности по дому могут перейти на жену» [12, жен]; «Мы с женой в данный момент живем по ролям “Добытчика” и “Хранительницы очага”» [19, муж]; «Я считаю, что работать в семье и приносить доход должен мужчина. В первую очередь, всегда исполнять женские хотелки» [14, муж]; «Я, как мужчина, хочу обеспечивать свою жену и семью. Чтобы в финансовом плане моя жена вообще не парилась» [15, муж].

Отметим, что у молодых людей присутствует и глубинное осознание сути семейной жизни, а также взаимоотношений мужчины и женщины в браке: «В моем понимании мужчина в первую очередь выполняет “сильные моменты”. Женщина же, по большей части, отвечает за духовность отношений» [20, муж]; «Когда дома есть любимый человек — это ощущение постоянного такого спокойствия» [16, муж]; «Если вы решаете что-то строить, надо строить. А то вот эти вот скачки туда-сюда ни к чему хорошему не приводят» [22, муж].

Таким образом, в студенческих семьях приоритетными являются принципы равенства, взаимопомощи и взаимной поддержки. В то же время у супругов есть желание исполнять и традиционные гендерные роли, значимость которых осознается и ценится супругами.

Подводя итоги, отметим, что для современной студенческой семьи характерны равенство в отношениях, гибкость в распределении гендерных ролей, а также восприятие семьи как ценности. Проведенные интервью позволяют сделать вывод, что микросреда (в данном случае — семья) оказывает существенное влияние на поведение человека и организацию его повседневной жизни.

Список литературы

1. *Об утверждении* Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 20.05.2024).
2. *О проведении* в Российской Федерации Года семьи : указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72792> (дата обращения: 20.05.2024).
3. *Информационное* агентство ТАСС: В РФ планируют создать условия для проживания родителей с детьми в общежитиях. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21271679> (дата обращения: 15.07.2024).
4. *Министерство* науки и высшего образования РФ. Новости молодежной политики. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/82753/> (дата обращения: 01.06.2024).
5. *Сердюченко Я. В.* Жизненный мир молодой семьи: методология социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 7. С. 234—243.
6. *Кикоть А. С.* Микросоциальные факторы влияния на социальную адаптацию молодой семьи в российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 2. С. 40—44. doi: 10.23672/SAE.2018.2.11477.

7. Антонов А. И. Микросоциология семьи. М. : ИНФРА-М, 2024. doi: 10.12737/textbook_5b27b0f77cc425.90126394.

8. Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 31—42. doi: 10.21064/WinRS.2023.3.3.

9. Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Брачные, репродуктивные, самосохранительные стратегии членов студенческих семей: по результатам глубинного интервью // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2024. № 1 (73). С. 74—82.

10. Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия : монография. Иваново : Изд-во Ивановск. гос. ун-та, 2024.

11. Тощенко Ж. Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1 (369). С. 106—116.

12. Интервью 3 (муж — 22 года, жен — 22 года; октябрь, 2023 г.; стенограмма).

13. Интервью 8 (муж — 24 года, жен — 22 года; октябрь, 2023 г.; стенограмма).

14. Интервью 7 (муж — 21 год, жен — 21 год; октябрь, 2023 г.; стенограмма).

15. Интервью 16 (муж — 20 лет, жен — 20 лет; март, 2024 г.; стенограмма).

16. Интервью 6 (муж — 20 лет, жен — 20 лет; октябрь, 2023 г.; стенограмма).

17. Интервью 11 (муж — 22 года, жен — 23 года; ноябрь, 2023 г.; стенограмма).

18. Интервью 9 (муж — 23 года, жен — 19 лет; ноябрь, 2023 г.; стенограмма).

19. Интервью 14 (муж — 24 года, жен — 18 лет; декабрь, 2023 г.; стенограмма).

20. Интервью 15 (муж — 24 года, жен — 22 года; февраль, 2024 г.; стенограмма).

21. Интервью 13 (муж — 22 года, жен — 23 года; декабрь, 2023 г.; стенограмма).

22. Интервью 10 (муж — 32 года, жен — 24 года; ноябрь, 2023 г.; стенограмма).

23. Интервью 1 (муж — 22 года, жен — 19 лет; октябрь, 2023 г.; стенограмма).

24. Интервью 12 (муж — 21 год, жен — 20 лет; декабрь, 2023 г.; стенограмма).

25. Интервью 4 (муж — 20 лет, жен — 21 год; октябрь, 2023 г.; стенограмма).

26. Интервью 2 (муж — 23 года, жен — 23 года; октябрь, 2023 г.; стенограмма).

27. Интервью 5 (муж — 23 года, жен — 23 года; октябрь, 2023 г.; стенограмма).

Об авторах

Елена Павловна Зимовина, кандидат исторических наук, доцент Высшей школы философии, истории и социальных наук, научный сотрудник социологической лаборатории, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

Email: ezimovina@kantiana.ru; zimelena@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6587-070X

Виктория Витальевна Гайворонская, студентка специальности «Социология», Высшая школа философии, истории и социальных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

Email: viktoriygay17@gmail.com

Анна Алексеевна Коротких, студентка специальности «Социология», Высшая школа философии, истории и социальных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

Email: Korotkih.a.a@ya.ru

The authors

Dr Elena P. Zimovina, Associate Professor at the Higher School of Philosophy, History and Social Sciences, Researcher at the Sociological Laboratory, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Email: ezimovina@kantiana.ru; zimelena@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6587-070X

Victoria V. Gaivoronskaya, student of the specialty “Sociology”, Higher School of Philosophy, History and Social Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Email: viktoriygay17@gmail.com

Anna A. Korotkikh, student of the specialty “Sociology”, Higher School of Philosophy, History and Social Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Email: Korotkih.a.a@ya.ru

Г. С. Михневич, Е. В. Моданова, В. Рачипа

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

**ШТОРМОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ БЕРЕГА КУРШСКОГО ЗАЛИВА
В РАЙОНЕ ПОСЕЛКА МОРСКОЕ
В ЗИМНИЕ СЕЗОНЫ 2023 И 2024 ГОДОВ**

Отмечается, что пос. Морское расположен на берегу Куршского залива, подверженному процессу размыва. Для защиты поселка в конце XX в. была намыта дамба. За четверть века ее существования произошло истощение намытого грунта, значительно сократилась ширина дамбы, в связи с чем существует постоянная угроза прорыва. В работе на основе анализа данных натурных наблюдений, проведенных в зимние сезоны 2023 и 2024 гг., рассмотрена динамика параметров коренного берега и дамбы в пос. Морское в штормовых условиях, что позволило сделать вывод о критическом состоянии объекта инженерной инфраструктуры.

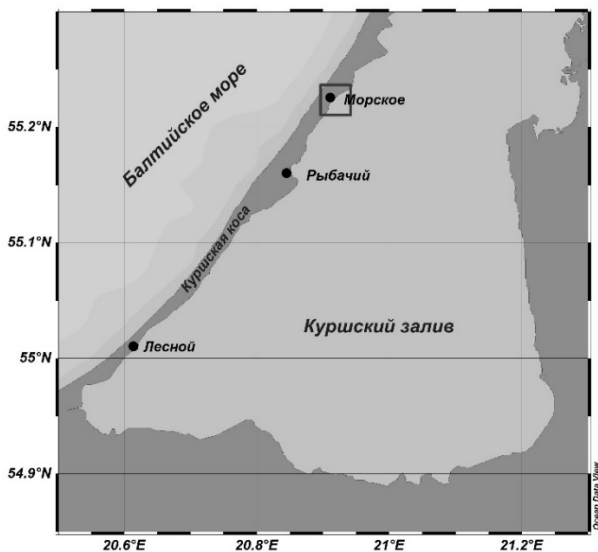
The village of Morskoe is located on the coast of the Curonian Lagoon, which is subject to the process of erosion. To protect the village, a dam was built at the end of the 20th century. For a quarter of a century of its existence, the washed soil has been depleted, the width of the dam has significantly decreased, and therefore there is a constant threat of a breakthrough. In this work, based on the analysis of data observations conducted in the winter seasons of 2023 and 2024, the dynamics of the parameters of the indigenous shore and the dam in the village of Morskoe in storm conditions is considered.

Ключевые слова: Куршский залив, Куршская коса, берег, дамба, шторм

Keywords: Curonian Lagoon, Curonian Spit, coast, dam, storm

Введение

Поселок Морское — самый северный населенный пункт Калининградской области, расположен в 6 км от границы с Литовской Республикой в бухте на заливном берегу Куршской косы (рис. 1). Постоянное население поселка немногочисленно (чуть более 100 человек), однако в туристический сезон количество жителей увеличивается в разы. Воды Куршского залива на протяжении XX в. осуществляли интенсивный размыв берега со скоростью от 1,5 до 3—4 м/год [1; 2]. Близ пос. Морское за период с 1960 по 1984 г. берег отступил на 50—100 м [3].

а

б

Рис. 1. Схема района исследования:

а — общая схема Куршского залива;

б — схема пос. Морское и расположение точек наблюдения

Источник: выполнено с использованием ресурса Яндекс.Карты [4].

В начале 1990-х гг. были осуществлены мероприятия по намыву в бухте пос. Морское дамбы длиной 1650 м и проектной шириной 100—120 м [5].

Были намыты территория в юго-западном конце пос. Морское, которая закреплена посадками древесно-кустарниковой растительности, и защитная дамба-пересыпь по всей длине поселка. За дамбой были оставлены технологические резервуары-отстойники (рис. 1). Ширина искусственно намытой полосы составляла 70—100 м [5]. Из-за отсутствия финансирования в 1997 г. работы были прекращены до окончания проекта; сразу начался размыв намытой территории: за год объем намытого грунта сократился вдвое [5]. В настоящий момент ширина дамбы-пересыпи достигла критических значений, в рельефе дамба практически не выражена (особенно северный ее участок), что создает угрозу прорыва вод залива на территорию поселка, особенно в условиях значительных сезонных колебаний уровня Куршского залива. Размыву подвергается и коренной берег севернее поселка. В связи с этим в работе будут рассмотрены изменения берега в районе пос. Морское, происходящие в ответ на неблагоприятные гидрометеорологические условия зимних периодов 2022—2023 и 2023—2024 гг.

Материалы и методы

В работе использованы данные регулярных наблюдений за состоянием берега Куршского залива, проводимых ежемесячно с августа 2022 г. Наблюдения в пос. Морское осуществляются на двух реперных точках: на северной окраине на коренном берегу (Rp 1, рис. 1) и южнее поселка на намытой террасе (Rp 2, рис. 1) по методике, предложенной В. П. Бобыкиной [6]. В ходе полевых работ проводятся нивелирование по профилям на Rp 1 и Rp 2, описание береговых процессов, фотофиксация, отбор проб пляжевых отложений для последующего гранулометрического анализа. Кроме того, с декабря 2023 г. ежемесячно обследуется состояние и элементарных параметров защитной дамбы на 7 опорных точках (1d-7d, рис. 1).

Для проведения исследования также использовались общедоступные космические снимки *Google Earth Pro* (разрешение 8192×5011 пикселей). Были отобраны снимки, дающие возможность провести дешифрирование и оцифровку контуров (2010, 2014, 2016, 2018, 2021 гг.). Снимки отображают ситуацию теплой половины года — от апреля до октября. Для удобства обработки и привязки снимков использовались программы геоинформационных систем QGIS 3.30.3-*s-Hertogenbosch* и *ARCGIS Desktop 10.0 Service Pack 2*.

Анализ береговых процессов осуществлялся с привязкой к гидрометеорологической ситуации, предшествовавшей полевым исследованиям и наблюдавшейся в момент съемки [7]. Данные об уровне Куршского залива получены с помощью мареографа *Log_aLevel*, установленного близ Визит-центра национального парка (14-й км Куршской косы).

Результаты исследования

Февраль 2023 г. оказался примечателен экстремальным событием — штормом Ульф, а февраль 2024 г. — чередой штормов (Магарет, Надин, Ольга). Показательной в плане совместного воздействия ветра, волнения и изменений уровня является ситуация февраля 2023 г., когда на Калининградскую область обрушился шторм Ульф. В течение суток, предшествовавших съемке

19.02.2023 г., уровень упал на значительную величину (около 800 мм, до отметки – 2123 мм). Это сгонное колебание было спровоцировано ЗЮЗ ветром, средняя скорость которого составила за 18 февраля 9,7 м/с, а максимальные порывы в ночь с 17 на 18 февраля достигали 25,6 м/с. Ослабление ветра во вторую половину дня 18 февраля отразилось в резком компенсационном подъеме уровня и в размыве берега; 19 февраля происходит стабилизация уровня на отметках – 1350...– 1330 мм, сопряженная со слабыми проявлениями аккумуляции. Средняя скорость западного ветра составила 6,5 м/с [7].

На Рр 1 произошел резкий размыв пляжа (рис. 2). Расстояние между бровкой уступа размываемой террасы сократилось до 1 м (в декабре — 6,5 м; в январе — 2,9 м), в уступе призаливной террасы формируется волноприбойная ниша, следов аккумуляции практически нет. В марте происходит восстановление пляжа (ширина 3 м) [8].

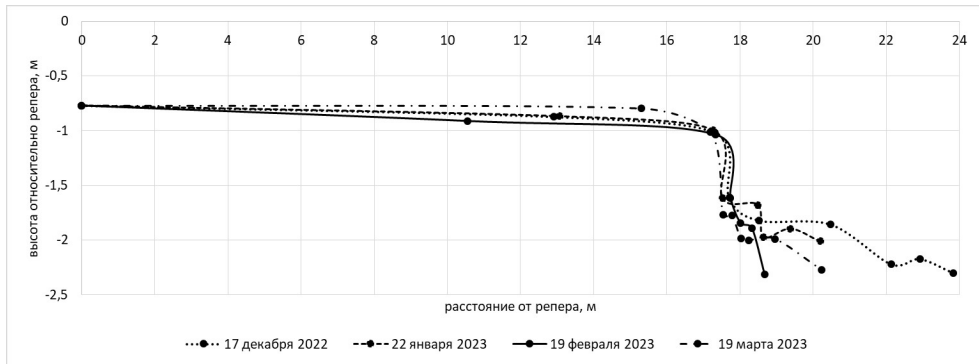

Рис. 2. Динамика берегового профиля Рр 1 в декабре 2022 — марте 2023 г.

На полоске намытой дамбы-пересыпи близ пос. Морское и на Рр 2 наблюдались следы размыва (штормовой уступ высотой до 30 см) и начинающаяся аккумуляция (валы, фестоны, простирающиеся с юга на север) [8]. В целом сложившаяся ситуация на Рр 2 не столь критична, как на Рр 1: в течение зимы 2022—2023 гг. происходит сокращение пляжевой зоны с 20,3 м в декабре и 16,2 м в январе до 14 м (после шторма Ульф) (рис. 3). Через месяц после шторма пляж на Рр 2 составил 10,3 м [8].

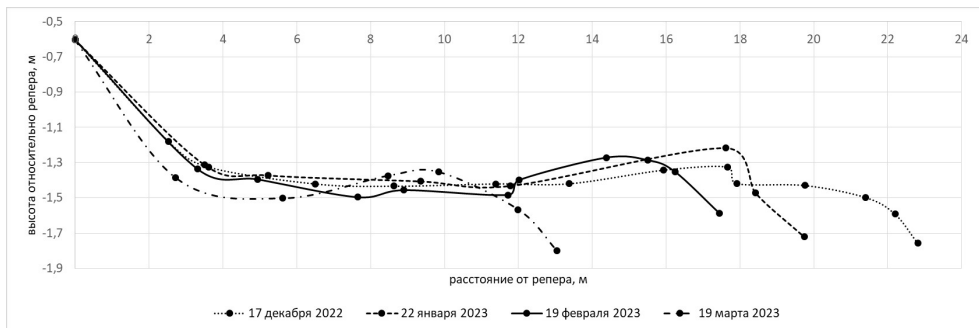

Рис. 3. Динамика берегового профиля Рр 2 в декабре 2022 — марте 2023 г.

Более выраженными стали изменения берега в пос. Морское, вызванные серией штормов Маргрет (31.01—1.02.2024), Надин (3—5.02.2024) и Ольга (6—7.02.2024). Ветер западных румбов достигал в порывах 20—21 м/с [7]. Активное снего- и ледотаяние, прошедшее в последней декаде января, обильные осадки, сильный ветер вызвали резкий подъем уровня Куршского залива — на 200 мм в начале февраля и на 600 мм на момент съемки 10.02.2024 г. — в сравнении с уровнем, наблюдавшимся в середине января. Подъем уровня до отметки –813 мм происходил постепенно; с началом штормов на фоне высокого уровня наблюдались небольшие кратковременные осцилляции. Характерно, что высокий уровень залива продержался около недели. В день наблюдений скорость ветра составляла около 4 м/с, порывы до 8—10 м/с.

На Rp 1 продолжилось отступление бровки уступа размыва, начавшееся еще в декабре-январе и связанное с этот период с торошением льда (рис. 2). В январе торосы льда непосредственно примыкали к уступу размыва, в связи с чем профиль оказался очень редуцированным — до точки бровки уступа (рис. 4). За декабрь — январь бровка отступила на 1 м. Общее разрушение призаливной террасы за два зимних месяца (декабрь — февраль) составило более 1,5 м (рис. 4). На фоне высокого уровня залива отмечается абсолютное отсутствие пляжа; на момент наблюдений в прибойной зоне происходило скопление битого льда, что усиливало разрушительную силу волны и вызывало формирование в уступе волноприбойной ниши.

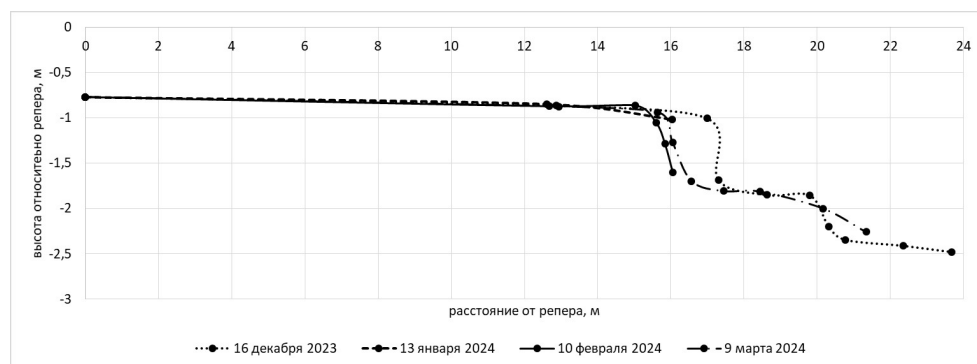

Рис. 4. Динамика берегового профиля Rp 1 в декабре 2023 — марте 2024 г.

На Rp 2 измерения не были произведены из-за невозможности к ней подойти: намытая дамба оказалась подтопленной в районе пос. Морское, а возможно, и на значительном своем протяжении. К марту 2024 г. пляж уже характеризуется шириной, подобной декабрьским значениям (рис. 5).

Экстремальный подъем уровня Куршского залива привел к подтоплению тела дамбы на наиболее низком участке в районе пос. Морское. Перешеек между прудами-отстойниками (участок между точками 5d и 6d, рис. 1, б) оказался полностью затопленным водами залива. Воды Куршского залива беспрепятственно перетекали в пруды-отстойники, вызывая подъем уровня в них. Технологические пруды вышли из берегов и затопили прилегающие территории поселка. Значения ширины дамбы, зафиксированные в марте 2024 г., составляли от 8 до 12 м, что в целом на 1—2 м меньше, чем декабре 2023 г. (рис. 6).

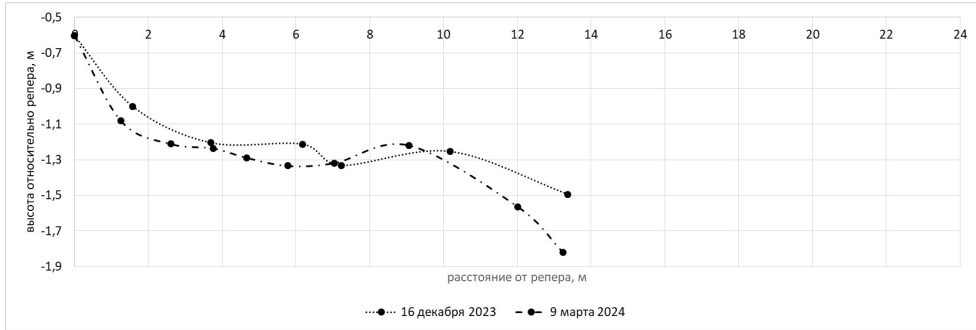

Рис. 5. Динамика берегового профиля Rр 2 в декабре 2023 — марте 2024 г.

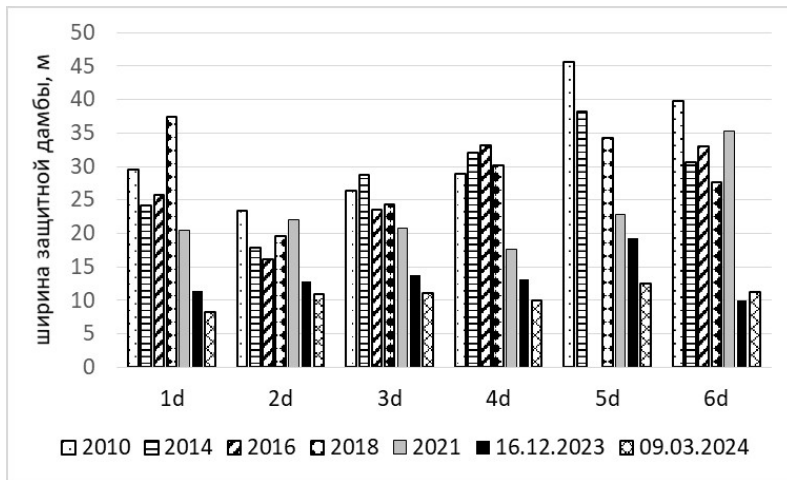

Рис. 6. Изменения значений ширины защитной дамбы в пос. Морское

О возможности активного перемещения осадочного материала тела дамбы в результате ее подтопления и размыва говорят изменения, произошедшие в его гранулометрическом составе: в апреле 2024 г. в точках 1d, 3d, 5d наблюдается увеличение доли крупнозернистых песков до 15—25 % в сравнении с 5—10 %, отмеченными в декабре 2023 г. (рис. 7). В точке 6d после подтопления доля крупнозернистой фракции выросла до 57 %. Закономерным образом увеличился медианный диаметр и ухудшились показатели сортировки песчаного материала. Максимальные значения медианного диаметра (0,55 мм) и коэффициента сортировки (1,4) отмечались в точке 6d, где непосредственно происходил переток вод Куршского залива в северный технологический пруд.

Предположительно подобные подтопления дамбы происходили и ранее, в случаях, когда уровень залива достигал аномальных значений, аналогичных зафиксированным на момент наблюдения 10 февраля 2024 г.: 17 января 2012 г.; 10 декабря 2013 г.; 17 января 2014 г.; 20 января 2015 г.; 7 февраля 2017 г.; 29 октября 2018 г.; 24—28 февраля 2022 г.

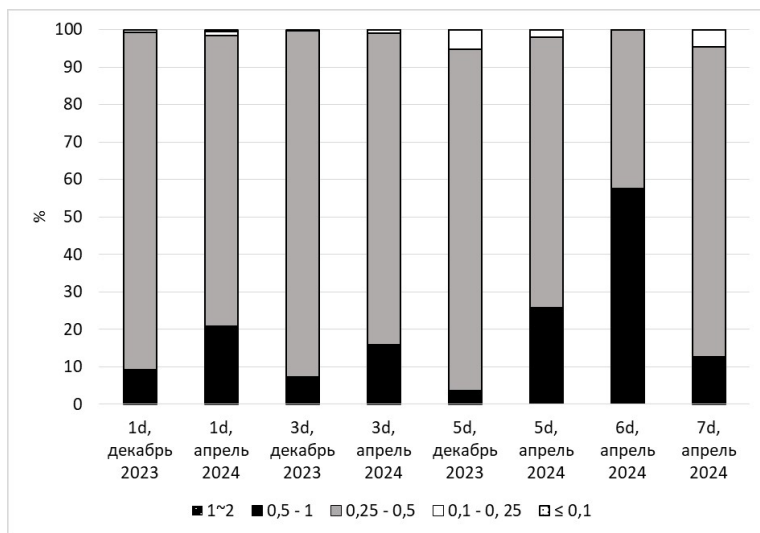

Рис. 7. Изменения гранулометрического состава песчаных отложений защитной дамбы в результате ее подтопления в феврале 2024 г.

Как видно, высокий уровень залива в зимнее время может достаточно часто вызывать подтопление и размыв дамбы; ситуация февраля 2024 г. не является уникальной. Результаты исследования спутниковых снимков показали, что средняя ширина дамбы в 2010 г. составляла около 32 м, а через десятилетие сократилась до 23 м (рис. 6) [9]. При этом использованные снимки (2010—2021 гг.) характеризуют теплое время года, когда уровень залива устанавливается на низких отметках, а полевые данные приведены для зимнего сезона, отражающего высокий уровень залива. При четко выраженной тенденции истощения материала дамбы в процессе размыва на протяжении последних десятилетий необходимо учитывать возможность значительных сезонных изменений ширины дамбы.

Обсуждение результатов

Приведенные примеры штормовых изменений заливного берега Куршской косы показывают их различные последствия. Шторм Ульф не привел к выраженным смещениям бровки уступа. Критическая ситуация сложилась только на Rp 1. Южнее, в районе намытой полосы и Rp 2 при высоком уровне залива, хорошо фиксируемом по наличию воды в понижении на пляже, размыв скомпенсирован аккумуляцией материала вдольберегового перемещения с подпиткой из эоловых массивов, находящихся к югу. Возможно, поэтому вал на Rp 2 сложен материалом, меньшим по крупности, нежели в тыловой части пляжа. Морфологические изменения произошли не столько из-за высокого, но не экстремального положения уровня, сколько из-за быстрого его подъема после такого же резкого скачка вниз.

Штормовой период первой декады февраля 2024 г. принес кардинальные перемены. За весь период исследований (с августа 2022 г.) наблюдался самый

значительный размыв уступа призаливной террасы (Rp 1): произошло не отмечавшееся до этого резкое отступление бровки уступа — на 1—1,5 м. В совокупности с формированием волноприбойной ниши (Rp 1), отсутствием пляжа, подтоплением защитной дамбы в пос. Морское шторм может стать значимым событием в перестройке береговой линии. Экстремально высокий и, главное, продолжительный подъем уровня Куршского залива вместе с предшествовавшей ледовой переработкой берега в декабре-январе вызвал наиболее заметные морфологические последствия.

Выводы

Штормовое воздействие на берег Куршского залива может инициировать различные варианты развития береговых процессов. Кратковременный, хотя и резкий штормовой подъем уровня (+ 800 мм) вызывает значимые, но не являющиеся необратимыми изменения: пляж восстанавливается в короткие сроки, защитная дамба сохраняется в рельефе. Продолжительное экстремально высокое положение уровня, достигнутое путем медленного подъема на значительную величину (+ 600 мм за две недели) в условиях усиления ветра, приводит к размыву берегового уступа, составившему на некоторых участках берега до 1—1,5 м. В обоих случаях размыв осуществляется ветровым волнением (высота волны 30—40 см); интенсивному разрушению берега также способствует ледовый фактор. Особенно значимым является подтвержденный наблюдениями факт подтопления дамбы, что позволяет считать ее состояние критическим. Вероятность повторения подтоплений на фоне год от года усиливающегося истощения материала дамбы увеличивается, особенно с учетом того, что ширина дамбы сократилась по сравнению с началом XXI в. в несколько раз.

Авторы выражают благодарность заместителю директора по научной деятельности ФГБУ «Национальный парк «Куршская коса»» Ю. А. Майоровой за помощь в организации работ и ведущему научному сотруднику лаборатории геоэкологии Атлантического отделения Института океанологии РАН, канд. геогр. наук М. О. Ульяновой за предоставленные данные об уровне Куршского залива.

Список литературы

1. Бобыкина В. П., Болдырев В. Л., Бурнашев Е. М., Карманов К. В. Результаты анализа материалов съемки берегов Куршской косы // Проблемы изучения и охраны природного и культурного наследия национального парка «Куршская коса»: сб. науч. ст. / сост. И. П. Жуковская. Вып. 7. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. С. 155—168.
2. Жамойда В. А., Рябчук Д. В., Кропачев Ю. П. и др. Проявления современных литодинамических процессов в береговой зоне Куршской косы // Проблемы изучения и охраны природного и культурного наследия национального парка «Куршская коса»: сб. науч. ст. / сост. И. П. Жуковская. Вып. 6. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 149—165.

3. *Жиндарев Л. А., Лукьянова С. А., Бадюкова Е. Н.* Современная динамика лагунных берегов Куршской и Вислинской кос (Юго-Восточная Балтика) // Балтийский регион — регион сотрудничества. 2019. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. С. 278—291.

4. *Яндекс* карты — транспорт, навигация, поиск мест : [сайт]. URL: <https://yandex.ru/maps> (дата обращения: 05.09.2024).

5. *Бадюкова Е. Н., Жиндарев Л. А., Лукьянова С. А. и др.* Особенности современной динамики лагунных берегов Куршской косы, юго-восток Балтики // Литодинамика донной контактной зоны океана. М. : ГЕОС, 2009. С. 124—130.

6. *Бобыкина В. П.* К методике наземного мониторинга берегов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2018. № 4. С. 87—93.

7. *Расписание* погоды. URL: <https://rp5.ru> (дата обращения: 28.08.2024).

8. *Михневич Г. С.* Межгодовая и сезонная динамика лагунного берега Куршской косы // Проблемы приграничья. Новые траектории международного сотрудничества : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. С. 127—132.

9. *Рачина В., Михневич Г. С., Моданова Е. В.* Оценка динамики отдельных участков лагунного берега Российской части Куршской косы по спутниковым данным (на примере оз. Лебедь и защитной дамбы пос. Морское) // Проблемы географии Урала и сопредельных территорий : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск : ООО «Край Ра», 2024. С. 256—262.

Об авторах

Галина Сергеевна Михневич, кандидат географических наук, доцент Высшей школы живых систем, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: mi78galina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1421-7545

Елизавета Владимовна Моданова, студентка Высшей школы живых систем, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: lmodanova@list.ru

Владислав Рачина, студент Высшей школы живых систем, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: vladuxa2002@inbox.lv

The authors

Dr Galina S. Mikhnevich, Associate Professor of the educational and scientific cluster «Institute of Medicine and Life Sciences (MED BIO)», Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: mi78galina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1421-7545

Elisaveta V. Modanova, student of the Higher School of Living Systems, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: Imodanova@list.ru

Vladislavs Rачипа, student of the Higher School of Living Systems, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: vladuxa2002@inbox.lv

Д. В. Хвале́й

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ЦИФРОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Рассматривается цифровая трансформация сельского хозяйства — важная часть цифровизации сельской местности. Отмечается, что подготовка цифровых специалистов всех уровней, повышение доступности интернет-технологий, местная генерация инноваций обуславливают эффективность модернизации агрокомплекса. Цель исследования — оценить потенциал цифрового развития сельского хозяйства Калининградской области. Выявлены дисбаланс в цифровой подготовке кадров для села, а также высокий потенциал развития умного сельского хозяйства.

The digital transformation of agriculture is an important part of the digitalization of rural areas. Training of digital specialists at all levels, increasing the availability of Internet technologies, local generation of innovations determine the effectiveness of the modernization of the agricultural complex. The purpose of the study is to assess the potential of digital development of agriculture in the Kaliningrad region. There is an imbalance in digital training for rural personnel. A high potential for the development of smart agriculture has been identified

Ключевые слова: сельскохозяйственные инновации, сельская местность, интернет вещей, цифровые образовательные дисциплины, пригородные территории

Keywords: agricultural innovations, rural areas, Internet of things, digital educational disciplines, suburban areas

Введение

Цифровая трансформация — один из основных путей инноватизации сельскохозяйственной отрасли [1]. Характерные для сельской местности России явления, такие как социально-экономическая контрастность, сжатие пространства, могут сглаживаться при внедрении цифровых технологий в местную экономику, в частности в сельское хозяйство и связанные с ним производства [2; 3]. Не менее важным является и инвестирование в цифровую подготовку высококвалифицированных кадров для сельского хозяйства, в том числе с использованием механизмов государственно-частного партнерства [4]. Впрочем, потенциал внедрения практик цифрового сельского хозяйства зависит от доступности и уровня развития интернет-технологий на территории региона.

Значительный научный интерес представляет цифровое развитие сельского хозяйства Калининградской области. Актуальность его модернизации подчеркивается отдельными государственными программами федерального и

регионального уровня (например, «Цифровая трансформация Калининградской области») [5], которые предполагают поддержку генерации цифровых инноваций, подготовку квалифицированных кадров, повышение доступности интернет-технологий. Интенсификация сельского хозяйства цифровым путем может способствовать увеличению экономической безопасности региона, что представляет особую актуальность в условиях санкционной политики недружественных стран [6].

Цель исследования — оценить потенциал цифрового развития сельского хозяйства региона. Объектом исследования выступило сельское хозяйство Калининградской области, предметом — пространственные особенности его цифрового развития. Мы предполагаем, что регион имеет высокий потенциал для внедрения цифровых сельскохозяйственных инноваций, однако местная генерация таких инноваций носит лишь перспективный характер.

Методика исследования

Алгоритм исследования включал три основных этапа. На первом этапе было определено место Калининградской области в мировой и межрегиональной диффузии цифровых сельскохозяйственных инноваций. Для оценки существующего уровня генерации таких инноваций были использованы данные международных реферативных баз публикаций и патентов *Scopus* и *Lens* в период с 2020 по начало 2024 г. Отбор публикаций и патентов произведен по ключевым словам *agri** и *digit**.

На втором этапе проанализирована система сельскохозяйственного образования Калининградской области. В рабочих программах высшего и среднего сельскохозяйственного образования выделены как специализированные цифровые дисциплины, так и цифровые компоненты общеобразовательных предметов.

На третьем этапе оценен потенциал внедрения интернет-технологий в сельское хозяйство региона. При помощи геоинформационного метода измерена плотность покрытия интернетом вещей (Internet of Things — IoT) муниципалитетов региона. Открытые данные операторов, предоставляющих доступ к интернету стандарта NB-IoT, актуальны на сентябрь 2024 г.

Результаты исследования

Россия является скорее акцептором цифровых сельскохозяйственных инноваций, чем их генератором. Причины этого — как сохраняющийся экстенсивный характер сельского хозяйства, так и недостаточно высокий общий уровень инноваций в регионах России. Международная патентная база *Lens.org* при поиске по ключевому слову *Agri** выдает около 480 тыс. патентных заявок, поданных с 2020 г. Ключевыми странами держателями сельскохозяйственных патентов являются Китайская Народная Республика (≈ 313 тыс. патентов) и Соединенные Штаты Америки (≈ 91 тыс. патентов). Российская Федерация находится на 8-м месте с показателем в 2476 патентов, уступая Австралии, Японии, Республике Корея, а также патентным ведомствам Европейского союза и Всемирной организации интеллектуальной собственности. Патентная область, охватывающая цифровое сельское хозяйство, на порядок меньше и

составляет 45 тыс. патентов, по большей части зарегистрированных в юрисдикции США (31 тыс.). Россия находится на 7-м месте с 25 патентами. Активность проявляют инженерные коллективы Ставропольского государственного университета и Федерального научного агроинженерного центра ВИМ (3 и 2 патента соответственно). Возможностью повышения уровня цифрового сельского хозяйства на данном этапе может стать научно-исследовательская кооперация с дружественными странами, например с Китайской Народной Республикой. Однако, учитывая критическое значение отечественного сельского хозяйства для мировой экономики, вопросам цифровизации отрасли следует уделить первостепенное внимание.

Разработка цифровых решений для сельского хозяйства в Калининградской области носит ограниченный характер; здесь выделяются технологии Стартап-студии Балтийского федерального университета им. И. Канта, уникальные цифровые решения частных компаний [7] для крупнейших сельскохозяйственных игроков региона («Мираторг», «Содружество-Соя», «Залесский фермер» и др.).

Дефицит высококвалифицированных кадров представляет серьезную проблему для цифровой трансформации сельского хозяйства Калининградской области. Внедрение цифровых технологий часто происходит быстрее, чем подготовка специалистов, умеющих их использовать. В Калининградской области расположено четыре учебных заведения высшего и среднего звена, осуществляющих подготовку сельскохозяйственных специалистов. Это Калининградский государственный технический университет, филиал Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Полесск), Колледж строительства и профессиональных технологий (Полесск, Гурьевск), а также Колледж агротехнологий и природообустройства (Гусев, Озёрск).

Объективная оценка цифрового компонента преподаваемых дисциплин затруднительна. Использование цифровых технологий в процессе обучения заложено в подавляющем числе программ сельскохозяйственного профиля. В то же время в вузах региона в учебных планах сельскохозяйственных специальностей присутствуют отдельные курсы, посвященные цифровым сельскохозяйственным технологиям. В таблице представлен перечень цифровых дисциплин, изучаемых студентами различных специальностей сельскохозяйственного профиля.

Цифровой компонент сельскохозяйственного образования в Калининградской области

Вуз/суз	Специальность	Цифровые дисциплины
Филиал Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Полесск)	Агрономия	Точное земледелие Программирование урожаев полевых культур
	Зоотехния	Системы искусственного интеллекта
	Агроинженерия	Цифровизация технологических процессов и геоинформационные системы в АПК
	Экономика	Цифровизация аграрной экономики
	Менеджмент	Цифровизация аграрной экономики

Вуз/суз	Специальность	Цифровые дисциплины
Калининградский государственный технический университет	Агрономия	Цифровые технологии в АПК Практико-ориентированный курс «Интернет вещей» Точное земледелие
	Агрохимия и почвоведение	Практико-ориентированный курс «Интернет вещей» Цифровые технологии в почвоведении и агрохимии
	Ветеринарно-санитарная экспертиза	Информационные технологии в сельском хозяйстве Практико-ориентированный курс «Интернет вещей»
	Зоотехния	Практико-ориентированный курс «Интернет вещей»
Полесский колледж строительства	Механизация сельского хозяйства	—
Гусевский агропромышленный колледж	Агрономия	—
	Ветеринария	—
	Технология производства и переработки сельскохозяйственной продукции	—
	Механизация сельского хозяйства	—
	Агромелиорация	—
	Эксплуатация и ремонт сельскохозяйственной техники и оборудования	—

Источник: составлено на основе данных образовательных программ КГТУ, ПКС, ГАПК, филиала СПбГАУ в Полесске.

Необходимо отметить, что профессиональные цифровые дисциплины на данный момент отсутствуют на специальностях среднего профессионального образования, в том числе на критически важных для обеспечения устойчивости цифровизации сельского хозяйства. Отсутствие квалифицированного сервиса делает дорогостоящее цифровое оборудование неремонтопригодным, обслуживание сельскохозяйственной цифровой техники требует наличия на предприятии узких специалистов, подготовка которых на данный момент в регионе не ведется.

Перспективным направлением видится дальнейшее открытие «агрокласов» в общеобразовательных учебных заведениях региона. Пионерная практика осуществляется на базе 9 общеобразовательных заведений области и

охватывает по меньшей мере 300 учащихся [8]. Изучение принципов инновационного сельского хозяйства со школы может способствовать притоку абитуриентов на существующие сельскохозяйственные направления, а также ускоренной адаптации программ высшего и среднего образования с учетом запроса экономики.

Высокий уровень распространения технологий связи обусловлен компактностью региона и особенностями регионального каркаса расселения. Плотная сеть базовых станций определяет развитие продвинутых интернет-технологий. Покрытие муниципалитетов региона NB-IoT показано на рисунке.

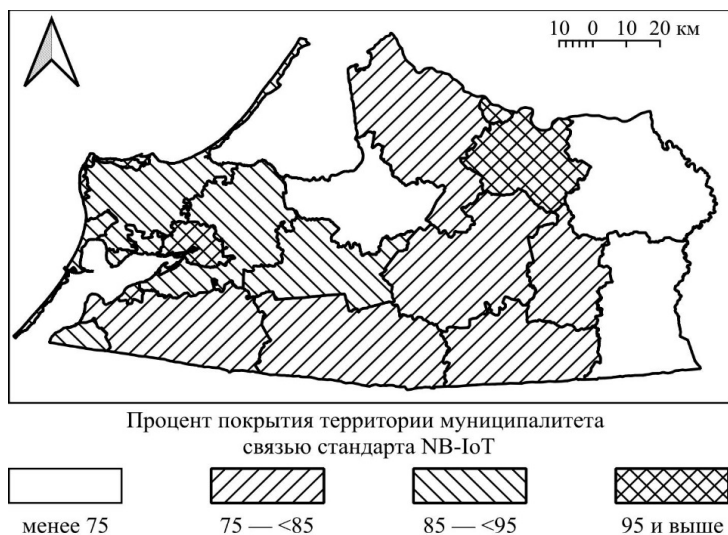

Рис. Распространение NB-IoT в Калининградской области по состоянию на июль 2024 г.

Источник: составлено по данным [9].

Большая часть территории Калининградской области покрыта интернетом вещей (NB-IoT) — технологией, поддерживающей функционирование крупных цифровых систем на широкой территории. Ограничивающее влияние на доступность интернета вещей имеют природные факторы (лесистость, неоднородность рельефа), однако значительная часть сельскохозяйственных угодий региона попадает в зону покрытия.

Более 95 % территории Калининграда, Советского, Неманского, Ладушкинского городских округов, курортных городов (Светлогорск, Пионерский, пгт Янтарный) покрыты NB-IoT, что открывает возможности для умного пригородного сельского хозяйства; высокая степень покрытия может быть отмечена в соседних с Калининградом муниципалитетах — Гурьевском, Зеленоградском, Балтийском, Светловском, Гвардейском, а также в г. Мамоново. Периферийные Краснознаменский и Нестровский районы при дальнейшем развитии умного сельского хозяйства должны учитывать низкую степень проникновения интернет-технологий, к тому же здесь природные особенности формируют необходимость более развитой сети базовых станций связи.

Заключение

Генерация цифровых сельскохозяйственных инноваций в Калининградской области носит перспективный характер, существующие разработки не имеют выхода на мировые рынки. Геополитическая ситуация диктует необходимость усиления инженерно-технического и цифрового направлений на местном уровне, в том числе с государственной поддержкой. Важным видится научно-технологическое сотрудничество с дружественными России странами — генераторами цифровых сельскохозяйственных инноваций.

Сельскохозяйственное образование в Калининградской области адаптируется к цифровой трансформации экономики. Так, в программах высшего сельскохозяйственного образования широко представлен цифровой компонент, перспективным видится внедрение специализированных дисциплин в программы среднего специального образования. Интерес представляет уникальная практика «агроклассов» в системе общего образования — профориентация школьников может нивелировать дефицит специалистов сельского хозяйства.

Высокий потенциал для цифровизации сельского хозяйства обусловлен широким распространением интернет-технологий. Доступность интернета вещей стимулирует развитие умного пригородного сельского хозяйства, а периферийные муниципалитеты региона должны учитывать технологические особенности беспроводного сигнала при внедрении цифровых технологий.

Исследование выполнено согласно государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ № 5256-24 «Анализ геополитических рисков Российской Федерации на калининградском направлении в 2024 году».

Список литературы

1. Щербина Т. А. Цифровая трансформация сельского хозяйства РФ: опыт и перспективы // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 14 (8). С. 450—453.
2. Михайлова А. А. Гл. 4: Инновационная деятельность в сельской местности и типы внедряемых инноваций. Социальные инновации. 4.1. Концепция социальных инноваций в развитии села // Повышение ценности сельской местности в России: опыт и пути внедрения социальных инноваций в Калининградской области : монография. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. С. 97—112.
3. Добровлянин В. Д., Антинескул Е. А. Цифровизация сельского хозяйства: текущий уровень цифровизации в Российской Федерации и перспективы дальнейшего развития // Цифровые модели и решения. 2022. № 2. С. 59—74.
4. Бураева Е. В. Система подготовки кадров для цифрового сельского хозяйства: основные перспективы и ограничения // Вестник ОрелГАУ. 2023. № 4 (103). С. 132—139.
5. Об утверждении государственной программы Калининградской области «Цифровая трансформация» от 20.01.2022 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/578118326> (дата обращения: 05.05.2024).
6. Vaganova O., Solovjeva N., Aulov Y., Prokopova L. Transformation of Agriculture Through Digitalization, Innovative Solutions, and Information Technologies // Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference «Digital Economy and Finances». 2024. P. 65—68. doi: 10.2991/aebmr.k.200423.015.

7. *Интеллект-лаборатория*. Цифровые решения для промышленных и сельскохозяйственных предприятий. URL: <https://i-labs.ru/projects/> (дата обращения: 02.09.2024).

8. *Посвящение* в агротехнологические классы. Калининградский филиал СПбГАУ. URL: <https://kf.spbgau.ru/novosti-novosti/agroklassy-otkryty-dlja-vseh/> (дата обращения: 02.09.2024).

9. *Карта* покрытия. Интернет вещей. МТС. 2024. URL: <https://moskva.mts.ru/personal/podderzhka/zoni-obslyzhivaniya/nasha-set> (дата обращения: 01.09.2024).

Об авторе

Дмитрий Витальевич Хвале́й, аспирант, младший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

Email: [hvaley_gusev@mail.ru](mailto:hvalev_gusev@mail.ru)

ORCID: 0000-0001-9701-9442

The author

Dmitry V. Hvalev, PhD student, Junior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Email: [hvaley_gusev@mail.ru](mailto:hvalev_gusev@mail.ru)

ORCID: 0000-0001-9701-9442

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

УДК 911.3

Н. В. Каледин

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ БАЛТИКИ

В контексте геополитических процессов регионализации Балтики и их результатов (кооперационных и конфликтных геополитических регионов и субрегионов де-факто и де-юре) показаны основные тренды геополитической регионализации. Выделены разнотипные регионы и их субрегионы, сложившиеся в рамках российско-белорусского сотрудничества, трансграничного и приграничного взаимодействия с соседями и внешними факторами: цивилизационно-геополитические, санкционно-геополитические, военно-геополитические, регионы приграничного сотрудничества, биполярные трансграничные регионы двухстороннего российско-белорусского межрегионального сотрудничества.

Modern geopolitical processes of regionalization of the Baltic have different results: cooperative and conflict geopolitical regions and geopolitical subregions “de facto” and “de jure”. Main trends of geopolitical regionalization, different types of regions and their subregions that have developed within the framework of Russian-Belarusian cooperation and cross-border interaction with neighbors and external factors are shown. They are presented in the following forms: civilizational-geopolitical, sanctions-geopolitical, military-geopolitical, regions of cross-border cooperation, bipolar cross-border regions of bilateral Russian-Belarusian interregional cooperation.

Ключевые слова: российско-белорусское сотрудничество, мультирегиональность, геополитические регионы и геополитические субрегионы

Keywords: Russian-Belarusian cooperation, multiregionality, geopolitical regions and geopolitical subregions

В результате процессов регионализации формируются региональные системы (региональные общности) различного типа, содержание которых составляют устойчивые регионообразующие геоадаптационные отношения, складывающиеся между общественными субъектами-акторами различных видов деятельности и свойствами окружающего географического пространства. В политико-геопространственных явлениях, исследуемых политической

географией и геополитикой, это геополитические регионообразующие отношения (частный случай геоадаптационных отношений), возникающие между геопространством и политической деятельностью общества или отдельными ее субъектами. Они составляют содержание и теоретическое понимание геополитической регионализации и геополитических регионов (региональных геополитических систем, общностей), различных по типу регионообразующих геополитических отношений, юридическому статусу и геопространственному масштабу [1].

Особенно интересны трансграничные регионы и создающие их трансграничные геополитические отношения [2], в частности в пределах многообразной и наиболее динамичной Балтийской региональной общности. Составляющие ее субъекты-акторы связаны между собой различными типами геополитических регионообразующих отношений (как кооперационными, так и конфликтными), сформировавшими разнообразные и разномасштабные геополитические региональные общности (макрорегионы, регионы, субрегионы). В них максимально вовлечены Россия и Беларусь — наиболее активные соучастники процессов геополитической регионализации на Балтике и в сопредельном с ней геопространстве. Эти страны — своеобразные эпицентры таких отношений на Балтике, где сочетаются как конфликтно-геополитические, так и кооперационно-геополитические регионообразующие отношения и соответствующие им региональные общности.

В результате таких трансграничных отношений сложились не только Балтийский цивилизационно-геополитический макрорегион де-факто как один из «геополитических разломов» Евразийской дуги нестабильности (на базе конфликтных геополитических отношений), но и составляющие его кооперационные цивилизационно-геополитические регионы — Западоцентричный евроатлантический (или Балтийско-евроатлантический) и Славяно-православный россицентричный (или Балтийско-евразийский), сформировавшиеся ранее на основе кооперационных отношений, но связанные между собой сегодня конфронтационными геополитическими отношениями [1]. Для каждого из них характерна своя внутренняя мультирегиональность: наличие геополитических общностей — субрегионов кооперационного и конфликтного типа.

В этом контексте рассмотрим специфику и разнообразие геополитических регионообразующих отношений между Россией и Беларусью, с одной стороны, и государствами и их сообществами Балтийско-евроатлантического региона — с другой, а также наиболее заметные их результаты на региональном и субрегиональном уровнях.

1. Наиболее массовыми представляются результаты конфликтного *санкционно-геополитического тренда*. Они охватывают всех участников Балтийского макрорегиона и внерегиональных акторов, образуя два санкционных региона («Россия — коллективный Запад» и «Беларусь — коллективный Запад»), а внутри них — восемнадцать биполярных санкционных субрегионов с двухсторонними санкционными и контрсанкционными отношениями как между Россией и каждым балтийским государством (польско-российский, германско-российский и др.), так и между каждым из них и Беларусью (германско-белорусский, литовско-белорусский и др.).

2. Не менее результативным является и *конфронтационный военно-геополитический тренд* разнообразного взаимодействия России и Беларуси с НАТО,

представленный двумя военно-геополитическими регионами («Россия — НАТО» и «Беларусь — НАТО») и биполярными межгосударственными субрегионами (более десяти) между Россией и Беларусью и каждым балтийским членом НАТО в контактной зоне с ними: польско-белорусским, литовско-белорусским, польско-российским, финско-российским и др. Третьим и наиболее напряженным регионом с 2022 г. стал российско-белорусско-украинский, по сути «трансбалтийский», с учетом евроатлантической военно-политической составляющей (НАТО, ЕС и другие структуры сторонников Украины). Он состоит из двух военно-геополитических субрегионов — российско-украинского «субрегиона СВО» и белорусско-украинского «конфликтного субрегиона».

Одной из форм военно-геополитической регионализации, актуальной особенно в период специальной военной операции России на Украине, следует рассматривать региональные комплексы безопасности (по сути, региональные военно-геополитические общности), в частности наиболее масштабный конфронтационный польско-белорусско-российский комплекс-регион де-факто. Его геопространственные контуры были определены Ю. М. Зверевым и Н. М. Межевичем [3] с выделением внутри него белорусско-калининградского субрегионального комплекса безопасности [4, с. 16] как военно-геополитического субрегиона де-факто. Еще один военно-геополитический регион, но кооперационного, «союзнического» типа сложился между Россией и Беларусью в рамках их многоаспектного военного сотрудничества как членов Союзного государства.

3. Об устойчивости и успешности *кооперационно-геополитического тренда* регионализации свидетельствуют разнообразные исторически сложившиеся и новые, формирующиеся российско-белорусские приграничные и трансграничные региональные геополитические общности (регионы и субрегионы), а также новые межгосударственные инструменты интеграции и регионализации. В совокупности они успешно противодействуют ранее названным конфликтным региональным общностям и их деструктивной политике в отношении России и Беларуси, стимулируют интеграционные процессы между ними, расширяют их географию.

Среди исторически сложившихся регионов в первую очередь (по значимости) назовем уже упомянутый *межгосударственный кооперационный Балтийско-евразийский цивилизационно-геополитический регион* де-юре в форме Союзного государства Беларуси и России на основе договоров 1995, 1998 и 1999 гг., интегрированный также договорами об СНГ и ОДКБ, военно-политическим и военно-техническим сотрудничеством в интересах обеспечения военной безопасности по предотвращению военной угрозы и отражению агрессии на общем оборонном пространстве, а также системой соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве прибалтийских субъектов России (Санкт-Петербурга, Калининградской и Ленинградской областей) с Беларусью, Минском и белорусскими областями. Благодаря этим соглашениям фактически формируются четыре биполярных кооперационных белорусско-российских балтийских субрегиона де-юре. Все более очевидный балтийский кооперационный цивилизационно-геополитический вектор, в растущих масштабах реализующийся через Россию вместо прежних прибалтийских стран-партнеров, сделал Беларусь неотъемлемой частью Балтики.

Еще одним результатом кооперационного тренда стали межгосударственные региональные геополитические общности де-факто в сфере *приграничного сотрудничества* между пограничными областями, в которое вовлечены на основе договорных отношений и сопровождающих их структур как два государства, так и их области, регионы и муниципальные образования. Такое сотрудничество имеет особое значение как фактор развития и функция региональных скреп Союзного государства [5, с. 79].

При этом ключевое значение в развитии российско-белорусского приграничного сотрудничества имеют субъекты Днепро-Двинского региона (Смоленская, Витебская, Могилевская области), где близкое расположение областных центров способствовало наибольшей интенсивности межрегиональных и международных социально-экономических отношений [5, с. 71—72].

Новый потенциал и возможности для многосторонней интеграции на государственном уровне открыли *госпрограммы России для белорусских предприятий*: более 40 государственных отраслевых программ РФ, более 30 программ субсидирования производителей техники (поддержки спроса) и региональные программы субсидирования закупок техники в 38 регионах РФ [6].

В настоящее время наиболее массовым и активным инструментом межгосударственной геополитической регионализации кооперационного типа в рамках Союзного государства является *российско-белорусское межрегиональное трансграничное сотрудничество*, ставшее устойчивым и наиболее массовым геополитическим трендом. Оно представлено двусторонними соглашениями о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве субъектов России и областей Беларуси: 86 соглашений с 77 российскими регионами, а всего около 450 договоров между областями Республики Беларусь, г. Минском и субъектами Российской Федерации, а также между белорусскими районами, городами и российскими муниципальными образованиями (на 2023 г.) [7; 8].

Они обеспечивают мультирегиональность российско-белорусского геопространства и взаимодействия, поскольку эти соглашения и реализующие их двусторонние структуры (совместные советы делового сотрудничества, рабочие группы и др.) формируют десятки биполярных (двусторонних) кооперационных субрегионов де-юре — новых геополитико-социально-экономических региональных общностей российско-белорусского сотрудничества. Это те регионально-геополитические скрепы, которые обеспечивают целостность, прочность Союзного государства и сложившегося на его основе россиецентричного Балтийско-евразийского цивилизационно-геополитического региона.

Наиболее плодотворно Беларусь и ее регионы взаимодействуют с Москвой, Санкт-Петербургом, Тюменской, Московской, Смоленской, Брянской, Свердловской, Ленинградской областями, Республикой Татарстан и Пермским краем. Этому же содействует работа 11 отделений Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации (в Калининграде, Смоленске, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Казани, Уфе, Екатеринбурге, Новосибирске, Красноярске и Владивостоке) [8].

Важными инструментами межрегионального взаимодействия также являются ежегодно проводимые форумы регионов Беларуси и России. В частности, 27—28 июня 2024 г. в Витебске, Полоцке и Новополоцке прошел XI форум регионов «Роль межрегионального сотрудничества в построении инновацион-

ной экономики Союзного государства», в котором приняли участие представители 56 российских субъектов и всех областей Беларуси, подписавшие более 250 документов о сотрудничестве разного уровня [9].

Таким образом, процессы взаимодействия России и Беларуси (с учетом воздействия внешних факторов) имели своим результатом мультирегиональность российско-белорусского пространства, представленную геополитическими региональными общностями (регионами и субрегионами) различного типа: цивилизационно-геополитическими, санкционно-геополитическими, военно-геополитическими, регионами приграничного сотрудничества, биполярными трансграничными регионами двухстороннего российско-белорусского межрегионального сотрудничества.

Представленное многообразие российско-белорусских региональных общностей объективно требует создания на межгосударственном — союзном — уровне управленческой структуры, координирующей многообразную межгосударственную региональную политику.

Список литературы

1. Каледин Н. В., Елацков А. Б. Геополитическая регионализация Балтики: содержание и историческая динамика // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 141—158.
2. Каледин Н. В., Елацков А. Б. Трансграничная регионализация: геополитический аспект // Региональные исследования. 2020. № 1. С. 65—75.
3. Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Милитаризация Польши и возможные ответы Союзного государства в рамках теории региональных комплексов безопасности : монография. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.
4. Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Республика Беларусь и Калининградская область как субрегиональный комплекс безопасности // Балтийский регион 2022. Т. 14, № 3. С. 64—82.
5. Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Ч. 2: Регионы Западного и Юго-западного побережья России : монография / под ред. А. П. Клемешева, Я. А. Ворожеиной, И. С. Гуменюка, Г. М. Федорова. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2022.
6. Госпрограммы России для возможного участия белорусских предприятий. URL: <https://russia.mfa.gov.by/ru/exportby/gosprograms> (дата обращения: 14.10.2024).
7. Организация взаимовыгодного сотрудничества с регионами России. URL: https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/regions/ (дата обращения: 14.10.2024).
8. Беларусь и регионы России. URL: <https://mfa.gov.by/bilateral/russia/regions/> (дата обращения: 14.10.2024).
9. XI Форум регионов Беларуси и России. URL: <https://sovrep.gov.by/ru/11-forum-ru/> (дата обращения: 14.10.2024).

Об авторе

Николай Владимирович Каледин, кандидат географических наук, доцент, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: n.kaledin@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-1436-7527

The author

Dr Nikolai V. Kaledin, Associate Professor, Department of Regional Policy and Political Geography, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: n.kaledin@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-1436-7527

Е. А. Антипова, Л. О. Сушкевич, А. Н. Титов

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

**ТРАЕКТОРИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
И СЖИМАЮЩИЕСЯ ГОРОДА
БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ**

На основе официальных данных Национального статистического комитета Республики Беларусь проведен анализ демографических траекторий сжимающихся городов белорусско-российского приграничья за 1999—2019 гг. Установлено, что в белорусско-российском приграничье расположено 73 % всех сжимающихся городов Республики Беларусь. В зависимости от значений отрицательной динамики численности населения данная категория городов характеризуется различиями по времени наступления демографического сжатия. Определено, что интенсивность демографического сжатия зависит от численности населения города. Наиболее проблемная ситуация складывается в городах с малой численностью населения (менее 20 тыс. человек).

The demographic trajectories of shrinking cities in the Belarusian-Russian border region for 1999—2019 based on official data from the National Statistical Committee of the Republic of Belarus are analyzed in the article. It was found that 73 % of all shrinking cities in the Republic of Belarus are located in the Belarusian-Russian border region. Depending on the values of the negative dynamics of the population, this category of cities is characterized by differences in the time of the onset of demographic shrinkage. It was determined that the intensity of demographic shrinkage depends on the population of the city. The most problematic situation is in cities with a small population (less than 20 thousand people).

Ключевые слова: структура городского расселения, демографическая периферия, сжимающиеся города, отрицательная динамика численности населения, естественная убыль населения

Keywords: urban settlement structure, demographic periphery, shrinking cities, negative population dynamics, natural population decline

Республика Беларусь представляет собой страну, в которой наблюдаются общеевропейские тенденции демографического развития: снижение рождаемости населения, естественная его убыль, отрицательная динамика численности, обусловленные демографическим переходом [1]. На фоне этого в структуре городского расселения Беларуси происходит формирование демографически сжимающихся городов. Эта закономерная демографическая тенденция свойственна многим городам США, стран Европы начиная

с 1970—1980-х гг. Проблематика теории сжимающихся городов в Европе и США в достаточной степени изучена [2—7], в настоящий момент учеными активно проводятся прикладные работы по оценке данной категории городов (стратегии развития, городское планирование, динамика пространственно-функциональной структуры и др.) [8—12]. В Беларуси же экономико-географическое изучение сжимающихся городов только получает развитие.

В данной работе ставилась цель на основе анализа динамики структуры городского расселения и динамики численности городского населения Беларуси за 1999—2019 гг. выявить в белорусско-российском приграничье сжимающиеся города и установить основные траектории их демографического развития. Демографически сжимающиеся города изучались с белорусской стороны границы. Информационной базой исследования выступили официальные статистические данные переписей населения 1999, 2009 и 2019 гг., а также данные текущего учета естественного движения и численности населения Национального статистического комитета Республики Беларусь (<https://www.belstat.gov.by>).

Экономико-географический анализ сжимающихся городов белорусско-российского приграничья Беларуси проходил в несколько этапов с использованием комплекса методов — математико-статистического, группировки, типографов, картографического и ГИС-технологий. На первом этапе был проведен анализ динамики внутренней структуры городского расселения Беларуси за 1999—2019 гг. как предпосылки демографического сжатия городов. На втором этапе определялись сжимающиеся города белорусско-российского приграничья в трех приграничных областях — Витебской, Могилевской и Гомельской. Критериями сжимающихся городов выступили: 1) отрицательная динамика численности населения городов за 1999—2019 гг., 2) отрицательная ежегодная динамика по двум межпереписным периодам; 3) естественная либо миграционная убыль населения. Пороговыми величинами стали средние значения отрицательной динамики по стране и отклонения от них. Среднее сокращение численности населения городов за 1999—2019 гг. в Республике Беларусь — 12 %, среднее значение ежегодного сокращения численности населения — 0,3 %. На третьем этапе сжимающиеся города белорусско-российского приграничья с использованием методов группировки и типографов были проанализированы и систематизированы по группам и типам в зависимости от: 1) периода наступления демографического сжатия; 2) сокращения численности населения городов за 1999—2019 гг. С использованием программной среды ArcGIS результаты исследования были картографированы.

Республика Беларусь представляет страну, входящую по численности населения в группу менее 10 млн человек и где, по данным на 01.01.2023 г., проживает 9200,6 тыс. человек. Динамика численности населения страны характеризуется устойчивым трендом сокращения этого показателя с 1993 г. и отрицательной динамикой. В 2009—2019 гг. численность населения страны ежегодно сокращалась на 0,1 % (табл. 1).

Динамика численности населения Беларуси

Население	Численность населения, тыс. чел.				Ежегодный рост / сокращение численности, %	
	1999	2009	2019	01.01.2023	1999—2009	2009—2019
Городское	6961,5	7064,5	7300,0	7212,4	0,15	0,3
Всё	10 045,2	9503,8	9413,4	9200,6	-0,5	-0,1

Источник: составлено и рассчитано на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

В динамике численности городского населения за исследуемый период выделяется несколько ключевых тенденций. *Во-первых*, численность городского населения страны ежегодно в течение исследуемого периода возрастала. За 2009—2019 гг. ежегодный рост составлял 0,3 %. Несмотря на поступательный тренд демографического старения, города Беларуси остаются центрами притяжения трудовых ресурсов и в целом отличаются более высоким уровнем социально-экономического развития, качества жизни населения и социальных стандартов по сравнению с сельской местностью. В столице Минске вместе с Минской областью проживает 2759,76 тыс. человек, или около 40 % городского населения страны. Поэтому, *во-вторых*, для городского населения страны характерна *мегаконцентрация* в столице (28,8 %), обусловленная поляризацией в социально-экономическом развитии городов страны.

Внутренняя структура городского расселения Республики Беларусь отражает различия между классами городов по людности, в количестве городов, распределении населения и тренды динамики численности населения [13]. Структура городского расселения характеризуется мелкоселенностью, то есть преобладанием городов с численностью населения менее 20 тыс. человек. Данная тенденция является устойчивой. Расчеты показали, что доля этого класса городов в 1989, 2009, 2019 гг. составляла 67 %. Распределение городского населения в разрезе классов городов по людности подтверждает тенденцию *макрополизации* — концентрации городского расселения Беларуси в крупных по численности населения городах за 1989—2019 гг. [13]. В крупных и крупнейших городах проживает 71,6 % городского населения страны. Это *третья тенденция* распределения городского населения Беларуси.

Анализ ежегодной динамики численности городского населения по межпереписным периодам позволил выявить *четвертую тенденцию*, заключающуюся в неоднородных трендах данного показателя в разрезе классов городов. Более устойчивый рост наблюдается в классе крупных и крупнейших городов. Неустойчивая динамика, сочетание положительных и отрицательных трендов выражены в классе средних городов. Минимальный рост по всем межпереписным периодам наблюдается в классе малых городов, что обусловлено административными преобразованиями. Таким образом, наиболее уязвимыми классами к демографическому сжатию выступают малые города.

Преобладание в структуре городского расселения Беларуси классов городов с сокращением численности населения является доказательством существования в стране особой категории — сжимающихся городов. Как показали расче-

ты за 1989—2019 гг., демографически сжимающиеся города начали появляться в Республике Беларусь в конце XX в. Основными драйверами их появления стали, во-первых, миграция населения из более мелких по численности жителей городов в более крупные — в соответствии с миграционным переходом в 1970—1980 гг.; во-вторых, естественная убыль населения в 1990-х гг., вызванная демографическим переходом и обусловившая превышение смертности населения над рождаемостью; и в-третьих, политическая и социально-экономическая трансформация, вызванная распадом СССР в 1990-е гг. Как показали предыдущие исследования авторов [1], авария на ЧАЭС не оказала влияния на отрицательную демографическую динамику в городах Республики Беларусь.

За период 1989—2019 гг. в стране возникло 53 сжимающихся города, это составляло 46,1 % всех городов. Географически в Беларуси четко прослеживается региональная дифференциация по количеству сжимающихся городов. Наибольшее их количество характерно именно для приграничных с Россией областей — Гомельской, Витебской и Могилевской, представляющих зону демографической периферии Беларуси [14]. Из 53 сжимающихся городов 39 (73 %) расположены в приграничных с Россией областях: в Витебской — 13, Гомельской — 14, Могилевской — 12 городов. Ситуация в Гомельской области объясняется преобладанием во внутренней структуре городского расселения малых городов, самых уязвимых к демографическому сжатию. Витебская область — наиболее демографически постаревший регион страны, где естественная убыль населения проявилась значительно ранее, чем в других регионах. Могилевская область представляет собой регион, где в среднем более низкий уровень (по сравнению с другими территориями) социально-экономического развития оказывает влияние на демографические процессы в городах и приводит к отрицательной динамике.

В целом следует отметить, что ежегодное сокращение численности населения сжимающихся городов белорусско-российского приграничья превышает средние значения ежегодной убыли населения Беларуси и составляет 0,52 % за 1999—2019 гг. Ежегодная отрицательная динамика численности населения по трем межпереписным периодам на микрогеографическом уровне свидетельствует о том, что 39 сжимающихся городов белорусско-российского приграничья в зависимости от значений отрицательной динамики характеризуются различиями по времени наступления демографического сжатия.

По данному критерию города Беларуси были разделены нами на три уровня. *Первый уровень* — города опережающего демографического сжатия, которые характеризуются самым ранним его наступлением, с 1989 г. Здесь отрицательная динамика численности населения отмечалась во всех трех межпереписных периодах — в 1989—1999, 1999—2009 и 2009—2019 гг. К первому уровню отнесено 22 города, или 38 %. *Второй уровень* — города догоняющего демографического сжатия, в которых ежегодная отрицательная динамика проявилась во втором межпереписном периоде — в 1999—2009 гг. В белорусско-российском приграничье 46 городов второго уровня. *Третий уровень* — города реверсивной демографической динамики, в которых с 1999 г. осуществлен возврат к положительной динамике численности населения (табл. 2). К нему отнесено 3 города, все они расположены в белорусско-российском приграничье (Ветка, Наровля, Чечерск — Гомельская область).

Таблица 2

Региональное распределение сжимающихся городов белорусско-российского приграничья

Область	Общее количество городов, ед.	Количество сжимающихся городов белорусско-российского приграничья по уровням сжатия, ед.		
		1-й уровень: опережающее демографическое сжатие	2-й уровень: догоняющее демографическое сжатие	3-й уровень: реверсная демографическая динамика
Витебская	19	2	17	—
Гомельская	18	12	13	3
Могилевская	17	6	16	—
<i>Всего</i>	54	22	46	3

Источник: составлено и рассчитано на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Принципиально изменился характер естественного движения населения в сжимающихся городах: естественный прирост сменился естественной убылью. Миграционное движение испытало три волны в межпереписные периоды. С 1989 по 1999 г. наблюдалось положительное сальдо, сократившееся за 10 лет почти в 5 раз и достигшее минимальных значений. С 1999 по 2009 г. произошла трансформация сальдо — характер миграции в сжимающихся городах стал резко отрицательным. За последнее межпереписное десятилетие в сжимающихся городах сократился масштабный отток жителей, но миграционная подвижность является чрезвычайно низкой — 0,4‰.

Неравномерность наступления демографического сжатия обусловлена различиями в характере естественного движения населения в 1999—2019 гг. исследуемой категории городов. Естественная убыль в сжимающихся городах белорусско-российского приграничья, по данным за 2019 г., в три раза превышает аналогичный показатель среди городского населения Беларуси — 3,3 и 1,1‰ соответственно (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительная динамика демографического развития Республики Беларусь и сжимающихся городов белорусско-приграничья

Объект	Год	Численность населения, тыс. чел.	Общий коэффициент рождаемости (ОКР), ‰	Общий коэффициент смертности (ОКС), ‰	Общий коэффициент естественного прироста/убыли (ОКЕП (ЕУ), ‰)	Ежегодный рост / сокращение за 1999—2019 г., %
Республика Беларусь, всего	1999	10 024,3	9,3	14,1	-4,8	-0,6
	2009	9513,6	11,5	14,2	-2,7	
	2019	9410,3	9,3	12,8	-3,5	

Объект	Год	Численность населения, тыс. чел.	Общий коэффициент рождаемости (ОКР), ‰	Общий коэффициент смертности (ОКС), ‰	Общий коэффициент естественного прироста/убыли (ОКЕП (ЕУ), ‰)	Ежегодный рост / сокращение за 1999—2019 г., %
Города Беларуси, всего	1999	6633,6	9,5	10,4	-0,9	0,6
	2009	6733,4	11,8	10,7	1,1	
	2019	7007,6	9,2	10,3	-1,1	
Сжимающиеся города белорусско-российского приграничья	1999	1393,9	9,5	11,4	-1,9	-0,5
	2009	1568,9	11,3	12,1	-0,8	
	2019	1149,5	9,3	12,6	-3,3	

Источник: составлено и рассчитано на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Как показывают данные таблицы 3, рождаемость населения в сжимающихся городах белорусско-российского приграничья принципиально не отличается от рождаемости городского населения и населения страны в целом. Это объясняется сглаживанием репродуктивных установок белорусских женщин и мужчин по типу расселения. При этом общий коэффициент смертности населения в сжимающихся городах превышает аналогичный показатель всего городского населения Беларуси (12,1 и 10,3 ‰ соответственно).

Географическая картина рождаемости и смертности населения сжимающихся городов белорусско-российского приграничья представлена на рисунках 1, 2.

Вместе с тем микрогеографический уровень показывает региональные различия. В сжимающихся городах белорусско-российского приграничья Гомельской области показатели рождаемости и смертности населения выше, чем в городах Витебской и Могилевской областей.

Естественный прирост в 1999 г. был только в четырех сжимающихся городах приграничья. В 2019 г. также в большинстве городов наблюдалась естественная убыль, за исключением четырех городов — Буда-Кошелево, Чечерск, Наровля, Славгород (рис. 3).

Сжимающиеся города белорусско-российского приграничья характеризуются значительными потерями населения за 1999—2019 гг. За 20-летний период численность населения в них уменьшилась в среднем на 10 %. В четырех городах сокращение составило более 20 %. Это Дисна, Дубровно, Орша, Василевичи. На 38 % уменьшилась численность населения в г. Дисна Витебской области. Это один из самых маленьких городов страны, где, по данным за 2019 г., численность составляла 1551 человек. Большинство сжимающихся городов с высокими показателями сокращения населения расположены в Витебской области, которая в целом характеризуется самой неблагоприятной демографической ситуацией в стране (рис. 4).

Рис. 1. Рождаемость населения сжимающихся городов белорусско-российского приграничья, 2019 г.

Источник: составлено на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Рис. 2. Смертность населения сжимающихся городов белорусско-российского приграничья, 2019 г.

Источник: составлено на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Рис. 3. Естественное движение населения сжимающихся городов белорусско-российского приграничья, 2019 г.

Источник: составлено на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

Рис. 4. Распределение сжимающихся городов белорусско-российского приграничья по динамике численности населения, %, 1999—2019 гг.

Источник: составлено на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Последующий анализ ежегодного сокращения численности населения сжимающихся городов Беларуси показал дифференциацию между ними по этому показателю.

С учетом выявленных различий в ежегодной динамике за 1999—2019 гг. и численности населения сжимающиеся города белорусско-российского приграничья были разделены нами на три группы: с низким сокращением (менее 0,5 % в год), средним (0,5—1,0 %) и высоким (более 1,0 %). Исследуемая категория городов распределилась относительно равномерно в типографе, который позволяет установить зависимость темпов сокращения жителей от численности населения.

Наиболее благоприятной является ситуация в группе А — с низкими показателями ежегодного сокращения, в которую вошли 15 городов. По численности в этой группе преобладают малые города, но представлены также средний и два крупных города Речица, Бобруйск, Могилев (табл. 4).

Таблица 4

Типограф сжимающихся городов белорусско-российского приграничья по численности населения и ее ежегодному сокращению, 1999—2019 гг., %

Ежегодное изменение численности, %	Класс городов по численности, тыс. чел.		
	Малые (менее 20)	Средние (20—100)	Крупные (более 100)
Сокращение: высокое (более 1,0)	Дисна, Дубровно, Василевичи	—	Орша
среднее (0,5—1,0)	Барань, Верхнедвинск, Городок, Миоры, Новолукомль, Сенно, Чашники, Ельск, Петриков, Хойники, Кличев, Мстиславль	Калинковичи, Рогачев, Светлогорск, Кричев, Осиповичи	—
низкое (менее 0,5)	Браслав, Лепель, Толочин, Буда-Кошелево, Добруш, Туров, Бельнич, Быхов, Климовичи, Славгород, Чаусы, Чериков	Речица	Бобруйск, Могилев
Рост	Ветка, Наровля, Чечерск	—	—

Источник: рассчитано на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Группу В сформировали 18 сжимающихся городов со средней ежегодной убылью. В ней также преобладают малые по численности населения города, которые составляют наибольшую долю в разрезе классов, но представлены и средние города и один крупный (Орша). Наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в группе В, для которой характерно ежегодное сокращение более 1,0 %. В этой группе три города — малые и мельчайшие по численности населения (Дисна, Дубровно, Василевичи). С учетом этого, на наш взгляд, данные города должны стать объектами дополнительного изучения и внимания со стороны государства в целях их демографической и социально-экономической ревитализации.

Феномен демографического сжатия в Беларуси представляют города реверсивного типа, которые совершили разворот к положительной ежегодной динамике с 1999 г. (три города — Ветка, Наровля, Чечерск). Поскольку часть городов данного типа расположена в зоне радиоактивного загрязнения, то, на наш взгляд, они должны стать объектом особого внимания со стороны ученых для проведения пилотных исследований по выявлению основополагающих факторов разворота с последующей разработкой адресных стратегий развития.

Впервые выполненный анализ демографического сжатия городов белорусско-российского приграничья в динамике за 1999—2019 гг. доказывает его основную предпосылку — сжатие внутренней структуры городского расселения страны — и свидетельствует о структурной и пространственной дифференциации сжимающихся городов по динамике численности населения. Это выступает научным обоснованием для разработки направлений ревитализации демографически сжимающихся городов Беларуси с учетом установленных различий.

Список литературы

1. *Antipova E. A.* The dynamics of the demographic space of the Republic of Belarus in XXI century: Similarities and differences between urban and rural population areas // *Ukrainian Geographical Journal*. 2020. Vol. 1 (109). P. 35—44.
2. *Fol S., Cunningham-Sabot E.* «Declin urbain» et Shrinking Cities: une evaluation critique des approches de la decroissance urbaine // *Annales de geographie*. 2010. № 4. P. 359—383.
3. *Haase A., Rink D., Grossmann K. et al.* Conceptualizing urban shrinkage // *Environment and Planning*. 2014. № 46. P. 1519—1534.
4. *Alves D., Barreira A. B., Guimarães M. G., Panagopoulos T.* Historical trajectories of currently shrinking Portuguese cities: A typology of urban shrinkage // *Cities*. 2016. Vol. 52. P. 20—29.
5. *Shrinking Cities* // *State of the World's Cities 2008/2009 — Harmonious Cities*. United Nations Human Settlements Programme, 2008.
6. *Großmann K., Bontje M., Haase A., Mykhnenko V.* Shrinking cities: Notes for the further research agenda // *Cities*. 2013. Vol. 35. P. 221—225.
7. *Turok I., Mykhnenko V.* The trajectories of European cities, 1960—2005 // *Cities*. 2007. № 24. P. 165—182.
8. *Shrinking Cities: Understanding Urban Decline in the United States*. Abingdon Oxon: Routledge. By Russell Weaver, Sharmistha Bagchi-Sen, Jason Knight, Amy E. Frazier. 2017.
9. *Haase A., Athanasopoulou A., Rink D.* Urban shrinkage as an emerging concern for European policymaking // *European Urban and Regional Studies*. 2016. Vol. 23 (1). P. 103—107.
10. *Segers T., Devisch O., Herssens J., Vanrie J.* Conceptualizing demographic shrinkage in a growing region — Creating opportunities for spatial practice // *Landscape and Urban Planning*. 2020. Vol. 195, № 103711.
11. *Hartt M. D.* How cities shrink: Complex pathways to population decline // *Cities*. 2018. Vol. 75. P. 38—49.
12. *Кириллов П. Л., Махрова А. Г., Балабан М. О., Гао Л.* Сжимающиеся города в России в постсоветский период // *Региональные исследования*. 2023. № 1. С. 4—18.

13. *Antipova F., Fakeeva L.* Settlement System of Belarus. Spatial and Temporal Trends at the End of 20th and the Beginning of the 21st Centuries. *Journal of Settlements and Spatial Planning*. 2012. Vol. 3 (2). P. 129—139.

14. *Антипова Е. А., Коротаев В. К.* Геодемография Беларуси в XXI веке: сравнительно-географический анализ городского и сельского населения // Вестник БГУ. Сер. 2. 2014. № 3. С. 91—99.

Об авторах

Екатерина Анатольевна Антипова, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры экономической и социальной географии факультета географии и геоинформатики, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

E-mail: antipovaekaterina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7862-5500

Лилия Олеговна Сушкевич, кандидат географических наук, заведующая кафедрой экономической и социальной географии факультета географии и геоинформатики, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

E-mail: ZhigalskLO@bsu.by

ORCID: 0000-0002-5313-0170

Антон Николаевич Титов, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии факультета географии и геоинформатики, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

E-mail: antitov@tut.by

ORCID: 0000-0001-9436-8604

The authors

Prof Ekaterina A. Antipova, Doctor of Science in Geography, Full Professor, Professor of Economic and Social Geography Department, Belarusian State University, Faculty of Geography and Geoinformatics, Minsk, Belarus.

E-mail: antipovaekaterina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7862-5500

Dr Liliya O. Sushkevich, Head of Economic and Social Geography Department, Belarusian State University, Faculty of Geography and Geoinformatics, Minsk, Belarus.

E-mail: ZhigalskLO@bsu.by

ORCID: 0000-0002-5313-0170

Dr Anton N. Tsitou, Associate Professor of Economic and Social Geography Department, Belarusian State University, Faculty of Geography and Geoinformatics, Minsk, Belarus.

E-mail: antitov@tut.by

ORCID: 0000-0001-9436-8604

А. П. Катровский¹, Г. В. Ридевский²

¹ Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия)

² НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

МАЛЫЕ ГОРОДА РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ: ЕДИНСТВО В РАЗНООБРАЗИИ?

Цель статьи — выявить черты сходства и отличия малых городов России и Республики Беларусь. Особое внимание уделено изменению численности населения, различиям в урбанистических структурах. Приводится группировка малых городов по численности населения. Отмечаются проблемы развития малых городов, их конкурентные недостатки и преимущества. Делается акцент на различиях в возрасте, размерах, функциях, географическом положении городов. Типологический подход позволил выявить общие черты малых городов.

The purpose of the article is to identify the similarities and differences between small towns in Russia and the Republic of Belarus. Special attention is paid to population changes, differences in urban structures. The grouping of small towns by population is given. The problems of the development of small towns, their competitive disadvantages and advantages are noted. The emphasis is on differences in age, size, function, and geographical location. At the same time, the typological approach makes it possible to identify common features of small town.

Ключевые слова: деиндустриализация, особо малые города, урбанистическая структура, «самочувствие» малых городов, ревитализация

Keywords: deindustrialization, especially small towns, urban structure, «well-being» of small towns, revitalization

Введение и постановка проблемы

Рост числа малых городов за счет перехода в данную категорию средних городов, значительное сокращение численности населения малых городов позволяют не только констатировать кризис малого города в условиях неурбанизации, но и ставить вопрос о сохранении и ревитализации малого города как особого урбанистического образования. С 2002 по 2024 г. число малых городов в Российской Федерации выросло с 768 до 803, а численность населения, проживающего в них, сократилась с 16,6 до 15,2 млн человек. При этом в особо малых городах с численностью населения до 5 тыс. человек произошел рост количества жителей — с 110,8 до 171,8 тыс. человек.

Особо остро проблема малого города стоит в российско-белорусском приграничье, которое как никакой другой регион Союзного государства испытывает «пресс» со стороны крупнейших мегаполисов — Москвы, Санкт-Петербурга и Минска.

Современное состояние изученности проблемы

И. М. Маергойз отмечал: «Географически осознать город — значит, прежде всего, разобраться в его географическом положении во всех отношениях: природном, экономическом, политическом, военном. При этом особую сложность представляет его экономико-географическое положение» [1, с. 40—41].

Первый вопрос: какие города считать малыми? Не только в разных странах, но и в разные времена критерии отнесения населенного пункта к малым городам отличались. В. П. Семенов-Тянь-Шанский к малым относил города с численностью населения от 5 до 10 тыс. человек [2]. Детальный обзор вопросов классификации городов по размерам представлен в классической работе Б. С. Хорева [3]. В СССР критерии малого города отличались в разных республиках. Поскольку к малым относились города, существенно отличающиеся по размерам, то уже в середине 1950-х гг. Л. Л. Трубе ввел понятие «полусредний город», к которым он относил малые города с численностью населения от 20 до 50 тыс. человек [4]. Позднее Г. М. Лаппо остальные малые города стал называть классическими [5].

В последние десять лет в географической науке снизился интерес к изучению малых городов. При этом подчеркивалась исключительно важная их роль в организации пространства [6]. Однако в смежных областях знания интерес к исследованию проблем малых городов не снизился. Пожалуй, наиболее фундаментальная в этом плане монография подготовлена коллективом Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН [7].

При большом числе публикаций о российско-белорусском приграничье специальных значимых статей о малых городах очень немного, хотя им отводится исключительно важная роль в опорном каркасе расселения. Характер урбанизации в постсоветское время изменился, появились новые тенденции в развитии малых городов. В вышедшей в 2022 г. монографии [8] не было специального раздела о малых городах, хотя их проблемы прямо и косвенно рассматривались при оценке современной социально-экономической ситуации в российско-белорусском приграничье. В публикациях последних лет основное внимание было обращено на тенденции демографической динамики городов приграничья [9] и изменение численности населения и ревитализацию малых городов Республики Беларусь [10; 11].

Результаты исследования

Единство и разнообразие городов относится к вопросам, на который уже много лет дают ответ исследователи. С одной стороны, малые города входят в одну группу по численности населения, с другой — даже в одной группе малые города существенно отличаются по количеству жителей. Одно дело — это Гусь-Хрустальный или Кириши, еще в 2023 г. входившие в группу средних

городов, и совершенно иное — Верхоянск или Чекалин, население которых уже несколько лет менее 1 тыс. человек. В России и Беларуси в прошлом и в настоящее время отличаются количественные критерии малого города.

В РСФСР к малым городам относили населенные пункты, имеющие статус города и численность населения менее 50 тыс. человек. Данное представление о критериях малого города было закреплено нормативными документами Госстроя СССР в 1975 г. [12]. В постсоветское время критерии малого города были зафиксированы в Градостроительном кодексе Российской Федерации 1998 г. [13]. В последнем Градостроительном кодексе вопросы классификации городов по размерам не рассмотрены. В Беларуси к малым городам относят города с населением менее 20 тыс. человек. Причем принято различать малые города I категории — от 10 000 до 19 999 человек; II категории — от 5000 до 10 000 человек; III категории — менее 5000 человек¹.

Помимо людности (общепринятого основания для разделения городов на категории), при классификации малых городов необходимо гораздо полнее использовать функциональные, генетические, возрастные признаки, географическое положение, набор и характер проблем, место в системе расселения. Важным направлением становится исследование адаптивной способности городов [14, с. 7].

Г. М. Лаппо утверждал: «Разнообразие малых городов отражает разнообразие выполняемых ими функций. Самыми распространенными категориями малых городов являются: а) районные центры («местные столицы»); б) спутники крупных городов; в) промышленные центры разной специализации (очень часто монофункциональные); г) узлы транспортной и энергетической инфраструктуры» [5, с. 6].

Поскольку в категорию малых городов попадают населенные пункты, существенно отличающиеся по численности жителей, то с учетом более мелкой группировки Росстатом городов по результатам переписей населения есть смысл, закрепив за городами от 10 до 20 тыс. человек понятие «классический малый город», города других групп именовать «типично малые города» (для городов от 5 до 10 тыс. человек), «особо малые города» (для городов от 3 до 5 тыс. человек) и «мельчайшие города» (для городов с населением менее 3 тыс. человек). При этом в качестве самостоятельной группы сохраняются «полусредние города» с населением 20—50 тыс. человек.

«Малые города представляются на одно лицо, а их в России сотни, и они весьма разнообразны, делятся на категории, различаются по возрасту, генезису, функциям, положению в системах расселения, предпосылкам развития. И поэтому никак нельзя черты, свойственные какой-либо одной категории малых городов, распространять на всю совокупность» [15, с. 153—154]. Каждый малый город, с одной стороны, индивидуален, но с другой — имеет некие черты сходства с подобными населенными пунктами. Типологии, группировки малых городов объединяют их в совокупности благодаря чертам сходства. Невель, Новосokolьники, Унеча, Дно, Рославль объединяет то, что все они являются железнодорожными узлами, но эти города отличаются по возрасту, генезису, сочетанию отраслей специализации, размерам. Если Унеча

¹ См.: *Планировка и застройка населенных пунктов*. СН 3.01.03-2020. Официальное издание / Минстройархитектуры. Минск, 2023.

и Рославль — полусредние города, то Невель можно отнести к классическим малым городам, Новосокольники и Дно — к типично малым (5—10 тыс. человек). Но и роль железнодорожного транспорта в жизни этих городов разная. Если для Дно, Новосокольников и Невеля железнодорожная функция осталась ведущей, то для Рославля она стала второстепенной. А Унеча и Осиповичи вышли за рамки только узлов железных дорог, превратились в транспортные узлы с важной ролью трубопроводов, железных и автомобильных дорог. Кроме того, Осиповичи — значительный промышленный центр Могилевской области (комплектующие для автомобилей, рубероид и другие стройматериалы).

Размер населенного пункта выступает в качестве значимого фактора его динамики. Этот показатель влияет на социально-экономический потенциал в том числе и малых городов. Как правило, большие по численности населения пункты обладают лучшими предпосылками для развития. Однако данное положение не является универсальным. Формальные количественные рубежи для разных групп населенных пунктов в неоиндустриальное время носят скорее условный характер. Помимо численности населения, имеется немало иных эндогенных факторов развития; на развитие или деградацию населенных пунктов влияют и экзогенные (внешние) факторы. Гораздо большее значение имеют функции, которые в определенной степени обусловлены размерами населенного пункта. Демографическая недостаточность может существенно ограничить возможности экономического развития населенных пунктов вне агломераций. Практически в любой группе городов с определенной численностью населения есть как успешные населенные пункты, так и испытывающие проблемы в своем развитии.

В России на 1 января 2024 г. насчитывалось 16 мельчайших городов. В белорусской части приграничья к малым городам III категории относятся два (Туров и Дисна). Дисна — самый малый город современной Беларуси. В российской части пока мельчайших городов нет. Вероятно, что в ближайшие три года (при сохранении современных темпов депопуляции) в группу мельчайших войдут Новоржев и Гдов, а в ближайшие пять лет — Духовщина и Пустошка.

Территория российско-белорусского приграничья является староосвоенным регионом. Современная урбанистическая структура (термин ввели И. М. Маергойз и Г. М. Лаппо [16]) стала результатом более чем 1100-летнего развития городов, первые из которых были основаны не позднее IX в. В XIII в. в регионе уже существовала развитая сеть городов.

Туров был одним из значимых городских центров Киевской Руси. Это единственный из современных малых городов приграничья, России и Беларуси в целом, который в X—XIV в. был центром великого княжества (Турово-Пинского), делившегося на уделы, возглавляемые подчиненными ему городами. Полоцк и Смоленск, которые также возглавляли великие княжества, существовавшие на территориях современного российско-белорусского приграничья, смогли сохранить свою значимую роль. Полоцк удержался на положении среднего города и райцентра, а Смоленск — крупного города и областного центра. В непосредственной близости от Полоцка во второй половине XX в. вырос Новополоцк — бывший стотысячник (до 2019 г.), который вместе с Полоцком формирует бицентричную городскую агломерацию. В период фе-

одальной раздробленности и развития удельных княжеств опорный каркас расселения составляли центры княжеств и водные коммуникации. Реки являлись главными коммуникаторами и в отношениях с другими странами. Из современных малых городов — бывших центров удельных княжеств — до нашего времени сохранились Трубчевск, Карачев, Севск, Стародуб, Мстиславль, Рославль, Дорогобуж, Ельня, Порхов. Красный — ныне поселок городского типа, а Друзк, Свислочь и Вжищ — сегодня сельские населенные пункты.

Из 54 городов белорусской части приграничья 43 (81,1 %) являются малыми. В них на начало 2024 г. было сосредоточено менее 21,1 % городского населения белорусского приграничья, и они уступают по этому показателю всем остальным группам городов.

Будущее некоторых малых городов связано с агломерационными процессами. Гомельская, Брянская, Оршанская городские агломерации вовлекли в орбиту своего непосредственного влияния наибольшее число малых городов приграничья. Города — это прежде всего люди. Наилучшее представление об урбанистической структуре регионов дает такие показатели, как численность и доля населения, проживающего в городах разной людности.

С 2002 по 2024 г. общее число городов в российской части приграничья не изменилось, но произошла трансформация урбанистической структуры, в которой имел место переход городов из более высокой группы в более низкую. Если в 2002 г. имелось всего 2 особо малых города с населением менее 5 тыс. человек, то в 2024-м таких городов уже было 4. Число городов с населением от 5 до 10 тыс. человек выросло с 13 до 17. В самом конце XX в. группу средних городов покинуло Сафоново. Сжатие малых городов сопровождается сжатием социальной инфраструктуры, «оптимизацией» сети медицинских и образовательных учреждений, что усиливает отток молодежи и населения в трудоспособном возрасте из сельской местности. Депопуляция меняет урбанистическую структуру страны и ее отдельных регионов. В ближайшие годы велика вероятность, что единственный средний город Смоленской области — Вязьма — также перейдет в группу малых городов.

Демографическое сжатие городов не является свидетельством их кризиса, поскольку отражает общую демографическую картину в стране. Если по сравнению с 2002 г. численность городского населения России (без учета новых регионов, но с учетом Крыма и Севастополя) выросла с 106 429 до 1 09 527 тыс. человек, то городское население Брянской и Смоленской областей уменьшилось с 943 до 796 тыс. и с 744 до 628 тыс. человек соответственно, или по 15,6 %. Численность городского населения Псковской области уменьшилась с 503 до 411 тыс. человек, или на 18,3 %. Потери городского населения Псковской области превышают современную численность населения второго города области — Великих Лук.

Депопуляция охватила все без исключения города трех областей. Однако самые большие масштабы депопуляции имели место в малых городах. Среди регионов приграничья наиболее значительное демографическое сжатие отмечено в малых городах Псковской области. Так, по сравнению с 2002 г. к 01.01.2024 г. население Порхова сократилось на 43,9 %, Гдова на 37 %, Опочки на 33,2 %, Новоскольников на 31,8 %. В Смоленской области максимальные

размеры депопуляции отмечены в малых городах северо-запада региона — Демидове и Велиже, на 28,7 и 28,0 % соответственно. В Брянской области максимальная депопуляция была выявлена в Дятьково (26,8 %), далеко не самом маленьком городе. Население городов российской части приграничья с 2002 по 2024 г. сократилось более чем на 265 тыс. человек, или на 14 %. При этом происходит увеличение доли горожан в общей численности жителей всех трех регионов, поскольку демографическая деградация в сельской местности еще более значительна. Данный процесс можно считать одним из проявлений не-оурбанизации.

Активное сжатие малых городов происходит и в белорусской части приграничья. С начала 2021 г. Дисна утратила 7,1 % своего населения, Василевичи — 6,3 %. Это самые высокие темпы депопуляции среди малых городов белорусской части приграничья России и Беларуси.

Выводы

В условиях неоурбанизации для большинства малых городов характерны деиндустриализация, аграризация и опора на сервисные отрасли экономики. В ряде городов по-прежнему значима роль пищевой и легкой промышленности. Города выполняют роль центров обслуживания окружающей сельской местности, но деградация малого города в силу функционального сжатия приводит к деградации ближайших сельских населенных пунктов.

В эпоху неоиндустриальных трансформаций происходят глубокие функциональные изменения малых городов приграничья. Более значимы такие изменения в группе особо малых и типичных малых городов, которые в большей степени ощутили на себе деиндустриализацию. Если такие города не являются частью больших или крупных агломераций, то демографическая недостаточность, как правило, становится барьером на пути создания высокотехнологичных промышленных предприятий. Не только сокращение численности населения, но и ухудшение его возрастной и образовательной структуры выступают в качестве вызова для рынка труда малых городов.

Каждый малый город относится к определенному типу, но при этом он индивидуален, как индивидуальна и политика его развития. Каждый малый город нуждается в научно обоснованной стратегии развития, сочетающей федеральные, региональные и локальные интересы.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 23-27-00357 «Малый город в приграничных с Белоруссией регионах России: новая миссия и функции в эпоху неоиндустриальных трансформаций».

Список литературы

1. Маергойз И. М. Географическое учение о городах. М. : Наука, 1987.
2. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1914.
3. Хорев Б. С. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). М. : Мысль, 1975.

4. Трубе Л. Л. Типы городов Центрально-Промышленного района // География в школе. 1955. № 5. С. 10—14.
5. Лаппо Г. М. Особенности российской урбанизации и их отражение в урбанистической структуре страны // Региональные исследования. 2004. № 1. С. 3—12.
6. Гунько М. С. Малые города Центральной части Европейской России: состояние и роль в организации пространства // Известия Российской академии наук. Сер.: Географическая. 2014. № 2. С. 43—52.
7. *Малые города* в социальном пространстве России : монография / А. Ю. Ардалянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский и [др.]. М. : Изд-во ФНИСЦ РАН, 2019.
8. *Российско-белорусское приграничье: вызовы межстоличного положения* : монография / под ред. А. П. Катровского, В. Л. Бабурина, Т. И. Яськовой. Смоленск : Изд-во Смоленск. гос. ун-та, 2022.
9. Катровский А. П., Ридевский Г. В. Городские населенные пункты российско-белорусского приграничья: основные тренды динамики численности населения в XXI в. // Географическая среда и живые системы. 2023. № 3. С. 96—113.
10. Антипова Е. А. Малые города Республики Беларусь: ревитализация и периферизация демографического развития // Вестник БГУ. Сер. 2: Химия. Биология. География. 2016. № 3. С. 118—124.
11. Ридевский Г. В. Большие, средние и малые города Беларуси прежде и теперь (1825—2023) // Журналистика и география : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2024. Т. 3. С. 181—187.
12. *СНиП II-60-75. Строительные нормы и правила. Нормы проектирования. Планировка и застройка городов, поселков и сельских населенных пунктов*. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1723354932&tld=ru&lang=ru&name=4293850839.pdf&text=1.%20%D0%A1%D0%9D%D0%B8%D0%9F%20II-60-75> (дата обращения: 15.07.2024).
13. *Градостроительный кодекс Российской Федерации: официальный текст от 7 мая 1998 г.* М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 1998.
14. Лаппо Г. М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия Российской академии наук. Сер.: Географическая. 2019. № 4. С. 3—23.
15. Лаппо Г. М. Города России. Взгляд географа. М. : Новый хронограф, 2012.
16. Маергойз И. М., Лаппо Г. М. География и урбанизация // Вопросы географии. Урбанизация мира / отв. ред. Г. М. Лаппо и др. М. : Мысль, 1974. С. 5—18.

Об авторах

Александр Петрович Катровский, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры географии Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.

E-mail: alexkatrovsky@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5954-3833

Геннадий Владимирович Ридевский, кандидат географических наук, доцент, заведующий отделом социально-трудовых исследований НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: ridgeo@yandex.ru

ORCID: 0009-0007-1704-7082

The authors

Prof Alexander P. Katrovsky, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Professor of the Department of Geography, Smolensk State University, Smolensk, Russia.

E-mail: alexkatrovsky@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5954-3833

Dr Gennady V. Ridevsky, Associate Professor, Head of the Department of Social and Labor Research of the Labor Research Institute of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: ridgeo@yandex.ru

ORCID: 0009-0007-1704-7082

Ю. М. Зверев

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА: НОВЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ

Рассматриваются основные вызовы и угрозы в военной сфере Союзному государству Российской Федерации и Республики Беларусь со стороны США и НАТО, а также ответы, которые может дать Союзное государство со своей стороны на эти вызовы и угрозы.

The article examines the main challenges and threats in the military sphere to the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus from the United States and NATO and its responses to these challenges and threats.

Ключевые слова: Союзное государство, Российская Федерация, Республика Беларусь, США, НАТО, военная безопасность, субрегиональный комплекс безопасности

Keywords: The Union State, Russian Federation, Republic of Belarus, USA, NATO, military security, subregional security complex

Одним из важнейших направлений деятельности Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь, созданного в 1999 г., является обеспечение военной безопасности, под которой понимается «состояние защищенности жизненно важных интересов Союзного государства от военных угроз» [1].

Исходя из этого рассмотрим, с какими конкретными основными военными опасностями и угрозами сталкивается в настоящее время Союзное государство. С учетом небольших размеров статьи ограничимся, прежде всего, военными угрозами эксклавной Калининградской области и Республике Беларусь, которые формируют отдельный субрегиональный комплекс безопасности (СРКБ) внутри мезорегионального комплекса безопасности (МезоРКБ) Союзного государства [2].

Согласно заявлению президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, сделанному 20 февраля 2024 г., «в непосредственной близости от Беларуси и России в рамках операций альянса (НАТО. — Ю. З.), проводимых в Европе, размещены около 32 тыс. военнослужащих объединенных вооруженных сил НАТО и США. Это более 1 тыс. единиц бронетехники, около 160 артиллерийских систем и минометов, 235 самолетов и вертолетов» [3].

Тридцатого июня 2024 г. начальник Генерального штаба, первый заместитель министра обороны Республики Беларусь генерал-майор Павел Муравей-

ко заявил, что «сегодня вблизи наших границ расположено 10 батальонных тактических групп НАТО общей численностью более 20 тыс. человек, из них 6 тыс. — это американские» [4].

В Польше дислоцируется около 10 тыс. американских военнослужащих, в основном в рамках ротационного присутствия. Там находятся передовые штабы американского V корпуса и американской дивизии, штабы и подразделения двух бронетанковых бригадных боевых групп (АВСТ), склад с вооружением и техникой для еще одной АВСТ, штаб и подразделения боевой авиационной (вертолетной) бригады, база ПРО, база специальных сил, подразделения воздушно-десантных войск и ЗРК Patriot и др. [5—9].

С 2017 г. в Польше, Литве, Латвии и Эстонии дислоцируются многонациональные боевые группы усиленного передового присутствия (eFP) НАТО во главе с США, Германией, Канадой и Великобританией соответственно [7, с. 62—69]. В 2025 г. Германия начнет размещение в Литве на постоянной основе тяжелой маневренной бригады — 45-й бригады «Литва» численностью около 5000 человек, которая достигнет полной боевой готовности к концу 2027 г. [10; 11]. Канада к 2026 г. развернет в Латвии бригаду численностью 2200 военнослужащих канадских вооруженных сил [12].

На учениях отрабатывалось усиление боевых групп eFP НАТО в Польше и Эстонии с батальонного до бригадного размера за счет переброски дополнительных войск США из Германии и войск из Великобритании соответственно [9, с. 35—36, 57—58].

В Пабраде (Литва) на границе с Республикой Беларусь с октября 2019 г. дислоцируется ротационный смешанный (танковый) батальон американской АВСТ, усиленный с ноября 2022 г. батареей самоходной артиллерии [9, с. 47].

На авиабазах Мальборк (Польша), Зокняй (Литва), Эмари (Эстония) и Лилварде (Латвия)¹ дислоцируются на ротационной основе в рамках миссии Baltic Air Policing (BAP) истребители ВВС различных стран НАТО. В рамках новой ротационной модели ПВО/ПРО начато размещение в странах Прибалтики наземных ЗРК других стран НАТО [9, с. 60—61].

Идет модернизация и наращивание вооруженных сил Польши и стран Прибалтики, входящих в НАТО и граничащих с Россией и Беларусью.

Численность польских вооруженных сил за последние 10 лет более чем удвоилась, и они в 2024 г. стали третьими по величине в НАТО (после США и Турции) — 216,1 тыс. человек (в 2014 г. они были только девятыми — 99 тыс. человек). В марте 2022 г. по новому Закону о национальной обороне поставлена цель увеличить численность вооруженных сил Польши до 300 тыс. человек, включая 250 тыс. профессиональных военнослужащих и 50 тыс. военнослужащих Войск территориальной обороны [13].

У границ России и Беларуси формируются три новые польские дивизии — 18-я механизированная, 1-я дивизия пехоты легионов и 8-я пехотная Армии крайовой. Усиленно перевооружается на новую технику дислоцированная у границ российской Калининградской области 16-я Поморская механизированная дивизия [9, с. 5—15].

¹ С 2024 г. в связи с начавшимся ремонтом ВПП на авиабазе Эмари, которая использовалась для этой миссии с 2014 г.

Польша осуществляет массированные закупки современных вооружений¹, прежде всего в США и Южной Корее [14].

В вооруженных силах Литвы и Эстонии начато формирование дивизий (по одной в каждой стране). Страны Прибалтики также ведут закупки современных вооружений и военной техники², хотя и не в таких масштабах, как Польша.

Вдоль границ России, а также Беларуси постоянно летают самолеты-разведчики стран НАТО. А боевая авиация Североатлантического альянса (включая американские стратегические бомбардировщики В-52Н, способные нести ядерное оружие, и В-1В) отрабатывает нанесение ударов по России и Беларуси.

С 2026 г. США разместят в Германии на ротационной основе ракеты средней дальности наземного базирования с обычными боеголовками (многоцелевые ракеты Standard Missile-6 (SM-6), крылатые ракеты Tomahawk и гиперзвуковые ракеты) [15].

Польша выражает заинтересованность в размещении американского ядерного оружия в рамках совместных ядерных миссий НАТО и в сертификации своего самолета F-35A Lightning II (которые должны быть развернуты с 2024—2025 гг.) для доставки свободнопадающих ядерных бомб В61 в рамках подготовки к возможному включению в арсенал самолетов двойного назначения НАТО [16].

Польшей на границе с Беларусью с 2021 г. развязана «настоящая война против мигрантов из южных стран с десятками убитых и сотнями искалеченных польскими силовиками людей» [17]. Под предлогом укрепления восточной границы в рамках программы «Восточный щит» Польша направила для поддержки пограничной службы 8 тыс. военнослужащих. Еще 9 тыс. должны находиться в стратегическом резерве. В случае угрозы они появятся на границе в течение 48 часов [18].

Для Беларуси сейчас существуют потенциальные угрозы не только на западном, но и на южном операционном направлении (со стороны Украины), где постоянно фиксируются нарушения государственной границы беспилотной авиацией [19]. В связи с этим принятое Беларусью решение об усилении южного операционного направления было абсолютно оправданно, но даже после этого белорусская группировка сил (4,5 тыс. военнослужащих) у украинских границ в разы меньше той группировки, которая находится на сопредельной территории Украины (около 14 тыс. военнослужащих) [20].

В Вильнюсе, Таллине и Риге находятся структуры российской несистемной оппозиции, в Литве и Польше — белорусской оппозиции. Их основная задача — подрывная работа в России и Беларуси [21]. Президент Республики

---

¹ Танков M1 Abrams и K2 Black Panther, гусеничных боевых машин Borsuk, 155-мм самоходных пушек-гаубиц K9 Thunder и Krab, РСЗО K239 Chunmoo и HIMARS, истребителей пятого поколения F-35A, легких боевых самолетов FA-50, боевых вертолетов AH-64E Apache, ЗРК большой дальности Patriot, ЗРК малой дальности Narew, береговых ракетных комплексов NSM, многоцелевых фрегатов и др. Часть из этой техники уже поступила в Войско польское [13].

² Включая ракетные комплексы HIMARS, ЗРК малой дальности IRIS-T SLM, береговые ракетные комплексы NSM и Blue Spear [8, с. 40, 43—46].

Беларусь А. Г. Лукашенко публично заявлял: «Кроме информационной войны мы видим попытку навязать нам войну диверсионных групп. Они (Польша, Литва и Латвия — Ю. З.) готовят вооруженные отряды, чуть не полки, как они их называют, чтобы осуществить вторжение на территорию Белоруссии. Не говорю о санкциях. Это экономические диверсии и война против Белоруссии» [22].

На негосударственном уровне предъявляются территориальные претензии к России (на Калининградскую область — из Германии, Польши (поддержанные Украиной) и Литвы), а также к Беларуси (из Польши и с Украины) [23—28].

Ответом на растущие военные угрозы и вызовы, согласно Военной доктрине Союзного государства, должно стать следующее [1]:

1. Формирование и осуществление согласованной военной политики.
2. Создание и развитие региональной группировки военных сил (РГВ(С)), заблаговременное общее планирование их применения и проведение мероприятий по совместной оперативной, боевой и мобилизационной подготовке в интересах совместной обороны¹.
3. Совершенствование и совместное использование объектов военной и транспортной инфраструктур в интересах РГВ(С).
4. Проведение в интересах совместной обороны согласованной мобилизационной подготовки экономик государств-участников.
5. Формирование единого пограничного пространства, осуществление охраны государственных границ стран-участниц на основе единых принципов и требований.
6. Подготовка органов государственного управления, местного управления и самоуправления, организаций и населения государств-участников к решению задач территориальной и гражданской обороны.
7. Расширение военного и военно-технического сотрудничества с государствами — членами ОДКБ, а также с другими дружественными государствами.
8. Развитие и поддержание в боевой готовности объединенных военных систем².

Как отмечается в Военной доктрине, «ядерное оружие Российской Федерации будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных

¹ С октября 2022 г. в составе РГВ(С) на территории Беларуси размещены до 9 тыс. российских военнослужащих, а также около 170 танков, до 200 боевых бронированных машин и до 100 орудий и минометов калибра более 100 мм. Воинские подразделения размещаются на четырех полигонах в восточной и центральной частях Беларуси [29]. На территории Беларуси в 2025 г. пройдут учения РГВ(С) [30].

² Речь в первую очередь идет о Единой региональной системе (ЕРС) ПВО России и Беларуси, формирование которой было завершено в 2016 г. [31], учебно-боевых центрах совместной подготовки военнослужащих двух стран [32] и российских военных объектах на территории Республики Беларусь (43-м узле связи ВМФ России «Вилейка» и РЛС «Волга», работающей в составе российской системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) [33].

средств поражения» [1]. В рамках этого доктринального положения в Республике Беларусь в качестве средства сдерживания в 2023 г. размещено российское тактическое ядерное оружие [34].

Россия и Беларусь продолжают военно-техническое сотрудничество, включающее, в частности, поставки современных образцов вооружения и военной техники (ВиВТ) для белорусских вооруженных сил, производственную кооперацию ОПК двух стран и совместное создание перспективных образцов ВиВТ.

Важное значение для укрепления обороноспособности российской эксклавной Калининградской области имеет дальнейшее развитие субрегионального комплекса безопасности (СРКБ) Республика Беларусь — Калининградская область РФ [2].

Исследование выполнено согласно государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ № 5256-24 «Анализ геополитических рисков Российской Федерации на калининградском направлении в 2024 году».

Список литературы

1. *Военная доктрина* Союзного государства / утв. Постановлением Высшего государственного совета Союзного государства от 04.11.2021 г. № 5 // Союзное государство : официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства. URL: <https://postkomsg.rf/upload/iblock/18c> (дата обращения: 23.09.2024).

2. *Зверев Ю. М., Межевич Н. М.* Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 64—82. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-4.

3. *Лукашенко:* мир методично превращается в полигон глобального противостояния // Беларусь сегодня. 20 февр. 2024. URL: <https://www.sb.by/articles/lukashenko-mir-metodichno-prevrashchaetsya-v-poligon-globalnogo-protivostoyaniya.html> (дата обращения: 23.09.2024).

4. *Муравейко:* вблизи белорусских границ блок НАТО и США проводят четыре операции // БЕЛТА. 30 июня 2024. URL: <https://belta.by/society/view/muravejko-vblizi-belorusskih-granits-blok-nato-i-ssha-provodjat-chetyre-operatsii-644728-2024/> (дата обращения: 23.09.2024).

5. *Zwiększenie obecności wojskowej USA w Polsce* // Ministerstwo Obrony Narodowej. URL: <https://www.gov.pl/web/obrona-narodowa/zwiekszenie-obecnosci-wojskowej--usa-w-polsce> (дата обращения: 23.09.2024).

6. *Poland — NATO* // Ministry of National Defence Republic of Poland. 22.02.2024. URL: <https://www.gov.pl/web/national-defence/poland---nato> (дата обращения: 23.09.2024).

7. *Зверев Ю. М., Межевич, Н. М.* Безопасность в восточной Балтике : экспертный доклад. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019.

8. *Зверев Ю. М.* Военно-политическая и военная безопасность Калининградской области : информационно-аналитический доклад. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023.

9. Зверев Ю. М. Нарращивание и модернизация вооруженных сил Польши, Литвы и других стран НАТО вокруг Калининградской области : информационно-аналитический доклад. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.

10. *The Bundeswehr* in Lithuania: Major steps towards the German manoeuvre brigade // Bundeswehr. URL: <https://www.bundeswehr.de/en/news/bundeswehr-lithuania#section-5796440> (дата обращения: 23.09.2024).

11. *Headquarters* initial command element of the Bundeswehr's 45th Brigade Lithuania deploys to Vilnius // Ministry of National Defence of the Republic of Lithuania. 2024.04.03. URL: <https://kam.lt/en/headquarters-initial-command-element-of-the-bundeswehrs-45th-brigade-lithuania-deploys-to-vilnius/> (дата обращения: 23.09.2024).

12. *Operation REASSURANCE* // Government of Canada. URL: <https://www.canada.ca/en/department-national-defence/services/operations/military-operations/current-operations/operation-reassurance.html> (дата обращения: 23.09.2024).

13. *Poland* has NATO's third largest military, new figures show // Notes from Poland. July 16, 2024. URL: <https://notesfrompoland.com/2024/07/16/poland-has-natos-third-largest-military-new-figures-show/> (дата обращения: 23.09.2024).

14. Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Милитаризация Польши и возможные ответы Союзного государства в рамках теории региональных комплексов безопасности : монография. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.

15. *Liang X.* U.S. to Deploy Intermediate-Range Missiles in Germany // Arms Control Association. September 2024. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2024-09/news/us-deploy-intermediate-range-missiles-germany> (дата обращения: 23.09.2024).

16. *Poland's* bid to participate in NATO nuclear sharing // IISS. September 2023. URL: <https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2023/polands-bid-to-participate-in-nato-nuclear-sharing/> (дата обращения: 23.09.2024).

17. *Выступление* заместителя министра иностранных дел Беларуси Ю. Амбразевича на заседании Совета Безопасности ООН (16 июля 2024 г., г. Нью-Йорк) // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 16 июля 2024 г. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/b49cc4670ba32856.html (дата обращения: 23.09.2024).

18. *Tarcza* Wschód nabiera kształtu. Powstanie specjalna jednostka [WIDEO] // TVP. 10.07.2024. URL: <https://www.tvp.info/79235070/tarcza-wschod-nabiera-ksztaltu-tom-czyk-mon-powstanie-specjalna-jednostka> (дата обращения: 23.09.2024).

19. *Для Беларуси* существует угроза со стороны Украины и Запада // Общенациональное телевидение. 08.09.2024. URL: <https://ont.by/news/dlya-belarusi-sushestvuet-ugroza-so-storony-ukrainy-i-zapada> (дата обращения: 23.09.2024).

20. *Белорусская* группировка военных на границе в разы меньше группировки ВСУ — Вольфович // Общенациональное телевидение. 08.09.2024. URL: <https://ont.by/news/beloruskaya-gruppirovka-voennyh-na-granice-v-razy-menshe-gruppirovki-vsuvolfovich> (дата обращения: 23.09.2024).

21. *Главная задача* — подрывная работа: НКО стран Балтии и их влияние на Россию // BALTNEWS. 29.04.2024. URL: https://baltnews.com/Russia_West/20240429/1026262710/Glavnaya-zadacha--podryvnaya-rabota-NKO-stran-Baltii-i-ikh-vliyanie-na-Rossiyu.html (дата обращения: 23.09.2024).

22. *Лукашенко*: Прибалтика и Польша собираются вторгнуться на территорию Белоруссии // BALTNEWS. 20.05.2024. URL: <https://baltnews.com/v-mire/20240520/1026291373/Lukashenko-Pribaltika-i-Polsha-sobirayutsya-vtorgnutsya-na-territoriyu-Belorusii.html> (дата обращения: 23.09.2024).

23. *Политолог* рассказал о стремлении немцев вернуть Калининград // Lenta.ru. 27.08.2021. URL: https://lenta.ru/news/2021/08/27/kaliningrad_plakati/ (дата обращения: 23.09.2024).

24. *Польский* генерал Скшипчак потребовал «вернуть Калининград Польше» // РБК. 26.03.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/03/2022/623e46719a7947174bd39727> (дата обращения: 23.09.2024).

25. *На Украине* поддержали территориальные претензии Польши на Калининград // Известия. 27.03.2022. URL: <https://iz.ru/1311163/2022-03-27/na-ukraine-podderzhali-territorialnye-pretenzii-polshi-na-kaliningrad> (дата обращения: 23.09.2024).

26. *Дудников Д. Е.* Территориальные разногласия РФ и стран Прибалтики: история и современность // Вестник СНО ДОННУ. 2022. Вып. 14, т. 2 : Социально-гуманитарные науки (Исторические науки и политология). Ч. 1. С. 73—77.

27. *Бредихин А.* Брестское и Гродненское воеводства Польши уже завтра? // EurAsia daily. 25.08.2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/08/25/brestskoe-i-grodnenskoe-voevodstva-polshi-uzhe-zavtra?> (дата обращения: 23.09.2024).

28. *Хавич О.* Чей Брест? Как Украина и Белоруссия боролись за спорные земли // Украина.ру. 29.08.2020. URL: <https://ukraina.ru/20200829/1028718774.html> (дата обращения: 23.09.2024).

29. *Мельяцков Д.* Региональная группировка войск Беларуси и России // Минский диалог. 03.03.2023. URL: <https://minskdialogue.by/research/memorable-notes/regionalnaia-gruppirovka-voisk-belarusi-i-rossii> (дата обращения: 23.09.2024).

30. *В Белоруссии* в 2025 году пройдут учения региональной группировки войск // ТАСС. 22.02.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20056343> (дата обращения: 23.09.2024).

31. *Зверев Ю.* Зачем Беларуси и России единая система ПВО // Евразия.Эксперт. 20.09.2016. URL: <https://eurasia.expert/zachem-belarusi-i-rossii-edinaya-sistema-pvo/> (дата обращения: 23.09.2024).

32. *Белоруссия* и Россия подписали соглашение о создании учебно-боевых центров ВС // БелРос. 01.03.2024. URL: <https://belros.tv/news/obschestvo/rossiya-i-belarus-podpisali-soglashenie-o-sozdanii-uchebno-boevykh-tsentrov-vs/> (дата обращения: 23.09.2024).

33. *Размещение* в Белоруссии двух военных объектов РФ продлили на 25 лет // Интерфакс. 08.11.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/801806> (дата обращения: 23.09.2024).

34. *В Минске* объяснили размещение ядерного оружия в Белоруссии // РИА Новости. 19.06.2023. URL: <https://ria.ru/20230619/oruzhie-1879237619.html> (дата обращения: 23.09.2024).

Об авторе

Юрий Михайлович Зверев, кандидат географических наук, доцент, доцент образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития», главный специалист Центра геополитических исследований Балтийского региона Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: YZverev@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-5048-7481

The author

Dr Yury M. Zverev, Associate Professor, Associate Professor of the Educational and Scientific Cluster “Institute of Management and Territorial Development”, Senior Researcher of Center for Geopolitical Studies of the Baltic Region, Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: YZverev@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-5048-7481

А. Б. Себенцов, М. С. Карпенко

Институт географии РАН (Москва, Россия)

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ В ПОИСКАХ ПОДХОДОВ К ПРИГРАНИЧНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ

Отмечается, что на фоне геополитической турбулентности последних лет национальные власти все чаще обращаются к тематике углубления сотрудничества с дружественными странами. В то же время именно на границах России и Беларуси приграничное сотрудничество имеет нерешенные проблемы. Делается обзор основных драйверов трансграничных взаимодействий на границе России и Беларуси, а также предлагается авторское видение обновленных подходов к организации приграничного сотрудничества.

In the context of the geopolitical turbulence of recent years, the eyes of national authorities are increasingly turning to the topic of deepening cooperation with friendly countries. At the same time, it is precisely at these borders that cross-border cooperation is stalling. The article is aimed at reviewing the main drivers of cross-border interactions on the border of Russia and Belarus, and also offers the author's vision of updated approaches to organization of crossborder cooperation.

Ключевые слова: российско-белорусское приграничье, приграничное сотрудничество, Союзное государство, евразийская интеграция, адаптация

Keywords: Russian-Belarusian border area, cross-border cooperation, Union State, Eurasian integration, adaptation

Введение

Приграничное сотрудничество — важная часть комплекса отношений любых соседних стран. Задачи приграничного сотрудничества обычно связаны, с одной стороны, с преодолением негативного влияния границы на жизнь приграничных регионов (дополнительные издержки от пересечения границы, вызовы безопасности и др.), а с другой — с попыткой максимизировать выгоды от соседства (различия в ценах на товары и услуги и др.). В более широкой трактовке под приграничным сотрудничеством понимают весь комплекс трансграничных взаимодействий между смежными регионами двух стран.

Российско-белорусское приграничное сотрудничество всегда привлекало к себе внимание исследователей. Интерес, во-первых, вызывал опыт приграничного сотрудничества и трансграничных взаимодействий на «открытых границах», где соответствующий пропускной режим практически сведен к минимуму [1]. Во-вторых, поскольку считается, что благоприятные отношения между

странами создают хорошую основу для трансграничных взаимодействий, многих авторов интересовала проблема сравнительно слабого приграничного сотрудничества между регионами двух стран [2—4]. В условиях геополитической турбулентности последних лет проблема недостаточной плотности и интенсивности приграничного сотрудничества стала подниматься в том числе и региональными властями российско-белорусского приграничья.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы представить авторское видение возможных форм и подходов к сотрудничеству между приграничными регионами России и Беларуси.

Драйверы сотрудничества в приграничье России и Беларуси

Российско-белорусская граница оставалась открытой с момента распада СССР, однако с каждым годом она становилась все большим препятствием для сотрудничества: снижались возможности для трудоустройства граждан, кратно сократилось транспортное сообщение. Создание Союзного государства, а потом и ЕАЭС, повернуло вспять лишь некоторые из этих процессов, но окончательно не остановило их [5].

Демографический потенциал приграничья — один из ключевых драйверов приграничного сотрудничества. Социокультурная близость народов двух стран в целом и приграничных регионов в частности создает благоприятные условия для взаимных контактов. В отличие от других участков российских границ, эта близость практически не пострадала от естественных тенденций этнокультурной суверенизации — добрососедские отношения в полной мере сохранились. Однако негативным фактором стала депопуляция и периферизация всего приграничья, которая наблюдалась уже с конца XIX в., но заметно ускорилась в 1990-е гг. Сокращение численности населения в белорусской части приграничья в последние годы было примерно в 2 раза выше, чем в среднем по стране, в российской части — почти в 8 раз. Депопуляция населения, как правило, автоматически означала сжатие потребительских рынков и рынков труда, а также деградацию транспортной инфраструктуры в регионах двух стран, но особенно с российской стороны [6].

Транспортно-географические особенности приграничья благоприятствуют сотрудничеству. Наши предыдущие исследования показывают, что поскольку в постсоветское время граница непрерывно сохраняла свою открытость, сеть второстепенных дорог, пересекающих границу, сохранилась лучше. Это позволило не только сохранить высокую проницаемость границы, но и обеспечить хорошую транспортную доступность даже удаленных от основных трасс периферийных районов. Расположение большей части территории пограничья в пределах трехчасовой зоны транспортной доступности от границы заметно благоприятствует трансграничным контактам.

Одной из причин снижения транспортной связанности в приграничье стала деградация транспортного сообщения (автобусы, пригородные электропоезда). Первая волна деградации наблюдалась в 1990-е гг., а полностью парализованное сообщение оказалось в период пандемии COVID-19. Лишь в 2024 г. часть маршрутов была восстановлена [7].

Экономическое сотрудничество в постсоветское время оставалось одним из драйверов трансграничных взаимодействий. В приграничных регионах Бе-

ларуси сосредоточено почти 25 % ВВП, в то время как в российских регионах — лишь 0,9 %. Однако большая емкость потребительского рынка близкого к приграничью столичного Московского региона становилась важным фактором для трансграничных взаимодействий [8; 9]. В результате приграничье стало выполнять буферные функции, поскольку используется экономическими агентами для проникновения на смежные потребительские рынки, получения ренты от разной стоимости факторов производства и выгоды от различий в регулировании, развития кооперационных связей. Хрестоматийными стали примеры кооперации в рамках совместных предприятий на российской стороне, осуществляющих сборку различной техники из белорусских комплектующих (Брянсксельмаш, Амкодор-Брянск, Смолсельмаш), что позволяет белорусским компаниям получить доступ на российский рынок, к государственным программам лизинга и пр. Наши исследования показали, что по той же причине в Руднянском районе (Смоленская область) многие успешные предприятия (торговые точки, производство посуды, окон и др.) имеют белорусское происхождение. Игорный бизнес — еще один пример использования «пограничной ренты», связанной с разными подходами к законодательному регулированию. Казино вдоль трасс М1 привлекают клиентов даже из Москвы и к тому же являются крупнейшими налогоплательщиками для некоторых приграничных районов (например, Оршанского в Витебской области) [10].

Повседневные практики населения также формируют ткань трансграничных связей. Целью поездок, помимо родственных связей и туризма, часто становится эксплуатация трансграничной ренты. Используя разницу в зарплатах и ценах, жители приграничья ездят за товарами и даже устраиваются на работу в приграничных районах соседней страны. Наши интервью в Смоленской области показали, что жители Витебской области на ежедневной основе ездят работать на промышленных предприятиях, в сфере ЖКХ, дорожном строительстве, образовании и медицине. В Псковской области, которая подверглась особенно сильной депопуляции, граждане Беларуси работают на сельскохозяйственных предприятиях, в том числе на Великолукском мясокомбинате. Своего рода приграничную ренту используют и ушедшие в отставку военные: фактически проживая в Беларуси, они предпочитают регистрироваться в российской части пограничья с целью получения более высоких, чем в своей стране, пенсий и пособий [10].

Новые и старые подходы к сотрудничеству

Институты приграничного сотрудничества между Россией и Беларусью остаются слабо развитыми, несмотря на декларируемое усиление интеграции. До 2014 г. важнейшим институтом сотрудничества считался еврорегион «Днепр», основанный в 2003 г. на границе России (Брянская область), Беларуси (Гомельская область) и Украины (Черниговская область). Помимо организации культурно-образовательных мероприятий, еврорегион координировал сотрудничество по экологической тематике. Однако отсутствие финансовой поддержки со стороны региональных и национальных властей стран-участниц не позволяло реализовать значительный потенциал трансграничных связей. После 2014 г. сотрудничество и вовсе было остановлено по инициативе украинской стороны [4].

Среди других институциональных площадок, которые периодически используются для обсуждения проблем приграничных регионов, можно назвать Форум регионов Беларуси и России и Оршанский международный экономический форум. Однако и здесь вопросам приграничного сотрудничества уделяется недостаточно внимания. На первом форуме затрагиваются в основном отраслевые вопросы межрегионального сотрудничества, на втором — в большей степени развитие международных экономических связей [10].

В 2019—2020 гг. новый виток интеграции в рамках Союзного государства привел к разработке и подписанию в 2021 г. новых 28 союзных программ, направленных на формирование общих рынков и гармонизацию налогового, таможенного регулирования и др. В то же время ни одна из программ не затрагивала вопросов совместного пространственного планирования или регионального развития, в том числе и в приграничных регионах.

В 2022—2023 гг. власти Витебской и Псковской областей выступили с предложением создать в приграничье двух стран первую совместную программу приграничного сотрудничества, которая бы учитывала соответствующий опыт каждого из этих регионов с соседними территориями ЕС. Национальные власти России и Беларуси, а также Союзное государство поддержали эту инициативу, и в 2023 г. начался процесс разработки такой программы. Однако наши интервью (2024 г.) показали, что региональные органы власти, к примеру Псковской области, так и не были вовлечены в процесс разработки программы, которая находится на завершающей стадии.

Опираясь на проведенные ранее исследования [2—4; 11], можно утверждать, что наиболее перспективным в условиях российско-белорусского приграничья выглядит программно-проектный подход, учитывающий опыт приграничного сотрудничества обеих стран с европейскими соседями. В период с 2000 по 2022 г. приграничное сотрудничество со странами ЕС реализовывалось, прежде всего, в рамках идейных и институциональных механизмов Европейской политики соседства, что подкреплялось существенным финансированием по линии TACIS-Interreg (2000—2006), ENPI (2007—2014) и ENI (2014—2020). Такой подход имеет критически важные преимущества по сравнению с тем, который практикуется сегодня. Во-первых, территориальность таких программ (то есть их отнесение к конкретной территории) позволяет учесть уникальные особенности, конкретный набор проблем и вызовов для того или иного участка границ, при этом оставаясь в рамках единого инструмента развития приграничных территорий, типового в части механизма реализации, источников финансирования и пр. Во-вторых, программный подход означает создание общих органов управления, общего бюджета и «единых правил игры». Институциональная структура таких органов полностью разработана и успешно апробирована в течение 20 лет на границах России и Беларуси со странами ЕС. В-третьих, деполитизированность тем сотрудничества позволяет уберечь реализацию востребованных с обеих сторон границы проектов от различных конъюнктурных колебаний геополитического и геоэкономического толка. В-четвертых, формулировка общих целей сотрудничества, которая необходима при использовании программного подхода, позволяет сделать приграничные регионы бенефициарами межгосударственных интеграци-

онных инициатив (таких, например, как Союзное государство) и спроецировать национальные цели внутренней и внешней политики непосредственно на приграничье.

Заключение

Последние работы российских и белорусских исследователей показывают, что в условиях интеграционных процессов сочетание пограничности, межстолочности и транзитности выступает одним из важнейших факторов активизации приграничного сотрудничества.

Несмотря на колоссальный потенциал, российско-белорусское пограничье — пример постсоветского типа сотрудничества, которое опирается, прежде всего, на торгово-экономические связи, добрую память об общем историческом прошлом и связи стареющих и постепенно уходящих советских поколений. Этот тип характеризуется также крайней слабостью институтов, финансовой и организационной поддержкой региональных и местных инициатив трансграничных взаимодействий. В таких условиях акторы сотрудничества пользуются «случайными» грантами, не формируют постоянно действующих сетей, а само взаимодействие остается «невидимым» для региональных и тем более национальных властей.

Недостаток институционализации и финансовой поддержки сотрудничества воспринимается как серьезная проблема всеми экспертами, но особенно теми, кто имеет опыт реализации программ соседства на границе с ЕС. Преимущество программно-проектного подхода к приграничному сотрудничеству состоит в возможностях не только согласовать общие для всех уровней управления приоритеты сотрудничества, сформировать совместный бюджет программы, но и обеспечить относительную свободу действий в сфере приграничного сотрудничества, а также преодолеть различия в уровне деволюции полномочий. Четко определенные на уровне Союзного государства рамки приграничного сотрудничества позволят не допустить его приостановки даже в период обострения межгосударственных противоречий.

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 24-27-00400 «Адаптация функций и территориальных структур приграничных регионов России в условиях ре-стрикций».

Авторы благодарят К. А. Морачевскую за значительный вклад в подготовку статьи.

Список литературы

1. *Rietveld P.* Barrier Effects of Borders: Implications for Border-Crossing Infrastructures // *EJTI*. 2012. № 12 (2). P. 150—166.
2. *Вардомский Л. Б.* Приграничное сотрудничество на «новых и старых» границах России // *Евразийская экономическая интеграция*. 2008. № 1. С. 90—108.
3. *Вардомский Л. Б.* Российское порубежье в условиях глобализации. М. : Кн. дом «Либроком». 2009.
4. *Себенцов А. Б.* Институциональное измерение приграничного сотрудничества в российском приграничье // *Региональные исследования*. 2018. № 3 (61). С. 66—75.

5. Катровский А. П. Эволюция транспортной сети российско-белорусского приграничья: опыт историко-географического исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2022. № 2. С. 5—29.

6. Morachevskaya K., Karpenko M., Sebentsov A. Border divergence or convergence in the context of integration: A case study of the Russian-Belarusian and Russian-Kazakhstan borderlands // Hungarian Geographical Bulletin. 2022. № 71 (1). P. 39—53. doi: 10.15201/hungeobull.71.1.3.

7. Себенцов А. Б., Карпенко М. С., Морачевская К. А., Шелудков А. Н. Барьерность и транспортная доступность государственных границ как факторы трансграничных взаимодействий // Известия АН. Сер.: Географическая. 2024. № 4 (в печати).

8. Катровский А. П., Нижникова А. К. Российско-белорусское приграничье как межстоличный регион // Наука. Инновации. Технологии. 2021. № 1. С. 65—88.

9. Кузавко А. С. Экономический рост и структурные отраслевые сдвиги в Днепро-Двинском регионе // Региональные исследования. 2020. № 4. С. 46—57.

10. Себенцов А. Б., Морачевская К. А., Карпенко М. С. Российско-белорусское пограничье: противоречия интеграции и трансграничной регионализации. От дружбы к сотрудничеству? // Известия Российской академии наук. Сер.: Географическая. 2023. № 87 (8). С. 1143—1162. doi: 10.31857/S2587556623080150.

11. Sebentsov A. B. Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach // Geography, Environment, Sustainability. 2020. № 13 (1). P. 74—83. doi: 10.24057/2071-9388-2019-136.

Об авторах

Александр Борисович Себенцов, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Москва, Россия.

E-mail: asebentsov@igras.ru

ORCID: 0000-0001-9665-5666

Михаил Сергеевич Карпенко, научный сотрудник, Институт географии РАН, Москва, Россия.

E-mail: mike.ck@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5262-944X

The authors

Dr Aleksandr B. Sebentsov, Senior Researcher, Institute of geography RAS, Moscow, Russia.

E-mail: asebentsov@igras.ru

ORCID: 0000-0001-9665-5666

Mikhail S. Karpenko, Researcher, Institute of geography RAS, Moscow, Russia.

E-mail: mike.ck@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5262-944X

И. С. Гуменюк

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

Рассматриваются вопросы трансформации системы расселения российско-белорусского приграничья (включающего по три области Беларуси и России) в период с 2010 (для России)/2011 (для Беларуси) по 2024 г. Отмечается, что обладающие схожими чертами системы расселения всех исследуемых российских и белорусских регионов характеризуются и схожими проблемами — устойчивой убылью сельского населения в сочетании с убылью численности малых городов. Это приводит к нарастанию кризисных процессов в полупериферийных и периферийных районах рассматриваемых регионов, и решение соответствующих проблем требует комплексного подхода.

The article is devoted to the issues of transformation of the settlement system of the Russian-Belarusian borderland (including 3 regions of Belarus and 3 regions of Russia) in the period from 2010 (for Russia)/2011 (for Belarus) to 2024. Having similar features of the settlement system of all the considered Russian and Belarusian regions, they are also characterized by similar problems — a steady decline in the rural population, combined with a decline in the number of small towns in the region. This leads to an increase in crisis processes in the semi-peripheral and peripheral areas of the regions under consideration, the solution of which requires an integrated approach.

Ключевые слова: российско-белорусское пограничье, сельская местность, малые города, городская система расселения

Keywords: Russian-Belarusian borderland, rural area, small towns, urban settlement system

Введение

Российско-белорусское приграничье, под которым принято понимать три российских региона и три белорусские области и часть административных границ которых является границей Союзного государства России и Беларуси, в своем современном развитии отталкивается от трех ключевых факторов: пограничности, межстоличности и транзитности [1]. Фактор пограничности (и, соответственно, периферийности этих регионов внутри национальных социально-экономических пространств) активно рассматривается многими авторами [2—4]. Фактор межстоличности, как отмечает профессор А. П. Катровский, проявляется в том, что «оказавшись в треугольнике Москва — Минск — Санкт-Петербург, российско-белорусское приграничье стало испы-

тывать негативный эффект со стороны своих тотальных столиц, а Псковская область еще и со стороны и Санкт-Петербурга» [5, с. 107]. Отмеченные выше факторы оказывают влияние на все аспекты социально-экономического развития российско-белорусского приграничья, в том числе на систему расселения в целом и малые города и сельскую местность в частности.

В рамках данной статьи производится оценка изменения системы расселения и роли в ней малых городов и сельской местности в российско-белорусском пограничье в период с 2010/2011 по 2024 г. Информационная база исследования включает в себя официальные статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь (среднегодовая численность населения в разрезе областей, районов, городов, поселков городского типа за 2011, 2020 гг. и по состоянию на 1 января 2024 г.) и Федеральной службы государственной статистики РФ (среднегодовые данные за 2010, 2020 гг. и по состоянию на 1 января 2024 г.).

Динамика численности населения

С точки зрения численного состава населения все шесть рассматриваемых регионов сопоставимы друг с другом (табл. 1). Самой малочисленной является Псковская область, самой людной — Гомельская область. Сельское население распределено по регионам более равномерно: меньше всего сельских жителей в Псковской области, больше всего — в Брянской (разница между регионами в 2,06 раза). При этом все регионы можно считать урбанизированными территориями. Доля сельского населения в их общей численности не превышает 30 %, а наименьшая доля сельского населения отмечена в Могилевской области — 19 %.

Таблица 1

Абсолютные показатели численности населения (в том числе сельского) в российско-белорусском приграничье в период с 2010/2011 по 2024 г., тыс. человек

Область	2010/2011		2020		2024	
	Все население	В том числе сельское	Все население	В том числе сельское	Все население	В том числе сельское
<i>Беларусь</i>						
Витебская	1217,3	312,2	1133,4	397,7	1081,9	229,4
Могилевская	1084,1	250,6	1386,6	323,7	981,1	186,7
Гомельская	1432,3	369,8	1025,8	253,6	1338,6	293,7
<i>Россия</i>						
Смоленская	980,5	267,4	908,2	250,9	863,9	236,0
Псковская	668,3	199,3	608,7	178,2	581,1	169,6
Брянская	1269,5	391,4	1184,1	360,7	1142,2	346,1

Источник: составлено на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ (<https://rosstat.gov.ru>) и Национального статистического комитета Республики Беларусь (<https://dataportal.belstat.gov.by/osids/home-page>).

Для всех регионов в период с 2010/2011 по 2024 г. был характерен процесс депопуляции (табл. 2). При этом темпы снижения сельского населения почти во всех регионах превышают темпы снижения населения в целом (исключение — Псковская область).

Таблица 2

**Динамика численности населения (в том числе сельского)
в российско-белорусском приграничье в период с 2010/2011 по 2024 г., %**

Область	2024 к 2010/2011		2024 к 2020		2020 к 2010/2011	
	Все население	В том числе сельское	Все население	В том числе сельское	Все население	В том числе сельское
<i>Беларусь</i>						
Витебская	88,88	73,48	95,46	57,68	93,11	127,39
Могилевская	90,50	74,50	70,76	57,68	127,90	129,17
Гомельская	93,46	79,42	130,49	115,81	71,62	68,58
<i>Россия</i>						
Смоленская	88,11	88,26	95,12	94,06	92,63	93,83
Псковская	86,95	85,10	95,47	95,17	91,08	89,41
Брянская	89,97	88,43	96,46	95,95	93,27	92,16

Источник: составлено на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ (<https://rosstat.gov.ru>) и Национального статистического комитета Республики Беларусь (<https://dataportal.belstat.gov.by/osids/home-page>).

Для регионов Беларуси характерны более высокие, чем для регионов России, темпы снижения сельского населения. Рассматривая разные периоды, можно отметить, что картина становится более дифференцированной. В 2020—2024 гг. в двух регионах Беларуси темпы снижения сельского населения были весьма значительными, в то время как в Гомельской области сельское население росло (как и всё население региона в целом). При этом обратная картина по регионам Беларуси наблюдается, если рассматривать период 2010—2020 гг. В Витебской области в это время сельское население возросло при общем снижении численности населения региона.

Для регионов России тенденция к снижению (как населения в целом, так и сельского в частности) была характерна на протяжении всего рассматриваемого периода. Отметим, что с 2020 по 2024 г. темпы снижения во всех трех рассматриваемых российских областях были чуть меньше, чем в предыдущий временной период.

Снижение численности населения в российско-белорусском пограничье обусловлено как естественной его убылью, так и миграционным оттоком населения в рядом расположенные крупные городские агломерации — Москву (преимущественно для российских регионов), Санкт-Петербург и Минск (преимущественно для белорусских регионов).

Городские системы расселения всех рассматриваемых регионов России и Беларуси весьма схожи (табл. 3), что говорит об общих исторических усло-

виях, в которых эти системы формировались, и однородных социально-экономических условиях, в которых они функционирует и трансформируются в настоящее время.

Таблица 3

**Структура городской системы расселения и ее изменение
с 2010/2011 по 2024 гг. в российско-белорусском приграничье**

Область	Число жителей, тыс. человек					Городские / районные поселения, пгт	Всего городских населенных пунктов
	Более 250	100—250	50—100	10—50	Менее 10		
<i>2010/2011 г.</i>							
<i>Беларусь</i>							
Витебская	1	1	2	7	8	24	43
Гомельская	1	1	3	6	7	16	34
Могилевская	1	1	0	9	4	9	24
<i>Россия</i>							
Брянская	1	0	1	11	3	21	37
Псковская	0	1	1	5	7	14	28
Смоленская	1	0	2	7	5	12	27
<i>2024 г.</i>							
<i>Беларусь</i>							
Витебская	1	1	2	6	9	22	41
Гомельская	1	1	3	6	7	15	33
Могилевская	1	1	0	8	7	6	23
<i>Россия</i>							
Брянская	1	0	1	11	5	18	36
Псковская	0	1	1	2	10	14	28
Смоленская	1	0	1	5	8	10	25

Источник: составлено на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ (<https://rosstat.gov.ru>) и Национального статистического комитета Республики Беларусь (<https://dataportal.belstat.gov.by/osids/home-page>).

Все региональные городские системы расселения характеризуются наличием одного крупного города — административного центра, с численностью жителей свыше 250 тыс. Исключением стала Псковская область, где административный центр — город Псков — имеет численность жителей меньше 250 тыс. человек.

Для регионов Беларуси характерно присутствие в региональных системах расселения, наряду с крупным городом, второго по численности населения города — от 100 до 250 тыс. человек. В российских регионах такой второй региональный субцентр отсутствует.

Малые города (с численностью населения до 50 тыс. человек) и поселки городского типа (пгт), чаще всего выступающие административными центрами муниципалитетов низового уровня, формируют опорный каркас городской

системы расселения всех регионов российско-белорусского пограничья. Также для всех регионов характерна тенденция к сокращению городской системы расселения и снижению городского населения, проживающего вне административного центра.

В своей работе А. П. Катровский и О. Д. Фесюнова [6] применительно к малым городам приграничных регионов России справедливо отмечают: «Демографическая деградация малых городов, как отмечалось ранее, сопровождается “функциональным сжатием” районных центров, что в свою очередь вызывает отток сельского населения и рост числа сельских населенных пунктов без постоянного населения» [6, с. 122]. По мнению автора, это справедливо и для малых городов приграничных с Россией регионов Беларуси.

Заключение

Демографическая убыль сельских территорий и малых городов российско-белорусского приграничья лимитирует возможности социально-экономического развития в первую очередь полупериферийных и периферийных районов. В таких условиях важными становятся инструменты поддержки данных территорий, способные приостановить отток населения и стимулировать экономическое развитие. Применительно к малым городам эти инструменты связаны, прежде всего, с созданием в них комфортабельной городской среды [7] в сочетании с развитием рекреационных функций в городах, где есть объекты историко-культурного наследия или имеющие важную историческую ценность [8].

Сельская местность также может получить импульс к социально-экономическому развитию через активное внедрение социальных инноваций [9], модернизацию существующих и создание новых объектов социальной инфраструктуры (в том числе социально-культурных многофункциональных центров, способных выполнять задач образовательного, культурно-просветительского, информационного и досугового аспектов для сельского населения), повышение транспортной и цифровой доступности сельской местности, активное развитие малых форм хозяйствования, сельского и экологического туризма. Сельские территории в сочетании с малыми городами способны стать тем самым сельско-городским континуумом [10], способным сочетать все выгоды сельского и городского образов жизни.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-27-00085 «Роль социально-культурных центров сельской местности в территориальном преобразовании и повышении качества жизни населения».

Список литературы

1. Себенцов А. Б., Морачевская К. А., Карпенко М. С. Российско-белорусское пограничье: противоречия интеграции и трансграничной регионализации. От дружбы к сотрудничеству? // Известия Российской академии наук. Сер.: Географическая. 2023. № 87 (8). С. 1—20. <https://doi.org/10.31857/S2587556623080150>.

2. *Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен* : монография / под ред. А. П. Катровского. Смоленск : Уиверсум, 2012.

3. Морачевская К. А. Приграничность и периферийность как факторы социально-экономического развития приграничных с Белоруссией районов России // Региональные исследования. 2010. № 4 (30). С. 61—69.

4. Межевич А. Н., Ситов И. П. Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь: проблемы развития в новых экономических и политических условиях // Управленческое консультирование. 2023. № 6. С. 137—144.

5. Катровский А. П. Российско-белорусское приграничье как часть межстоличного пространства // Настоящее и будущее России в меняющемся мире: общественно-географический анализ и прогноз : материалы Междунар. науч. конф. (XII Ежегодная научная Ассамблея АРГО). Ижевск, 2021. С. 105—111.

6. Катровский А. П., Фесюнова О. Д. Депопуляция малых городов: реальность и новая демографическая нормальность (на примере приграничных с Белоруссией регионов России)? // III Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы» : сб. ст. форума. Воронеж, 2024. С. 118—127.

7. Гуменюк Л. Г., Бережихин Ф. Ф. Современные особенности развития комфортной городской среды в малых городах Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2022. № 4. С. 17—30.

8. Катровский А. П. Исторические города российско-белорусского приграничья // Материалы I Белорусского географического конгресса к 90-летию факультета географии и геоинформатики Белорусского государственного университета и 70-летию Белорусского географического общества : в 7 ч. Минск : Изд-во БГУ, 2024. С. 146—151.

9. Федоров Г. М., Анохин А. Ю., Гуменюк И. С. и др. Повышение ценности сельской местности в России: опыт и пути внедрения социальных инноваций в Калининградской области : монография / под ред. Г. М. Федорова. 2023. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта. 2023.

10. Трейвиш А. И. Сельско-городской континуум: региональное измерение // Вопросы географии. 2016. № 141. С. 51—71.

Об авторе

Иван Сергеевич Гуменюк, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-8477-5342

The author

Dr Ivan S. Gumenyuk, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-8477-5342

А. С. Кузавко

Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия)

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ РЫНОК РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Рассматриваются некоторые результаты социологического исследования потребительских предпочтений граждан, проживающих в российско-белорусском приграничье. Выявлено отношение потребителей к российским и белорусским товарам, влиянию санкций на товарное наполнение рынка приграничья. Определены ключевые характеристики товара, значимые для потребителя из российско-белорусского приграничья при принятии решения о покупке.

The article examines some results of a sociological study of consumer preferences of citizens living in the Russian-Belarusian border area. The attitude of consumers to Russian and Belarusian goods, the impact of sanctions on the product content of the border market are revealed. The key characteristics of the product that are significant for the consumer from the Russian-Belarusian border area when making a purchase decision are determined.

Ключевые слова: потребительский рынок, межгосударственная интеграция, российско-белорусское приграничье, международная торговля

Keywords: consumer market, interstate integration, Russian-Belarusian borderland, international trade

Потребительский рынок приграничных регионов является весьма чувствительным к изменениям торгово-экономического взаимодействия соседних государств. В условиях добрососедства и интеграции государственных экономических систем он наполняется привозными товарами, в условиях конфронтации и ухудшения международных отношений заполняется отечественными изделиями.

За последние 25 лет строительства Союзного государства России и Беларуси потребительский рынок оказывался под влиянием диаметральных политических событий в отношениях двух независимых государств. В периоды охлаждения вводилось эмбарго на отдельные виды товаров, в периоды сближения товары беспрепятственно не только наполняли рынок приграничных территорий, но и двигались далее по дистрибутивным каналам в регионы всей страны.

В 2024 г. было проведено исследование потребительского рынка шести регионов российско-белорусского приграничья: Витебской, Могилевской, Гомельской (РБ), Псковской, Смоленской, Брянской (РФ) областей. Цель исследования — выявление изменений и тенденций, возникших на потребительском рынке российско-белорусского приграничья за период интеграции Рос-

сии и Беларуси и произошедших в результате трансформации международной торговли между двумя странами. Один из этапов исследования представлял собой социологический опрос потребителей методом квотной выборки. Способ сбора данных — метод снежного кома. Всего было опрошено 1800 респондентов в возрасте от 18 до 65 лет. Среди них оказались представители различных профессий и слоев населения. От 50 до 60 % (в зависимости от региона опроса) респондентов проживают в региональных центрах, остальные являются резидентами населенных пунктов иного ранга.

Наибольший интерес в рамках оценки влияния межгосударственной интеграции на международную торговлю приграничных регионов представляют изменения, произошедшие на потребительском рынке. В рамках проведенного социологического исследования были получены данные об изменении параметров потребительского рынка за период становления Союзного государства. Некоторые из них проанализируем в статье (табл).

Доля опрошенных, считающих приведенное утверждение верным, %

Утверждение	Смоленская область	Брянская область	Псковская область	Витебская область	Могилевская область	Гомельская область
Белорусская молочная продукция является серьезным конкурентом российской молочной продукции	80	68	59	95	92	96
Я чаще покупаю белорусскую молочную продукцию, чем российскую	57	42	23	94	94	97
Белорусские товары качественнее российских	61	55	42	90	83	87
За последние 10 лет качество <i>российских</i> товаров выросло	53	55	60	52	50	47
За последние 10 лет качество <i>белорусских</i> товаров выросло	66	49	59	82	81	75
За последние 10 лет цены на <i>белорусские</i> товары росли быстрее, чем на товары из других стран	24	35	24	60	56	60
За последние 10 лет цены на <i>российские</i> товары росли быстрее, чем на товары из других стран	55	62	54	50	43	39
Из-за санкций против моей страны я не могу купить в магазине все, что хотел бы (по причине отсутствия такого товара)	50	51	60	51	49	41
Время от времени я езжу за покупками в соседнюю страну	15	15	11	16	13	12
Время от времени я езжу за покупками в столичный регион своей страны	15	20	12	31	24	27

Источник: составлено и рассчитано на основе данных социологического опроса.

В текущем 2024 г. и предыдущих исследованиях, которые проводились в 2017 и 2019 гг. [1; 2], сохранилось восприятие россиянами и белорусами белорусских товаров как более качественных в сравнении с российскими. Исключо-

чением является Псковская область (58 % так не считают). Это объясняется тем, что в данном регионе средний возраст опрошиваемых на 8 лет ниже, чем в выборах других регионов. Молодое поколение более скептически смотрит на белорусские товары и реже их покупает, что прослеживается и в ответах респондентов из других российских регионов. На российском рынке ценятся, особенно среди старшего поколения, белорусские продукты питания. Так, 80 % смолян считают, что молочные продукты из Беларуси составляют значительную конкуренцию российским производителям. Среди белорусских респондентов также преобладает мнение о высокой конкурентоспособности их отечественной молочной продукции (от 92 до 96 % респондентов). Относительно изменений качества продукции за последние 10 лет значительный процент россиян (от 49 % в Брянской до 66 % в Смоленской области) считают, что улучшилось качество белорусских товаров, в то время как российские, по их мнению, сохранили прежнее качество (от 53 % в Смоленской до 60 % в Псковской области). Белорусские респонденты солидарны с россиянами по вопросу изменения качества российских товаров (от 47 % в Гомельской до 52 % в Витебской области) и в большей степени уверены в улучшении качества белорусской продукции за 10 лет (от 75 % в Гомельской до 82 % в Витебской области). Таким образом, за годы межгосударственной интеграции белорусские товары не только сохранили, но и увеличили свою популярность среди россиян в приграничье. В то же время российские товары не смогли завоевать симпатии белорусских потребителей в приграничье, которые по-прежнему считают свою продукцию более качественной и выбирают ее при покупке чаще, чем российскую, при наличии отечественной альтернативы.

Отдельным вопросом развития потребительского рынка в России и Беларуси стала замена иностранных товаров, ушедших с рынка из-за введенных санкций со стороны недружественных государств. Как показали результаты опроса, на сегодняшний день задача импортозамещения в российско-белорусском приграничье не решена. Несмотря на возможность параллельного импорта товаров и компенсирующие взаимные поставки Беларуси и России на свой внутренний рынок, потребители не находят нужный им товар. Наибольший процент респондентов, заявивших о невозможности приобретения из-за санкций всей необходимой продукции на рынке своего региона, оказался в Псковской области — 60 %. Это также связано со средним возрастом опрошиваемых. Меньше всего ответивших так респондентов было в Гомельской области — 41 %. В остальных регионах приграничья значение ответов колеблется в диапазоне от 49 до 51 %. Можно сделать вывод, что санкционное давление повлияло на выбор потребительских товаров каждого второго гражданина, проживающего в российско-белорусском приграничье.

Недостаток широты и глубины потребительского рынка региона своего проживания потребители могут компенсировать за счет поездок за его пределы. В российско-белорусском приграничье из-за развитой транспортной инфраструктуры и свободного перемещения граждан через границу благодаря межгосударственным договоренностям есть возможность приобретать продукцию на рынке соседней страны. Также близость к столицам создает возможность выезда за покупками в регионы с более емким потребительским рынком. Проведенное исследование показывает, что граждане российско-белорусского приграничья склонны в большей степени ездить за покупками в

столицы своих государств, нежели в соседнюю страну. Исключение составляет Смоленская область, где одинаковое количество опрошенных респондентов (15 %) ездят в Москву и в Беларусь. Это можно объяснить инфраструктурными и географическими ограничениями. Из регионального центра Смоленской области одинаково по времени и практически равно по расстоянию до столиц России и Беларуси. В других регионах приграничья жителям удобнее добираться в столичный регион своего государства за покупками. Тем не менее от 11 до 16 % респондентов ездят в соседнюю страну за покупками, находя их для себя привлекательными по цене, качеству или иному параметру. Чаще всего за пределы своего региона выезжают (в соответствии с результатами проведенного опроса) жители Витебской области, реже всего — Псковской.

Главным критерием выбора товаров для респондентов из российско-белорусского приграничья является качество изделий (рис.). На втором месте по значимости — цена. Известность марки не имеет определяющего значения.

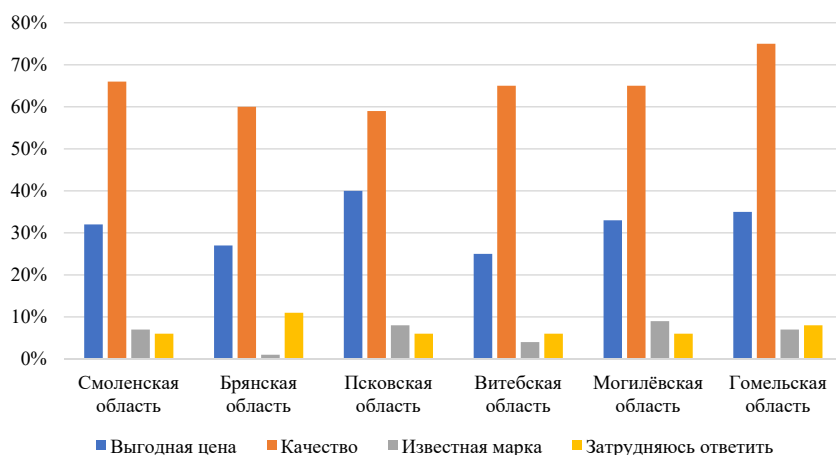

Рис. Ответ респондентов на вопрос множественного выбора «Каким фактором Вы руководствуетесь в первую очередь при выборе продукции?»

Источник: составлено на основе проведенного социологического исследования.

Описанные характеристики потребительского рынка российско-белорусского приграничья свидетельствуют: о сокращении ассортимента товаров из-за санкционного давления иностранных государств; о предпочтении белорусских товаров перед российскими, особенно молочной продукции; о приоритете качества товаров при выборе для совершения покупки; о сохранении величины группы потребителей (от 11 до 16 % от общего количества опрошенных), готовых выехать за покупками в соседнюю страну, несмотря на создание в рамках межгосударственного интеграционного процесса общего рынка товаров; о наличии группы потребителей от 11 до 31 % населения в зависимости от приграничного региона), выезжающих в столичный регион за покупками.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10163, <https://rscf.ru/project/23-78-10163>.

Список литературы

1. *Днепро-Двинский регион в зеркале социологии* / под ред. А. С. Кузавко. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2019.
2. *Кузавко А. С. Особенности развития потребительского рынка в Московско-Минском межстолицье // Региональные исследования. 2022. № 1 (75). С. 93—101.*
3. *Вардомский Л. Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М. : Либроком, 2009.*
4. *Вертинская Т. С. Межрегиональные связи Беларуси со странами — членами ЕАЭС // Наука и инновации. 2019. Т. 1, № 191. С. 17—20.*
5. *Колосов В. А., Зотова М. В., Себенцов А. Б. Структурные особенности экономики и градиенты социально-экономического развития приграничных регионов Беларуси, России и Украины // Изв. РАН. Сер.: Географическая. 2014. № 5. С. 32—46.*
6. *Морачевская К. А. Влияние государственных интеграционных процессов на развитие российско-белорусского приграничья // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации : монография / под ред. Л. Б. Вардомского, Л. И. Попковой. Курск : Изд-во Курск. ун-та, 2017. С. 267—274.*

Об авторе

Антон Сергеевич Кузавко, кандидат экономических наук, доцент, доцент, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.

E-mail: akuzavko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9758-3940

The author

Dr Anton S. Kuzavko, Associate Professor, Associate Professor, Smolensk State University, Smolensk, Russia.

E-mail: akuzavko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9758-3940

А. К. Нижникова, В. И. Часовский

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТУРИСТСКИЕ МАРШРУТЫ МЕЖСТОЛИЧЬЯ — НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Рассматриваются перспективы реализации трансграничных туристских маршрутов на территории российско-белорусского приграничья. Исследуемый регион специфичен тем, что обладает уникальными межстоличными свойствами географического положения. Проведен анализ некоторых аспектов пространственной организации туристского потока в регионе, сформулированы ключевые принципы и трудности планирования, а также приоритетные действия по созданию трансграничного туристского маршрута.

The article considers the prospects for the implementation of cross-border tourist routes in the territory of the Russian-Belarusian borderland. The region under study has unique intercapital properties of its geographical location. The authors analyse some aspects of the spatial organisation of tourist flow in the region, formulate the key principles and difficulties of planning, as well as possible actions to create a cross-border tourist route.

Ключевые слова: туризм, трансграничный маршрут, межстоличье, российско-белорусское пригранижье, туристско-рекреационная сфера

Keywords: tourism, cross-border route, intercapital area, Russian-Belarusian borderland, tourist and recreational sphere

Последствия современных геополитических вызовов способствовали усилению интеграционных процессов Российской Федерации (РФ) и Республики Беларусь (РБ). Исключением не стала и сфера туризма, активно развивающаяся в последние годы. Многочисленные мероприятия в рамках договора о Союзном государстве уже принесли положительные результаты в социально-экономическом развитии двух стран и продолжают способствовать расширению спектра взаимодействия.

Российско-белорусское пригранижье от многих других приграничных территорий отличает, в первую очередь, исторически и социокультурно обусловленный высокий уровень проницаемости границы. По этой причине перспективы трансграничного сотрудничества благоприятны для создания атрактивного туристского ландшафта по обе стороны границы.

Соседствующие регионы, как правило, вступают в конкурентные отношения друг с другом во многих экономических и социальных сферах. В контексте

туризма можно утверждать, что одним из способов повышения аттрактивности и конкурентоспособности периферийных территорий является организация трансграничных туристских маршрутов.

Цель исследования — выявить перспективы реализации трансграничных межстоличных туристских маршрутов в приграничье и их пространственную специфику.

Трансграничные маршруты в различных регионах России, включая западную часть [1] и Дальний Восток [2], а также страны Азии [3] и Европейского союза [4; 5], были предметом анализа многих исследователей. Специалисты подчеркивают, что трансграничные туристические маршруты играют важную роль в процессе «смягчения» барьерной функции границ [6]. Однако роль туристско-рекреационной сферы в содействии интеграции приграничных территорий остается недостаточно изученной [7].

В научной литературе термин «трансграничный туристский маршрут» обычно трактуется как путешествие, разработанное и организованное туристскими компаниями, которое проходит по территории соседствующих государств. Такие маршруты могут быть реализованы как для самостоятельных туристов, так и для групповых поездок. [1].

Другими словами, трансграничные туристские маршруты представляют собой турпродукты, реализуемые на территории минимум двух государств, поэтому ключевое условие их продвижения — добрососедские взаимоотношения, характерные для России и Беларуси. Современные маршруты представляют собой сложные и взаимосвязанные системы, которые способствуют увеличению ценности и аттрактивности каждой отдельной достопримечательности, преобразуя их в единое целое [8].

Исследуемый регион — российско-белорусское приграничье — включает в себя шесть сопредельных областей, расположенных на границе РФ и РБ, и обладает межстоличным положением, определяющим ряд уникальных черт региона.

Московская и Минская агломерации оказывают чрезмерно ощутимое влияние практически на все сферы деятельности приграничья. По этой причине российско-белорусское приграничье следует рассматривать как неотъемлемую часть территориальной системы Москва — Минск [9].

Значимую роль в пространственной структуре туризма и планировании трансграничного маршрута также играют ядра, которые представлены либо природно-антропогенными ареалами, либо населенными пунктами с существующей туристской инфраструктурой [3]. Эти ядра соединяются транспортными магистралями, которые связывают столичные агломерации и региональные центры.

В 2023 г. был принят Закон о ратификация соглашения между РФ и РБ о взаимном признании виз, открывающий сегодня новые возможности для иностранных туристов. Теперь они могут пересекать границу и передвигаться по приграничным территориям двух стран. Это решение касается федеральных автомобильных дорог М-1, М-3 и М-9 [10]. В связи с этим становится целесообразным разрабатывать и планировать трансграничные туристские маршруты, включающие указанные транспортные коридоры, что позволит улучшить доступность и привлекательность приграничного туризма [11].

В целях содействия международному сотрудничеству специалистами, выступавшими на российско-белорусских туристских конгрессах, была предложена инициатива по включению ряда населенных пунктов в трансграничные туристские маршруты. В их числе наиболее attractive туристские центры — Витебск, Гомель, Псков, Смоленск, Изборск, Печоры, Полоцк, Пушкинские Горы и др.

Территориальная структура потоков организованных туристов и экскурсантов на территории российско-белорусского приграничья (рис.) демонстрирует, что на фоне всех названных субъектов региона Витебская область существенно выделяется объемами турпотока.

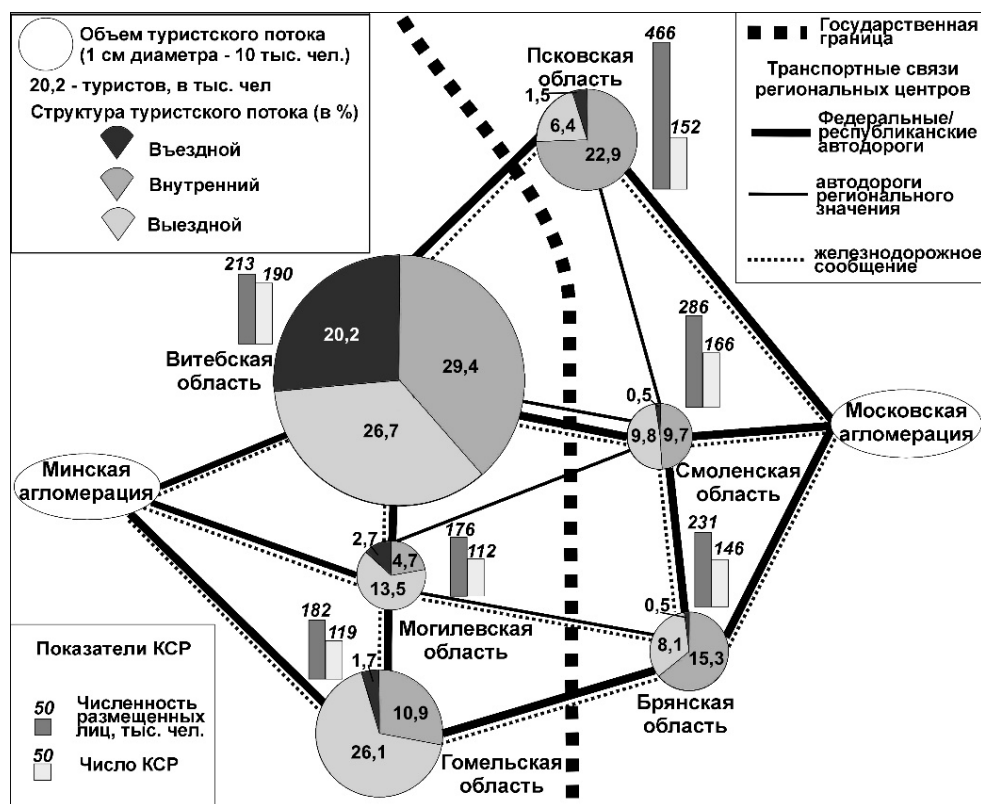

Рис. Территориальная структура потоков организованных туристов и экскурсантов на территории российско-белорусского приграничья, 2022 г.

Источник: составлено на основе [12; 13].

Важно отметить также, что Витебская область богата не только культурным наследием, но и природным. Браславские озера и близлежащие природные ландшафты пользуются огромной популярностью среди туристов, в том числе и из европейских стран, что выделяет область относительно высокими показателями въездного туризма.

Соседняя Смоленская область имеет туристский поток почти в три раза меньше, чем Витебская. И хотя Смоленщина обладает не менее аттрактивным культурным и природным богатством, она существенно проигрывает конкуренцию соседним областям в данной сфере.

Очевидно, что статистика организованных туристов и экскурсантов, то есть число потребителей услуг турфирм, не самый релевантный показатель. Однако из-за открытости российско-белорусской границы и различий в методологиях сбора статистических данных невозможно определить точный объем туристского потока. По этой причине выбранный показатель если и не создает объективную картину аттрактивности дестинаций в приграничье, то как минимум демонстрирует эффективность работы турагентств и других объектов, предоставляющих туристские услуги.

Учитывая вышеописанные особенности приграничья, можно утверждать, что организация трансграничных туристских маршрутов возможна в полной мере только при соблюдении следующих принципов.

1. Исключительная важность создания двусторонних органов планирования и управления трансграничной туристско-рекреационной сферой. Только при заинтересованности двух стран возможна эффективная реализация трансграничных проектов.

2. Трансграничное сотрудничество в сфере туризма должно способствовать повышению уровня экономического развития приграничных регионов и формированию более масштабного и привлекательного туристского направления.

3. Трансграничный туристский маршрут должен включать в себя интересные и «яркие» центры, которые затем могут содействовать привлечению туристов и в менее популярные направления.

4. Единое тематическое оформление пространства (брендинг) позволяет туристу глубже погрузиться в тему маршрута, оценить уникальность окружающей среды и исторического наследия.

5. Эффективная деятельность по развитию трансграничного маршрута невозможна без системной научной, образовательной и информационной работы.

Хотя трансграничные туристские маршруты дают множество возможностей для популяризации и экономического роста приграничных дестинаций, важно также обратить внимание на ряд проблем, которые могут возникнуть на этапе их разработки и последующего функционирования.

1. Ключевая проблема — относительно невысокий уровень туристской и сопутствующей инфраструктуры и сервиса. Для ее решения потребуются привлечение как российских и белорусских, так и иностранных инвесторов. Кроме того, недостаток квалифицированных кадров в исследуемых регионах является одним из основных факторов, сдерживающих развитие туристско-рекреационной сферы [2].

2. Отсутствие унификации нормативно-правовой базы и совместных эффективных органов управления. Взаимодействие между странами и совместное использование туристских ресурсов требуют создания общих стратегий и грамотного управления территориями [4].

3. Региональная асимметрия. Сложности в финансировании совместных инициатив могут возникать из-за разных экономических условий и уровня инвестиций в туристскую инфраструктуру.

4. Существенные различия в статистической методологии. Важным аспектом является наличие информационно-методического обеспечения, которое позволяет вести региональную и отраслевую статистику.

5. Неэффективность Союзного государства как органа управления. Необходимость согласования действий между различными государственными и частными структурами двух стран существенно замедляет процесс создания маршрута.

Для решения указанных проблем необходимо разработать комплексный подход, который бы охватывал стадии планирования и реализации маршрутов, а также подразумевал создание совместных инициатив для эффективного продвижения турпродуктов.

Обобщая полученные результаты анализа пространственной структуры туристско-рекреационной сферы российско-белорусского приграничья, предлагаем следующие приоритетные действия по созданию трансграничного маршрута.

1. Создание нормативно-правовой базы для налаживания межрегионального сотрудничества в приграничье.

2. Реализация диагностических инструментов для определения уровня развития дестинаций и оценки туристско-рекреационного потенциала территории.

3. Разработка карт трансграничных туристских маршрутов с учетом проведенной диагностики и оценки.

4. Эффективное территориальное планирование приграничных регионов. В данном контексте важную роль играют действия властей именно приграничных областей.

5. Разработка и внедрение программы приграничного сотрудничества в сфере туризма как одного из самых значимых инструментов трансграничной кооперации.

Таким образом, совместные туристские инициативы могут существенно увеличить экономическую активность в приграничных районах и внести значимый вклад в развитие сопутствующей инфраструктуры. Созданные трансграничные туристские маршруты будут способствовать обмену знаниями, культурными традициями и идеями, укреплению дружеских связей, а также позволят туристам получать уникальные впечатления и откроют новые возможности для отдыха. Налаживание партнерства между региональными туристскими агентствами, гостиницами и местными властями также будет способствовать интеграции. Рациональная стратегия и эффективное сотрудничество между странами помогут максимально использовать потенциал этих маршрутов, превращая их в важный инструмент для устойчивого развития туризма в регионе.

Список литературы

1. Степанова С. В. Трансграничные туристские маршруты: возможности Северо-Запада России // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 129—151.

2. Гомилевская Г. А., Иванова Д. А. Трансграничность как фактор развития международного туризма на Дальнем Востоке России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. Т. 11, № 3. С. 63—81.

3. *Sergeyeva A., Abdullina A., Nazarov M. et al.* Development of Cross-Border Tourism in Accordance with the Principles of Sustainable Development on the Kazakhstan-Uzbekistan Border // *Sustainability*. 2022. Vol. 14, № 19. P. 17.

4. *Duda T.* Cross-Border Heritage Routes and Areas: An Important Element of Regional Sustainable Tourism // *Trono A., Castronuovo V., Kosmas P. (eds.). Managing Natural and Cultural Heritage for a Durable Tourism*. Springer, Cham., 2024. P. 203—217.

5. *Sebentsov A. B.* Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach // *Geography, environment, sustainability*. 2020. Vol. 13, № 1. P. 74—83.

6. *Więckowski M., Łaska W., Timothy D. et al.* From closed border to open tourist space: Landscape changes along the Polish-Slovak border // *GeoJournal*. 2024. Vol. 89, № 1. Art. 33.

7. *Makkonen T., Williams A. M.* Cross-border tourism and innovation system failures // *Annals of Tourism Research*. 2024. Vol. 105.

8. *Афанасьева А. В., Ибрагимов Э. Э., Чимирус С. В., Спатарь-Козаченко Т. И.* Культурные туристские маршруты как механизм геополитической интеграции // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2022. Т. 16, № 1. С. 113—136.

9. *Катровский А. П.* Межстоличье как фактор развития российско-белорусского приграничья: географические аспекты изучения // *Природа и общество: в поисках гармонии*. 2020. № 6. С. 78—87.

10. *Нижникова А. К.* Перспективы межрегионального сотрудничества и развития туристско-рекреационной сферы российско-белорусского приграничья // *Псковский регионологический журнал*. 2024. Т. 20, № 1. С. 156—170.

11. *Земляк С. В., Крамлих О. Ю., Андрусейко К. А., Булатова П. Ю.* Оценка развития торгово-экономического сотрудничества Смоленской области и Республики Беларусь в условиях современных вызовов // *Фундаментальные исследования*. 2024. № 6. С. 43—48.

12. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 28.07.2024).

13. *Национальный статистический комитет Республики Беларусь*. URL: <http://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 28.07.2024).

Об авторах

Анастасия Константиновна Нижникова, преподаватель-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: stasynizhnikova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6225-4132

Владимир Иванович Часовский, доктор географических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: prof.chasovsky@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7028-5855

The authors

Anastasia K. Nizhnikova, research teacher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: stasynizhnikova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6225-4132

Prof Vladimir I. Chasovskii, Associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: prof.chasovsky@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7028-5855

УДК 504.3.054

Ш. Абдо

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ВЛИЯНИЕ ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА НА СЕЗОННЫЕ КОЛЕБАНИЯ И ТРЕНДЫ ПРИЗЕМНОГО ОЗОНА В МЕСТЕ ИЗМЕРЕНИЙ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИКЕ (ПРЕЙЛА, ЛИТВА)

На основе анализа ветрового сектора и 72-часовых траекторий обратных воздушных потоков проведен анализ влияния воздушного переноса на вариации приземного озона на станции Прейла (Литва) в период 2019—2022 гг. Показано, что вклад фотохимических и динамических процессов различен для разных сезонов. В весенние и летние месяцы приземная концентрация озона определяется его фотохимическим образованием в полугрязном воздухе из районов Западной Европы и юга Скандинавского полуострова. Сезонный минимум по O_3 определялся в наиболее холодном воздухе, поступающем с северо-восточного и восточного направлений.

The impact of air transport on surface ozone variations was analyzed at Preila station for the period 2019—2022 based on wind sector analysis and 72h air backward trajectories. It was shown that the contributions of photochemical and dynamical processes were different for different seasons. In the spring and summer months, the surface ozone concentration is governed by photochemical ozone production in semi-polluted air from the regions of Western Europe and Southern of Peninsula Scandinavia. The seasonal minimum for O_3 was determined in the coldest air from the northeastern and eastern regions.

Ключевые слова: воздушный транспорт, сезонные колебания, приземный озон, тенденции

Keywords: air transport, seasonal variations, surface ozone, trends

Введение

Озон (O_3) — один из важнейших элементов атмосферы, определяющих качество жизни. Озон в верхних слоях атмосферы защищает Землю от вредного воздействия солнечного ультрафиолетового излучения, однако в приземном слое воздуха он считается загрязнителем, поскольку его повышенная концентрация вредна для здоровья человека и окружающей среды [1; 2]. По данным Межправительственной группы экспертов по изменению климата, тропосферный O_3 является одним из важнейших парниковых газов, влияющих на гло-

бальное потепление. Он также представляет опасность для здоровья чувствительных к нему людей, снижая функцию легких и способствуя обострению симптомов астмы.

Тропосферный озон (O_3) не выбрасывается непосредственно в атмосферу, а является вторичным загрязнителем, образующимся в результате сложных фотохимических реакций, когда оксиды азота и углеводороды в атмосфере, основными источниками которых являются двигатели внутреннего сгорания автомобилей и промышленность, реагируют друг с другом под воздействием солнечного света, образуя приземный озон [3; 4].

Тропосферный озон (O_3) — один из основных компонентов смога — долгое время считался преимущественно локальной, городской проблемой, однако в последние годы становится все более очевидным, что озоновый смог — это региональное явление, подверженное дальнему ветровому переносу через границы регионов и стран [5]. В связи с этим целью настоящего исследования стало изучение влияния воздушного транспорта на формирование сезонных вариаций приземного озона и его трендов на измерительной площадке, расположенной в юго-восточной части Балтики (Прейла, Литва).

Материалы и методы

Станция мониторинга Прейла (55,55 с. ш. и 21,04 в. д., 5 м над уровнем моря) расположена в западной части Литвы, на побережье Балтийского моря, на Куршской косе, вдали от городских территорий (рис. 1). Вблизи этой станции нет значительных антропогенных источников, вызывающих загрязнение [6]. Выбор ее обусловлен близостью к российской границе — менее 10 км от границы Калининградской области, — что позволит получить общую картину уровня O_3 и в этом российском регионе.

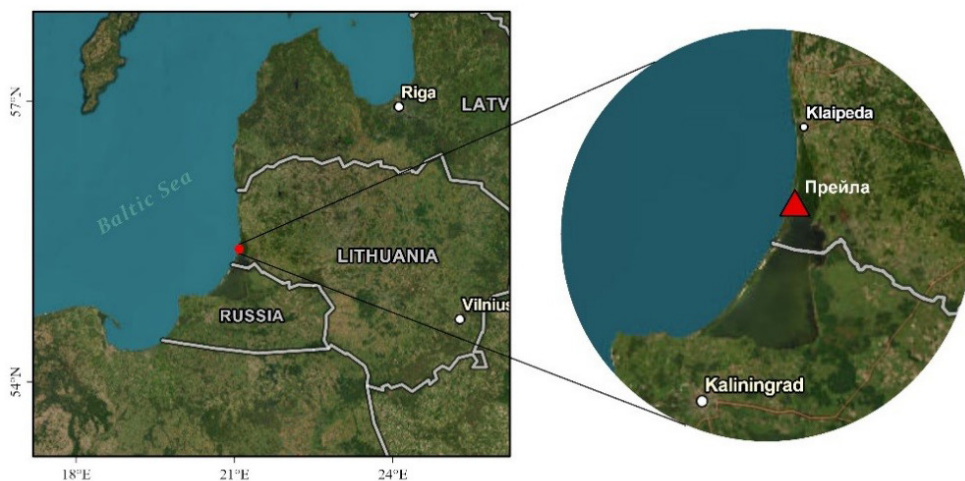

Рис. 1. Географическое расположение станции измерения O_3

Для анализа влияния воздушного транспорта на концентрацию O_3 в Прейле исследование было разделено на две основные части. Первая часть включала

в себя временной анализ для понимания ситуации и вариации уровня O_3 в районе исследования путем изучения секторов ветра [7], месячно-годовой вариации и суточной вариации с использованием программы R с пакетом OpenAir [8]. Вторая часть исследования была направлена на изучение потенциальных областей источников воздушных масс, которые могут оказывать влияние на уровень концентрации O_3 на станции Прейла. Для этого был применен кластерный анализ обратных траекторий воздушных масс для группировки 3-дневных обратных траекторий воздушных масс, поступающих на площадку в интересующий нас период с 2019 по 2022 г. Данные о траекториях, использованные в анализе, были предоставлены системой HYSPLIT [9], разработанной лабораторией воздушных ресурсов Национального управления океанических и атмосферных исследований (NOAA).

Для достижения цели настоящего исследования собраны данные о почасовых концентрациях O_3 за 2019—2022 гг. на станции мониторинга Прейла, управляемой Европейской программой мониторинга и оценки (ЕМЕП). Кроме того, из базы данных NOAA были получены почасовые метеорологические параметры (скорость и направление ветра) за тот же период.

Результаты и обсуждение

Характеристики концентраций озона (O_3) на объекте Прейла

Временная вариация загрязнителя позволяет определить периоды, когда наблюдаются минимальные или максимальные концентрации. Кроме того, она показывает характер поведения O_3 , что дает возможность выявить дни или месяцы, когда его концентрация имеет тенденцию к увеличению или уменьшению, и сделать вывод о возможных источниках загрязнения. Для изучения временной вариации были построены суточные и месячные графики (рис. 2). Описательная статистика O_3 в районе исследования представлена в таблице 1.

Таблица 1

Описательная статистика уровней концентрации озона на станции Прейла, $мкг/м^3$

Показатель	2019	2020	2021	2022
Среднее значение	66,14	60,64	61,89	60,38
Медиана	67,9	64	64,6	63,9
Стандартное отклонение	23,05	21,60	20,99	20,86
Минимум	3,9	2	0,6	1
Максимум	164,9	135	127	138

Источник: составлено на основе часовых концентраций O_3 из ЕМЕП (Совместная программа мониторинга и оценки дальнейшей передачи загрязняющих веществ воздуха в Европе).

Общая тенденция изменения концентрации за четыре года (рис. 2, а) имеет вид перевернутой буквы «V».

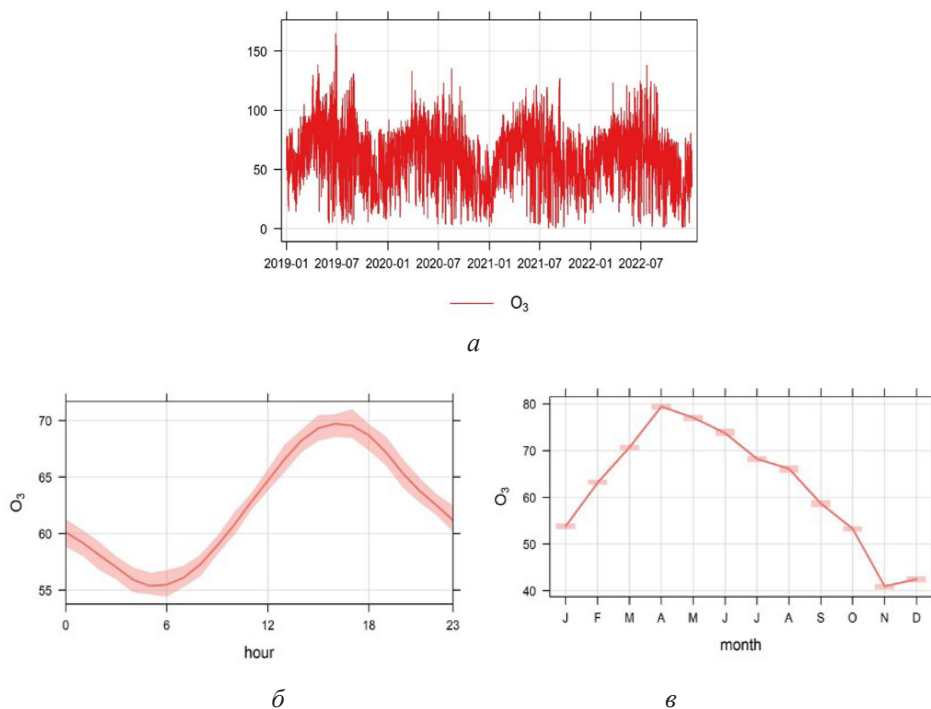

Рис. 2. Временные изменения концентраций O₃ на станции Прейла для средних значений за четыре года

Источник: составлено на основе часовых концентраций O₃ из ЕМЕП (Совместная программа мониторинга и оценки дальнейшей передачи загрязняющих веществ воздуха в Европе).

Видно, что часовые концентрации O₃ варьировали от 3,9 до 164,9 мкг/м³, от 2 до 135 мкг/м³, от 0,6 до 127 мкг/м³ и от 1 до 138 мкг/м³ со средними значениями 66,1, 60,64, 61,89 и 60,38 мкг/м³ для 2019, 2020, 2021 и 2022 годов соответственно.

На рисунке 2, б показано, что среднесуточная концентрация O₃ имеет однопиковую характеристику, то есть концентрация O₃ возрастает примерно с 7 часов утра, достигая максимума между 14 и 18 часами, и начинает снижаться с 18 часов, достигая минимума между 4 и 7 часами утра следующего дня. После восхода солнца O₃ постепенно накапливается и достигает максимума во второй половине дня, поскольку интенсивность освещения постепенно увеличивается.

Что касается среднемесячных значений, то из рисунка 2, в видно, что O₃ имеет четко выраженную сезонную вариацию. Низкие значения наблюдаются в более холодные периоды, а высокие — в более теплые. Наиболее высокие концентрации O₃ наблюдались в апреле и мае — 79,5 и 77 мкг/м³ соответственно. Напротив, самые низкие значения наблюдались в ноябре и декабре — 40,9 и 42,5 мкг/м³, соответственно.

Исследование воздушного переноса озона с помощью секторального анализа траекторий ветра и обратных воздушных потоков

Понимание сезонного распределения ветровых секторов очень важно для оценки их влияния на среднемесячные значения (рис. 3). В регионе Прейла в течение всего года преобладают западные компоненты, а зимой доминируют юго-восточные сектора. Далее были рассчитаны среднесезонные циклы приземной концентрации озона для секторов и проведено сравнение полученных сезонных циклов (рис. 4).

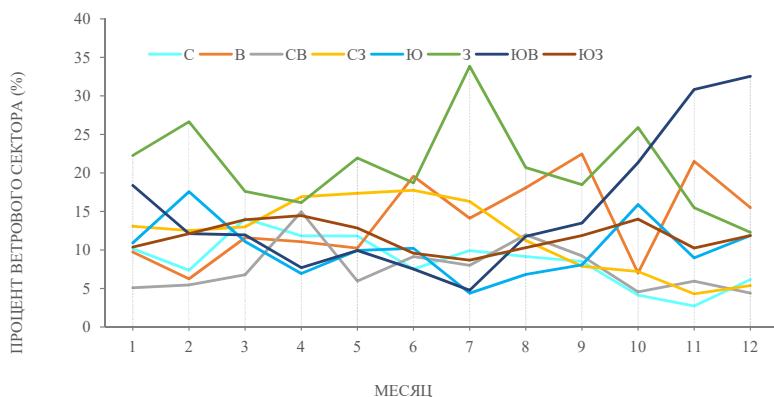

Рис. 3. Среднемесячное распределение ветровых секторов за четыре года
Источник: составлено на основе концентраций O_3 и информации о розе ветров.

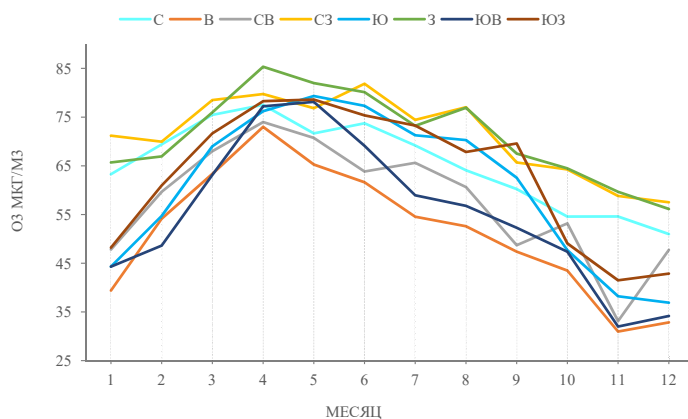

Рис. 4. Среднемесячный цикл концентраций O_3 , соответствующий ветровым секторам за четыре года

Источник: составлено на основе концентраций O_3 и информации о розе ветров.

В западном (З) и северо-западном (СЗ) секторах наблюдаются самые высокие уровни озона в течение всего года, особенно в теплые периоды (рис. 4).

Вероятно, это связано со значительным фотохимическим образованием озона в теплые периоды в воздушных массах из Западной Европы и Скандинавского полуострова, которые содержат большое количество предшественников озона — летучих органических соединений. Напротив, в восточном (В) и северо-восточном (СВ) секторах наблюдались самые низкие концентрации озона. Воздушные массы, поступающие в оба эти сектора, являются холодными, причем в случае сектора СВ это часто арктические воздушные массы. Поскольку в холодном воздухе приземная концентрация озона невелика, такие вторжения приводят к снижению приземной концентрации озона большую часть года. В то же время в синоптических условиях, характерных для таких вторжений в полярных и средних широтах, за холодными атмосферными фронтами происходит нисходящий перенос стратосферного озона, и богатый озоном воздух перемещается в низкую тропосферу.

Вторая часть исследования заключалась в использовании обратных траекторий для изучения потенциальных путей переноса O_3 . Для понимания основных траекторий переноса концентраций O_3 в разные сезоны использовалась траекторная модель NOAA HYSPLIT_4. С января 2019 г. по декабрь 2022 г. на высоте 500 м были рассчитаны 72-часовые обратные траектории движения воздушных масс, поступающих в рецепторную точку, и проведена их классификация по кластерам 5-5-4-5 (рис. 5). Затем были исследованы уровни O_3 на объекте Прейла, связанные с каждым кластером воздушных масс, в течение всего периода наблюдений.

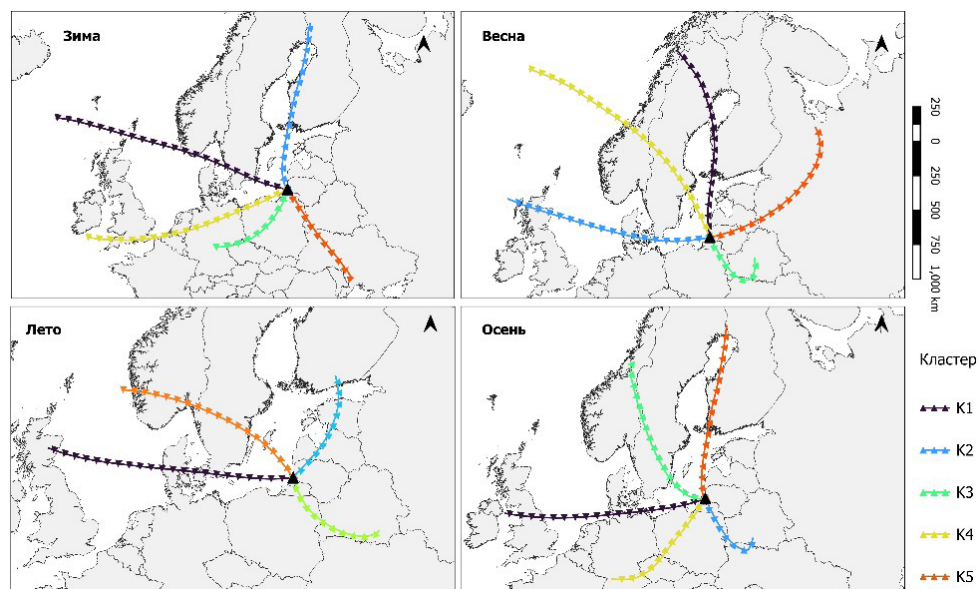

Рис. 5. Средние кластерные обратные траектории на объекте Прейла для четырех сезонов с января 2019 г. по декабрь 2022 г.

Источник: составлено на основе результатов кластерного анализа сезонных обратных потоков воздуха, в сочетании с данными о концентрации O_3 в Прейле.

На основе результатов обратного кластерного анализа сезонных воздушных потоков в сочетании с данными по концентрации O_3 в Прейле (табл. 2) было проведено количественное определение потенциального влияния различных траекторий на уровень O_3 в районе исследования.

Таблица 2

Описательная статистика кластерного анализа, показывающая количество траекторий в каждом кластере и среднюю концентрацию O_3

Кластер	Количество траекторий	Среднее значение и Stdev O_3 (мкг/м ³)
<i>Зима</i>		
1	459	64,83 ± 13,44
2	252	59,49 ± 14,21
3	120	38,5 ± 16,5
4	453	45,24 ± 17,11
5	128	34,63 ± 14,71
All	1412	52,62 ± 18,75
<i>Весна</i>		
1	247	73,53 ± 13,43
2	616	75,72 ± 15,77
3	221	78,74 ± 21,62
4	247	75,84 ± 13,06
5	116	75 ± 14,47
All	1447	75,77 ± 15,98
<i>Лето</i>		
1	684	73,35 ± 21,36
2	324	61,67 ± 18,41
3	286	71,95 ± 20,87
4	145	63,44 ± 22,44
5	—	—
All	1439	69,44 ± 21,34
<i>Осень</i>		
1	716	53,39 ± 18,87
2	258	41,44 ± 16,52
3	185	59,37 ± 16,49
4	134	46,28 ± 22,76
5	126	48,21 ± 17,36
All	1419	50,87 ± 19,26

Источник: составлено на основе результатов кластерного анализа сезонных обратных потоков воздуха, в сочетании с данными о концентрации O_3 в Прейле.

В целом на протяжении всего исследуемого периода (2019—2022 гг.) преобладали западные ветры. Весной и летом на станции Прейла наблюдались максимальные концентрации O_3 .

Весной наибольшая концентрация O_3 была связана с юго-восточными и западными потоками воздуха (кластеры 2, 3) — 75,72 и 78,74 мкг/м³ соответственно. Кроме того, было отмечено, что западный поток воздуха в кластере 2 (начавшийся с севера Великобритании) был самым значительным по количе-

ству траекторий — более 42 % всех весенних траекторий, пришедших в Прейлу. Летом концентрации O_3 , связанные с западными воздушными потоками (кластер 1), также были самыми высокими (73,35 мкг/м³). Напротив, зимние и осенние воздушные траектории имели более низкие концентрации O_3 . Более высокие концентрации O_3 в оба сезона также были связаны в основном с западными и северо-западными воздушными потоками: кластер 1 со средней концентрацией O_3 64,83 мкг/м³ зимой и кластер 3 со средней концентрацией O_3 59,37 мкг/м³ осенью.

Эти результаты согласуются с приведенным ранее секториальным анализом ветров, по итогам которого был сделан вывод о том, что наибольший вклад в содержание озона внесли западный и северо-западный секторы.

Выводы

Представлены результаты влияния воздушного транспорта на сезонные колебания концентрации приземного озона и его тренды на станции Прейла в юго-восточной Балтике. Анализ проведен на основе сезонных траекторий ветра в секторах и 3-дневной обратной траектории, предоставленной NOAA HYSPLIT. В теплый период года изменчивость концентрации приземного озона в основном определяется переносом воздуха из западных секторов, имеющих в это время высокую скорость повторения. Воздух, поступающий из регионов Западной Европы и с юга Скандинавского полуострова, является полузагрязненным и ответственен за активное фотохимическое образование озона в теплый период. Величина сезонного (ноябрьского) минимума определяется конкурирующими эффектами разрушения озона в северо-восточных воздушных массах (холодных полярных).

Список литературы

1. *Amann M.* Health risks of ozone from long-range transboundary air pollution. WHO Regional Office Europe. 2008.
2. *Андреев В. В., Аришинов М. Ю., Белан Б. Д. и др.* Концентрация тропосферного озона на территории России в 2021 году // *Оптика атмосферы и океана.* 2022. Т. 35, № 6. С. 741—757.
3. *Alghamdi M. A., Khoder M., Harrison R. M. et al.* Temporal variations of O_3 and NO_x in the urban background atmosphere of the coastal city Jeddah, Saudi Arabia // *Atmospheric Environment.* 2014. № 94. P. 205—214.
4. *Byčenkienė S., Dudoitis V., Ulevičius V.* The use of trajectory cluster analysis to evaluate the long-range transport of black carbon aerosol in the southeastern Baltic region // *Advances in Meteorology.* 2014.
5. *Ashmore M. R., Bell J. N.B.* The role of ozone in global change // *Annals of Botany.* 1991. P. 39—48.
6. *Быченкене С., Дудойтис В., Улевичюс В.* Использование кластерного анализа траекторий для оценки переноса аэрозоля сажи на большие расстояния в юго-восточном Балтийском регионе // *Достижения в области метеорологии.* 2014.
7. *Тарасова О. А., Еланский Н. Ф., Кузнецов Г. И. и др.* Влияние воздушного транспорта на сезонные колебания и тенденции содержания приземного озона на высокогорной станции Кисловодск // *Журнал химии атмосферы.* 2003. № 45. С. 245—259.

8. *Carslaw D. C., Ropkins K.* Open air — an R package for air quality data analysis // *Environmental Modelling & Software*. 2012. № 27. P. 52—61.

9. *Stein A. F., Draxler R. R., Rolph G. D. et al.* NOAA's HYSPLIT atmospheric transport and dispersion modeling system // *Bulletin of the American Meteorological Society*. 2015. Vol. 96, № 12. P. 2059—2077.

Об авторе

Шияр Абдо, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: abdosheyar@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4343-7689

The author

Sheyar Abdo, postgraduate, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: abdosheyar@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4343-7689

В. Андерс

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ СО СТОРОНЫ ЕС

Отмечается, что в результате ряда событий, начавшихся с 2014 г. в отношениях между Россией и Украиной, российское общество и государственное управление столкнулись с серьезными трудностями. В частности, введение и последующее ужесточение санкционных ограничений со стороны западных государств затронуло множество секторов российской экономики. Это представляет собой значительный вызов для политической структуры, которой необходимо адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам.

As a result of a series of events that began in 2014 in relations between Russia and Ukraine, Russian society and public administration faced serious difficulties. In particular, the introduction and subsequent tightening of sanctions restrictions by Western states affected many sectors of the Russian economy. This has largely determined the complex nature of the country's current development, which has been influenced by numerous external constraints.

Ключевые слова: Запад, регион, Европейский союз, Балтийское море, санкции, ограничения, сотрудничество

Keywords: West, region, European Union, Baltic Sea, sanctions, restrictions, cooperation

Произошедшее в отношениях между Российской Федерацией (далее РФ) и Украиной в 2014 г. обострение привело к введению со стороны западных стран различных ограничительных мер в отношении российского государства и его граждан. Эти меры охватывают широкий спектр категорий — от экономических вопросов и развития отдельных отраслей до политических связей и культурных обменов. США и Великобритания были инициаторами такой стратегии, Европейский союз (ЕС) последовал их примеру [1]. Целью санкционного давления на РФ, как правило, является модификация поведения российских государственных структур, отдельных лиц и определенных групп населения в выгодном для Запада ключе.

Наиболее значимой для России проблемой в настоящее время стало ограничение вследствие санкций доступа к последним достижениям в области технологий, оборудования и программного обеспечения. Ограничения в международной торговле усложнили производственные процессы и доставку товаров. Это, в свою очередь, привело к заметным экономическим потерям,

ограничивая дальнейшее развитие и мешая реализации запланированных инвестиционных проектов и социальных инициатив. Санкционное давление со стороны Запада, как предполагается, направлено на ослабление и разобщение российского общества, его политическую дестабилизацию, что может привести к краху государственной системы РФ и необходимости ее последующего переформатирования.

Евросоюз при этом оказался в центре выдвижения санкционных мер против России — вопреки высоким для себя рискам, связанным с географическим положением европейских государств и экономической зависимостью от РФ, в частности в областях производства и энергетической торговли. В 2020 г. Россия обеспечивала почти половину всего импорта газа в ЕС; Евросоюз же, со своей стороны, выступал ключевым торговым партнером России, приобретая 38 % от всего российского экспорта [2]. Западные регионы Северо-Западного округа Российской Федерации (как непосредственно граничащие с ЕС) и западные области Центрального округа (как транзитные и имевшие до этого высокий уровень товарообмена и иного взаимодействия с ЕС) были первыми, кто ощутил на себе последствия санкций Евросоюза. Ограничения серьезно затронули процесс воплощения инвестиционных инициатив. Из-за разрыва многих производственных и логистических цепочек уменьшился объем экспорта в страны ЕС и сократился импорт необходимых для местной промышленности компонентов, сырья и запасных частей. Произошел отток иностранных компаний [3; 4]. Начиная с 2022 г. РФ стала со своей стороны — посредством рестрикций — интенсивнее ограничивать санкционное воздействие ЕС. Это также сказалось, в первую очередь, на секторах транспорта, логистики и экспорта западных регионов России.

В то же время под воздействием текущей ситуации в российских регионах произошли и позитивные изменения. Здесь стоит особо отметить кардинальный поворот в политической стратегии и обновление тактических ориентиров развития страны. В отличие от предыдущих периодов, когда РФ декларировала себя в качестве энергетической державы, сейчас акцент сместился в сторону усиления поддержки отечественных производителей импортозамещающей продукции [5—7]. Например, в рамках усилий по укреплению хозяйственно-политической ситуации в Смоленской области разрабатываются инновационные инициативы для поддержания производителей региона. Одной из них является возможность получения аграрными предприятиями, занимающимися замещением импортных товаров, земельных участков на льготных условиях. Инвесторам, чья деятельность связана с производством импортозамещающей продукции, предоставляется право арендовать землю без участия в аукционах. В дополнение выделены меры поддержки в виде займов с пониженной ставкой 5 % годовых. Отдельное внимание уделяется увеличению бюджета регионального фонда промышленного развития [8]. Ленинградская область также стремится к улучшению условий для предпринимателей и стимулированию бизнес-сферы. Регион внедрил ряд новых мер поддержки, включая льготы, которые позволяют местным компаниям адаптироваться к новым рыночным условиям, налаживать производство товаров в

качестве замены импорту и расширять экспортные операции. В результате в регионе были созданы тысячи рабочих мест [9]. Сходные процессы идут и в других регионах.

До 2022 г. в диалоге между Западом и Россией наблюдала определенная осторожность, что давало основания для надежд на поддержание мира в Европе, несмотря на охлаждение отношений между ЕС и РФ [10]. Однако со временем важность некоторых сдерживающих факторов, таких как энергетическая связь между РФ и территориями ЕС, которые ранее ограничивали эскалацию, заметно уменьшилась [10]. На фоне стремления укрепить связи между странами Центральной и Восточной Европы Польша выдвинула инициативу, основанную на концепции «Трех морей». Эта идея не только направлена на укрепление экономического сотрудничества в названном регионе, но и предлагает механизм защиты от внешнего давления, в том числе и со стороны России [11]. Балтийское море — ранее зона активных международных отношений, символ мирного сосуществования — теперь стало ареной обострения напряженности между РФ и странами ЕС. Это противостояние делает темы экономической безопасности особенно важными для российских субъектов, находящихся в этом регионе. В то же время данные области имеют значительное влияние на хозяйственно-политическую жизнь всей страны. Например, Санкт-Петербург занимает среди субъектов РФ четвертую позицию по количеству жителей, третью — в рейтинге по размеру валового регионального продукта и вторую — по объему внешней торговли [12].

За период с февраля 2022 г. по август 2024 г. ЕС принял 14 объемных пакетов мер, направленных на оказание санкционного давления в отношении РФ. Среди основных действий, затрагивающих хозяйственное пространство России, особенно значимыми являются ограничения экспорта — для 20 % товаров и импорта — для 60 %. Введен запрет на пролет самолетов российских авиакомпаний над странами ЕС. Особые сложности возникли для Калининградской области — в связи с ограничениями на транзит определенных категорий товаров через территорию Литвы [13]. Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша ограничили доступ российских туристов к своим территориям, фактически запретив им въезд [14].

Вышеназванные санкционные меры неизбежно привели к сложностям и ограничениям во всех аспектах межгосударственных взаимодействий между Россией и ЕС. Западные регионы Северо-Западного округа Российской Федерации оказались наиболее чувствительными к таким переменам. Это коснулось и политического взаимодействия, и других форм международного сотрудничества, включая трансграничную коммуникацию, которая прежде демонстрировала в данных регионах значительные успехи и широко распространялась как среди населения, так и на уровне властных структур приграничных областей соседствующих стран. В частности, общественность и управленческие круги на польской стороне приграничья выражали недовольство решением центральных властей Польши об отмене локального приграничного перемещения, активного в период с 2012 по 2016 г. на границе с РФ [15].

В ответ на действия стран ЕС, которые были расценены как враждебные, РФ в мае 2022 г. вышла из Совета государств Балтийского моря (СГБМ), а за-

тем, в июле того же года, объявила о прекращении участия в ряде совместных инициатив. Это стало последствием решения Еврокомиссии, принятого в марте 2022 г., приостановить все действующие программы сотрудничества с РФ в рамках Европейского инструмента соседства, включая такие ключевые проекты, как сотрудничество между Россией и странами ЕС в приграничных областях. Помимо этого, было остановлено взаимодействие в рамках программы транснационального контакта по Балтийскому морю и прекращены проекты с партнерством в рамках инициативы «Северное измерение». Сотрудничество с Северным советом министров больше не существует, и деятельность еврорегионов, в которых была формальным участником Калининградская область (из них активно функционировали лишь «Балтика» и «Неман» — до 2022 г.), была полностью остановлена. По поводу прекращения действия «Российско-германской дорожной карты сотрудничества в сфере образования, науки и инноваций», подписанной в 2018 г., в которой принимали участие в том числе и научные и образовательные учреждения Санкт-Петербурга, официальных данных не поступало. Однако в текущей ситуации ее выполнение кажется маловероятным; это относится и к другим аналогичным инициативам с участием представителей Санкт-Петербурга, а также Ленинградской и Калининградской областей.

В целом в траекториях развития и тактиках по укреплению социально-экономического потенциала регионов России, расположенных на западе страны, видится важным акцентировать внимание на переориентации экономических и торговых связей. Это подразумевает уменьшение зависимости как от стран ЕС, так и от других государств, не демонстрирующих торговую заинтересованность, в пользу тех, кто готов к сотрудничеству. Цель этой переориентации — не только сделать внешнеторговые отношения более гибкими и устойчивыми, но и стимулировать хозяйственный рост РФ, в том числе ее западных территорий, через более эффективное взаимодействие на международной арене. Пересмотр этих взаимоотношений предполагает, что в результате соответствующей трансформации западные области России для усиления международных экономических отношений будут все больше внимания уделять морским логистическим путям, выигрывая от своего географического положения. Смещение акцентов на региональный уровень усиливает важность сотрудничества и развития межрегиональных отношений и кооперации с западными субъектам РФ в самых различных областях, включая пересмотр направлений международной торговли. Возникающий из-за прекращения взаимодействия с партнерами из ЕС пробел успешно заполняется благодаря укреплению связей с государствами ЕАЭС, БРИКС, ШОС и др. Безусловно, важно и создание новых программ глобального взаимодействия в рамках Союзного государства. Такие стратегии, будучи в целом направленными на социально-экономическое и пространственное развитие, безусловно, способствуют как дальнейшему увеличению значимости северо-западных регионов РФ, так и разработке новых конкретных подходов к развитию этих областей в рамках общероссийской тактики противостояния санкционному давлению со стороны членов ЕС.

Список литературы

1. *Араев С. И.* Функционирование политической системы Российской Федерации в условиях антироссийских санкций 2022 г. // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11, № 4А. С. 24—31.
2. *Манушин Д. В.* Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022—2025. Ч. 1: Анализ и прогноз управления антироссийскими санкциями // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Vol. 17, № 4. P. 775—799.
3. В *Смоленской* области под председательством губернатора обсудили влияние санкций на экономику региона. URL: <https://smolgazeta.ru/economic/102738-v-smolenskoj-oblasti-pod.html?ysclid=m1eufwl6ra297462097> (дата обращения: 21.09.2024).
4. *Запад* России. URL: <https://www.votpusk.ru/article/rossiya/zapad-rossii> (дата обращения: 21.09.2024).
5. *Минпромторг* пообещал не жалеть сил и средств для поддержки отечественных производителей. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13859707?ysclid=m2i0l-vvhdc128148560> (дата обращения: 21.09.2024).
6. *Курс* на опережение: как в России реализуют программу импортозамещения. URL: <https://xn--80aараремсчfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/kurs-na-operezhenie-kak-v-rossii-realizuyut-programmu-importozameshcheniya/> (дата обращения: 21.09.2024).
7. *Энергия* становится суверенной. Как российский ТЭК избавляется от импорта. URL: https://www.vedomosti.ru/industry/industrial_policy/articles/2024/09/26/1064585-energiya-stanovitsya-suverennoi?ysclid=m2i0h61w4185884153 (дата обращения: 21.09.2024).
8. В *Смоленской* области внедрили меру поддержки для инвесторов в сфере импортозамещения. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18049021> (дата обращения: 21.09.2024).
9. В *Ленобласти* рассказали об успехах импортозамещения. URL: <https://madeinrussia.ru/ru/news/12018> (дата обращения: 22.09.2024).
10. *Cottey A.* The West, Russia and European security: Still the long peace? // British Journal of Politics and International Relations. 2022. Vol. 24, № 2. P. 207—223.
11. *Bański J., Rocha Á., Fajardo-Toro C. H., Rodríguez J. M. R. (eds.)*. The Issues of Changing Geopolitical Challenges — The Case of Poland // Developments and Advances in Defence and Security. SIST — Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 255. P. 373—382.
12. *Федоров Г. М.* Экономика регионов России на Балтике: уровень и динамика развития, структура, внешнеторговые партнерства // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 20—38.
13. *Зверев Ю. М.* Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4. С. 24—41.
14. *Федоров Г. М.* Западное побережье России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта. 2020.
15. *Ворожеина Я. А., Клемешев А. П., Комлева Н. А. и др.* Геополитическая безопасность России: к постановке проблемы // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 153—169.

Об авторе

Вальдемар Андерс, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: VAnders@stud.kantiana.ru

The author

Waldemar Anders, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: VAnders@stud.kantiana.ru

Д. С. Кононенко

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ЛИТОВЦЫ В РОССИЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Представлен анализ изменения численности литовцев в Калининградской области — как отражения трансформации современных демографических процессов и внешнеполитического взаимодействия двух стран. В качестве информационной основы исследования использованы официальные данные Всероссийской переписи населения 2020 г., Министерства труда и социальной защиты РФ, а также Единого реестра резидентов ОЭЗ в Калининградской области. Применялись общенаучные методы (обобщение, анализ, сравнение), статистические и картографические методы. Установлено, что присутствие литовской диаспоры в Калининградской области сохраняется (особенно на уровне отдельных территорий), но сокращается быстрыми темпами. Об этом свидетельствует как отрицательная динамика численности и доли литовцев в структуре населения, так и тенденции привлечения литовских трудовых мигрантов экономику региона.

The article analyses the changes in the number of Lithuanians in the Kaliningrad region as a reflection of the transformation of modern demographic processes and foreign policy interaction between the two countries. Official data of the All-Russian Population Census of 2020, the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation, data of the Unified Register of SEZ residents in the Kaliningrad region were used as the information basis of the study. General scientific methods (generalisation, analysis, comparison), statistical and cartographic methods were used. It has been established that the presence of Lithuanian diaspora in the Kaliningrad region is preserved (especially at the level of individual territories), but it is decreasing rapidly. This is evidenced both by the negative dynamics of the number and share of Lithuanians in the population structure and by the tendencies of attracting Lithuanian workers to the region's economy.

Ключевые слова: Литва, Россия, иностранная рабочая сила, муниципальные округа, приграничье, Калининградская область

Keywords: Lithuania, Russia, foreign labor, municipal districts, border region, Kaliningrad region

Введение

В Калининградской области литовская диаспора всегда была достаточно представительна как следствие заселения территории региона после 1945 г. После 1991 г. взаимодействие уже между Литовской Республикой и Российской Федерацией прослеживалось во всех сферах жизнедеятельности насе-

ления. Тесные связи сохранялись в области получения образования — литовские студенты нередко пользовались возможностью пройти обучение в российских вузах. С 2000 г. активно реализовывались программы приграничного сотрудничества. Так, Л. Г. Гуменюк отмечает, что за рассматриваемый период времени (2000—2017 гг.) произошла трансформация программ приграничного сотрудничества из инструмента для решения существенных проблем в механизм поддержания социально-культурных связей между местными сообществами по обе стороны границы [1]. Ю. В. Гончарова, в свою очередь, указывает, что темпы развития приграничного сотрудничества останутся прежними, если муниципалитетам не будут предложены рекомендации по активизации приграничного сотрудничества [2]. На данный момент политическая напряженность между Россией и странами Европейского союза, включая санкции и контрсанкции, оказывает негативное влияние на приграничное сотрудничество. Это приводит к ограничениям в торговле, усложнению визовых режимов и снижению уровня доверия между сторонами. В результате многие совместные проекты и инициативы сталкиваются с бюрократическими и правовыми препятствиями, что замедляет их реализацию.

В течение многих лет на территории как российских муниципальных округов, так и литовских присутствовали компании, заводы, фабрики, на которых вели совместную деятельность русские и литовские граждане. На территории Калининградской области муниципальными округами с наибольшим присутствием иностранной рабочей силы зачастую являлись приграничные с Литвой округа; аналогичная ситуация наблюдалась и на территории Литвы.

Однако сейчас отмечаются совершенно иные процессы, препятствующие поддержанию добрососедских отношений двух стран. После введения санкций в отношении РФ, ограничения использования русского языка на территории Литвы, сокращения количества русских школ, деления населения на граждан и неграждан отношения между странами значительно ухудшились. Также нельзя не отметить демографические процессы, а именно — миграционный отток из региона, связанный не только с текущей ситуацией, но и с вступлением Литвы в ЕС в 2004 г. и, как следствие, миграцией литовцев в страны Европы в поисках лучшей жизни. Целью статьи является анализ изменения присутствия литовцев в Калининградской области как отражения трансформации внешнеполитического взаимодействия двух стран.

Методы и материалы исследования

В исследовании использовались общенаучные методы (обобщение, сравнение, анализ), а также статистические и картографические методы. Для описания численности литовской диаспоры в Калининградской области использовались данные Всероссийских переписей населения (ВПН) 2010 и 2020 гг., Всесоюзной переписи населения 1989 г. Данные о заявленной потребности в иностранной рабочей силе из Литвы получены из соответствующих приказов Минтруда (№ 2 [5], 35 [4], 403 [8], 784 [7], 937 [6]).

Результаты исследования

Литовская диаспора (к данным о национальном составе по ВПН)

Калининградская область — регион Российской Федерации, на территории которого представлено немалое количество национальностей. На 2020 г. здесь проживали представители 103 национальностей и народностей. Литовская диаспора, по данным ВПН-2020, занимает 5-е место с численностью литовского населения 4279 человек (табл. 1) [13].

Таблица 1

Численность литовской диаспоры на территории Калининградской области

Показатель	ВПН-1989	ВПН-2010	ВПН-2020
Численность, человек	18 116	9769	4279
Доля в населении, %	2,08	1,04	0,42
Место среди прочих национальностей	4-е	4-е	5-е

Источник: составлено на основе данных ВПН-1989, 2010, 2020.

Численность литовской диаспоры в Калининградской области на протяжении всей постсоветской истории региона сокращалась. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., литовская диаспора стала занимать уже 5-е место по количеству граждан [13]. По сравнению с переписью 2010 г. армянская диаспора улучшила свои позиции, тем самым сместив литовскую на одну позицию ниже. Также следует отметить, что качество проводимой переписи в 2020 г. представляется дискуссионным в силу сложившихся условий ее проведения (пандемия COVID-19).

Несомненно, самым крупным населенным пунктом по численности литовцев является Калининград как административный центр (табл. 2, 3). Здесь проживает 16 % литовцев региона (или каждый шестой). Также крупным населенным пунктом по численности литовцев остается Советск, на территории которого расположен пункт пропуска через государственную границу между РФ и Литвой Советск — Панемуне.

Таблица 2

Численность литовцев по муниципалитетам Калининградской области на 2010 г.

Муниципалитет	Численность литовцев, человек	Доля литовцев, %
Калининград	1789	0,5
Советск	1288	3,3
Неманский МО	1076	5,6
Славский МО	1351	6,5
Нестеровский МО	541	3,4
Гвардейский МО	304	1,0
Полесский МО	234	1,2
Черняховский МО	581	1,2

Источник: составлено на основе данных ВПН-2010.

**Численность литовцев по муниципалитетам
Калининградской области на 2020 г.**

Муниципалитет	Численность литовцев, человек	Доля литовцев, %
Калининград	685	0,13
Советск	471	1,21
Неманский МО	493	3,19
Славский МО	711	4,5
Нестеровский МО	222	1,88
Гвардейский МО	166	0,56
Полесский МО	108	0,62
Черняховский МО	234	0,51

Источник: составлено на основе данных ВПН-2020.

Таким образом, с 2010 (табл. 2) по 2020 г. (табл. 3) численность литовской диаспоры на территории Калининградской области уменьшилась в 2 раза.

Муниципальными округами с наибольшей долей литовского населения стали граничащие с Литовской Республикой: Краснознаменский, Неманский, Нестеровский и Славский (рис.).

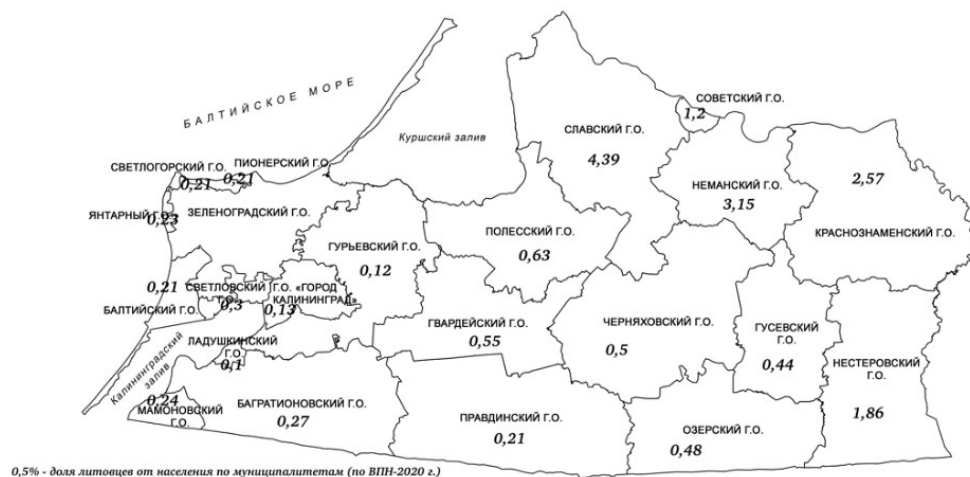

Рис. Литовцы в Калининградской области

В абсолютных значениях региональный центр лидирует по численности литовцев в структуре населения, что можно объяснить его «столичным» статусом (повышенная зарплата, возможности для трудоустройства и обучения). В Советске, где численность литовцев также высока, находится одно из ключевых предприятий, ранее имевшее литовское руководство и привлекающее немалое количество литовской рабочей силы в российский регион. Славский и Неманский муниципальные округа, как и Советский, характеризуются гео-

графической близостью к пограничному переходу с Литовской Республикой. При этом в относительных значениях сохраняется наибольшая доля литовцев в пяти приграничных муниципалитетах — свыше 1 % населения.

Трудящиеся мигранты из Литвы

Что касается иностранной рабочей силы, на 2023 г. доля таких рабочих составила всего 2,8 % [10], что является довольно низким показателем в среднем по регионам РФ [9]. В 2024 г. было 45 позиций, на которые предполагалось привлечение иностранных работников, из них подавляющая часть — для высококвалифицированных специалистов (более 50 % — руководящий состав). Потребность калининградских компаний в работниках из Литвы из года в год сокращается (табл. 4).

Таблица 4

Заявленная потребность в рабочей силе из Литвы предприятиями Калининградской области

Показатель	ООО «Янтракс»	ООО «Алгува»	ООО «Вичюнай- Русь»	ООО «Дагрис- Калининград»	ООО «Фрост логистикс»	Иные	<i>Всего</i>
Основ- ной код ОКВЭД	60	60	15.20; 10.20; 52.10	60.24	52.10	24; 45.3; 1.45; 60.24.2; 45.2; 24.15	
Месторас- положение	Гусев	Калининград	Советск	Советск	Советск	—	—
Год:							
2014	30	40	126	27	36	421	680
2015	20	40	118	27	—	122	327
2016	20	20	92	27	34	108	301
2017	—	10	92	—	34	22	158
2018	—	10	43	26	17	45	141
2019	—	—	47	—	17	46	110
2020	—	—	42	—	11	13	66
2021	—	—	41	—	8	14	63
2022	—	—	21	—	3	8	32
2023	—	—	5	—	1	2	8
2024	—	—	2	—	—	2	4

Примечание. Расшифровка кодов ОКВЭД: 60 — деятельность сухопутного транспорта; 15.20 — переработка и консервирование рыбо- и морепродуктов; 10.20 — переработка и консервирование рыбы, ракообразных и моллюсков; 52.10 — деятельность по складированию и хранению; 60.24 — деятельность автомобильного грузового транспорта; 24 — производство металлургическое; 45.3 — торговля автомобильными деталями, узлами и принадлежностями; 51.45 — оптовая торговля парфюмерными

и косметическими товарами; 60.24.2 — деятельность автомобильного грузового неспециализированного транспорта; 45.2 — техническое обслуживание и ремонт транспортных средств; 24.15 — производство удобрений и азотных соединений.

Источник: составлено на основе [4—8].

Стоит упомянуть, что на территории региона присутствуют организации, нанимающие литовских работников. В 2014 г. число компаний, заявивших потребность в привлечении работников из Литвы, составляло 50; к 2024 г. их число сократилось до 3.

Крупнейшими компаниями, в разные годы привлекавшими литовцев, были: ООО «Янтранс», ООО «Алгува», ООО «Вичюнай-Русь», ООО «Дагрис-Калининград», ООО «Фрост логистикс». Деятельность перечисленных организаций в основном связана с грузовыми перевозками, а также переработкой и консервированием рыбной продукции. Расположены эти компании преимущественно в Гусеве, Калининграде, Пионерском, Советске, Черняховске и Гурьевске. Из перечисленных ранее только ООО «Вичюнай-Русь» являлась крупной компанией с численностью занятых 118 человек (на 2015 г.). Однако сегодня она потеряла этот статус. Остальные компании привлекают гораздо меньшее количество иностранных работников.

География распределения занятых в Калининградской области временных работников из Литвы за последние годы сильно изменилась: компании областного центра, до 2020 г. привлекавшие до половины литовцев, прибывающих в регион, сегодня отказались от этого, равно как и компании из других муниципальных образований. Практически все временные работники из Литвы сегодня трудятся в Советске. Единственной компанией, сохраняющей ежегодную потребность в литовских работниках, является ООО «Вичюнай-Русь», однако и здесь количество работающих литовцев сократилось.

В основе приглашения литовцев для работы на предприятиях Калининградской области лежат культурные и семейные связи, которые нередко служат каналом для трудовой миграции: литовская компания нанимает литовских работников. Также нельзя не сказать про географическую близость и наличие развитой транспортной инфраструктуры между регионами двух стран. Многие литовские работники владеют русским языком, что также благоприятно влияет на их адаптацию в российском регионе.

Большим преимуществом для ведения бизнеса на территории КО является и ее юридический статус ОЭЗ, который выражается в льготных налоговых и таможенных условиях для национальных или иностранных предпринимателей. Так, на территории Калининградской области действовали как минимум две литовские компании, имеющие такой статус. Это ООО «Вичюнай-Русь» и ООО «Фрост логистикс», которые в 2024 г. были выкуплены российской компанией УК «Группа Океан» [11].

Санкции оказали значительное влияние на социально-экономическое положение региона. Сократился уровень инвестиций, увеличилась безработица, а также снизилась заработная плата [3]. Это, в свою очередь, уменьшает привлекательность региона для иностранных работников, включая литовцев.

Тем не менее, несмотря на всевозможные препятствия, на территории Калининградской области продолжает присутствовать литовская рабочая сила, хоть и в меньшем объеме. По большей части это связано с тем, что многие литовские работники уже имеют устойчивые связи и опыт работы в регионе.

Выводы

Литовская диаспора на территории Калининградской области всегда была достаточно представительной. И сегодня она удерживает одну из самых высоких позиций по численности населения национальных меньшинств. С началом нестабильной геополитической ситуации, а именно с 2014 г., темпы развития международных отношений с Литвой замедлились, а с 2022 г. и вовсе постепенно сходят на нет. Количество привлекаемых литовских работников с 2014 г. уменьшилось в 170 раз, прекратили свое существование и многие совместные проекты, реализуемые Литвой в партнерстве с РФ, заморожена программа приграничного сотрудничества, литовские бизнесмены вынуждены продавать свой бизнес в России во избежание конфликтных ситуации у себя на родине. Однако, принимая во внимание то, что Калининградская область имеет бóльшую сухопутную границу с Литвой по сравнению с Польшей, необходимо реализовывать новые совместные проекты, возрождать старые, а также налаживать межкультурную коммуникацию между двумя государствами.

Список литературы

1. *Гуменюк Л. Г.* Географические особенности трансграничного сотрудничества приграничных регионов России : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Калининград. БФУ им. И. Канта, 2017.
2. *Гончарова Ю. В.* О тенденциях развития приграничного сотрудничества Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2019. № 2. С. 23—34.
3. *Любовцева Е. Г., Гордеева И. А.* Влияние санкций на развитие экономики России. Возможности и ограничения // *Oeconomia et Jus*. 2022. № 3. С. 8—14. doi: 10.47026/2499-9636-2022-3-8-14.
4. *Приказ Минтруда России от 04.02.2016 № 35* (ред. от 28.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. *Приказ Минтруда России от 09.01.2018 № 2* (ред. от 06.12.2018)). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. *Приказ Минтруда России от 22.12.2020 № 937*). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. *Приказ Минтруда России от 16.12.2022 № 784*). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. *Приказ Минтруда России от 16.08.2024 № 403*). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. *Прогноз баланса трудовых ресурсов Калининградской области на 2023—2025 годы.* 2022.

10. *Трудовые мигранты* составляют 2,8 % от всей рабочей силы Калининградской области // Новый Калининград. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/24075590-trudovye-migranty-sostavlyayut-2-8-ot-vsey-rabochey-sily-kaliningradskoy-oblasti.html> (дата обращения: 23.08.2024).

11. *Президент Литвы: рыбозавод мэра Каунаса под Калининградом продали с запозданием* // ТАСС. URL: <https://tass.ru/nedvizhimost/20598503> (дата обращения: 04.09.2024).

12. *Всероссийская перепись населения — 2010* // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 29.08.2024).

13. *Всероссийская перепись населения — 2020* // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 27.08.2024).

Об авторе

Дарья Сергеевна Кононенко, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: dariakononenko1208@mail.ru

ORCID: 0009-0001-2310-8546

The author

Daria S. Kononenko, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: dariakononenko1208@mail.ru

ORCID: 0009-0001-2310-8546

Чжао Инь^{1,2}, Шань Чанхай²

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

² Хэйлуцзянский Восточный университет (Харбин, КНР)

**ПРИГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ
И СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В РАМКАХ ИДЕИ «ОТКРЫТЫЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК»**

Рассматриваются вопросы усиления интеграции «Один пояс — один путь» в рамках идеи «Открытый Дальний Восток» в интересах создания связующего звена для развития, необходимость которой подчеркнул председатель КНР Си Цзиньпин. Китайским провинциям Хэйлуцзян и Цзилинь необходимо предпринять комплексные усилия для прорыва на Дальнем Востоке по следующим направлениям: улучшение региональной инфраструктуры и систем трансграничной логистики; культивирование «мягкой экономики»; содействие гуманистическим обменам и обмену талантами; расширение синергетического развития и инновационного сотрудничества в таких областях, как сельское хозяйство и сельскохозяйственный транспорт.

Chinese President Xi Jinping emphasised the need to strengthen 'One Belt, One Road' integration within the framework of the 'Open Far East' to create a development nexus. China's Heilongjiang and Jilin provinces in developing and building in the Far East need to make comprehensive efforts and achieve breakthroughs in many areas: first, it is to improve regional infrastructure and cross-border logistics systems; second, it is to cultivate cultural 'soft economy' and promote humanistic exchanges and talent exchanges; third, we will expand the path of synergistic development and innovative cooperation in areas such as agriculture and agricultural transport.

Ключевые слова: Северо-Восточный Китай, Дальний Восток России, приграничное сотрудничество

Keywords: Northeast China, Russian Far East, cross-border cooperation

Введение

Приграничные территории Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая имеют долгую историю сотрудничества. В последние годы при личной заинтересованности и твердой поддержке глав государств двух стран эти регионы добились значительного прогресса и стали важным стимулом для двустороннего регионального сотрудничества [1].

В марте 2023 г. главы государств Китая и России подписали «Совместное заявление РФ и КНР об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху», дав понять,

что в будущем они будут углублять потенциал сотрудничества между двумя странами на местном уровне и в приграничных районах, повышать его эффективность и развивать приграничные территории Дальнего Востока и Северо-Востока Китая [4; 5]. В настоящее время укрепление сотрудничества китайско-российских приграничных территорий в целях развития является не только важной инициативой по углублению всеобъемлющего стратегического взаимодействия, но и объективным требованием для экономического и социального развития Китая и России, а также составляющей частью продвижения и содействия экономическому сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что имеет большое значение для его выхода на новый уровень и приобретение новой роли [6; 7].

Объекты и методы исследования

Область исследования охватывает крайний Юго-Восток России и Северо-Восток Китая, которые расположены в самой восточной точке Евразийского сухопутного моста, простирающегося на Запад до Европы и соединяющегося на Востоке с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Территория исследования включает в себя китайские провинции Хэйлунцзян и Цзилинь, а также Амурскую область, Еврейскую автономную область (ЕАО) и Приморский край России (рис.) [1; 2].

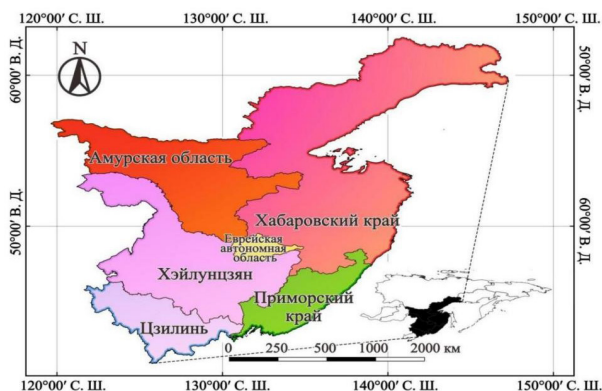

Рис. Административно-территориальные субъекты исследования [3]

В данном исследовании использовался следующий методический инструментарий: территориальный анализ, методы сравнительной географии, картографический анализ.

Результаты исследования

1. Сотрудничество в области инфраструктуры

Китай и Россия активно ведут строительство пограничных переходов, а также сухопутных, водных и воздушных путей, постоянно совершенствуют транспортные сети и повышают эффективность таможенного оформления. Китайские инвесторы положительно отнеслись к российскому проекту

создания Владивостокского свободного порта, активно инвестируют в него и строят на его территории заводы. Китай возглавляет список иностранных компаний, участвующих в реализации проектов Владивостокского свободного порта и Приморской территории опережающего развития. Китайский капитал участвует в 43 проектах с общим объемом инвестиций почти 7 млрд рублей, что составляет 46 % от всех реальных иностранных инвестиций в регионе. Главное таможенное управление Китая добавило порт Владивосток в качестве перевалочного порта для трансграничных перевозок товаров внутренней торговли, что значительно снижает транспортные расходы на морскую и сухопутную торговлю с Россией в провинциях Цзилинь и Хэйлунцзян, эффективно способствует развитию индустрии морских перевозок в Северо-Восточном регионе и вносит положительный вклад в приграничные территории Дальнего Востока и Северо-Востока Китая [3].

В области наземного транспорта открыты Хэйлунцзянский мостовой и автомобильный порт и железнодорожный мост Тунцзян, а провинция Цзилинь совместно с Приморским краем работает над реализацией проекта международного транспортного коридора «Приморье-2», который предоставит большие возможности для трансграничного транзита из Северо-Восточного Китая через российский Дальний Восток в восточные и южные провинции Китая и страны Юго-Восточной Азии. Что касается логистической инфраструктуры, то в провинции Хэйлунцзян были построены национальный логистический узел типа порта Хэйхэ и национальный логистический узел типа порта Суйфэньхэ-Дуннин [5; 6].

2. Сотрудничество в профессионально-технической сфере

В последние годы Россия, с одной стороны, ограничивала въезд низкоквалифицированной рабочей силы из Китая, а с другой — активно поддерживала въезд высококвалифицированных специалистов [6]. С 2011 г. в России действует законодательство, предусматривающее преференции для высококвалифицированных иностранных специалистов при получении разрешения на работу в стране, с целью стимулировать въезд таких специалистов и одновременно сдерживать приток низкоквалифицированной рабочей силы. Провинции Хэйлунцзян и Цзилинь также испытывают нехватку высококвалифицированных кадров, и в 2023 г. в Хэйлунцзяне будет не хватать почти 300 тыс. высококвалифицированных специалистов, а в Цзилине — 250 тыс. человек. Совместная подготовка высококвалифицированных кадров, отвечающих требованиям обеих сторон, сегодня особенно актуальна и необходима. Это также важно для развития приграничных территорий Дальнего Востока РФ и Северо-Востока Китая [7; 8]. Очень важным в этом плане становится сотрудничество между российскими и китайскими профессионально-техническими учебными заведениями.

3. Экономическое и торговое сотрудничество в сфере производства сельскохозяйственной продукции

Приграничные территории Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая занимают важное место в сотрудничестве в области развития сельского хозяйства, торговли сельскохозяйственной продукцией и сельскохозяйствен-

ной науки и техники, а масштабы и уровень сельскохозяйственного сотрудничества с Россией постоянно растут. В сентябре 2009 г. Китай и Россия подписали План сотрудничества между Северо-Восточным регионом Китайской Народной Республики и Дальним Востоком и Восточной Сибирью Российской Федерации (2009—2018 гг.) [7]. Регионы России имеют большой потенциал для развития сельскохозяйственного сектора, являясь важной сельскохозяйственной базой для Китая. Китайский Северо-Восточный регион обладает современными технологиями сельскохозяйственного производства и производственным опытом, а также географическими, ресурсными и промышленными преимуществами для сельскохозяйственного сотрудничества с Россией.

В сельскохозяйственном развитии, чтобы решить проблему асимметричной рыночной информации, необходимо создать платформу для обмена информацией и налаживания связей между российским и китайским рынками. В последние годы в провинциях Хэйлуцзян и Цзилинь было создано несколько сетевых платформ для сельскохозяйственного сотрудничества с Россией (табл. 1).

Таблица 1

**Сетевые платформы сотрудничества России и Китая
в области сельскохозяйственной продукции**

Сетевая платформа	Веб-адрес	Краткое содержание
Ассоциация сельскохозяйственной промышленности провинции Хэйлуцзян с Россией	http://www.hljdeny.com/cnpublichtml/index.Asp	Некоммерческая организация, связанная с департаментом торговли провинции Хэйлуцзян, предоставляет информацию о китайско-российской экономике и торговле, а также консультационные услуги в области политики и права
Электронное правительство сельскохозяйственного комитета провинции Хэйлуцзян	http://dzzwahljagri.gov.cn/z w g k/	Открытый сайт сельскохозяйственного комитета провинции Хэйлуцзян, посвященный государственным делам, предоставляет информацию о сельском хозяйстве и политике, законах и правилах
Хэйлуцзянская сельскохозяйственная информационная сеть	http://www.hljagri.govcn/	Аффилированный портал правительства сельскохозяйственного комитета провинции Хэйлуцзян, бесплатно публикует информацию о спросе и предложении сельскохозяйственной продукции, предоставляет бизнес-информацию и консультационные услуги экспертов
Хэйлуцзянская сеть предприятий зеленого питания	http://www.lshli.com/	Портал зеленых продуктов питания провинции Хэйлуцзян, бесплатная публикация информации о спросе и предложении, запрос на сертификацию и консультационные услуги по рынку

Сетевая платформа	Веб-адрес	Краткое содержание
Хэйлунцзянская зерновая сеть	http://www.grain.org.cn/web/index.html	Сайт B2B по торговле зерном провинции Хэйлунцзян, предоставляет услуги по анализу цен на зерно и сопутствующую бизнес-информацию
Сеть передачи земель	http://www.tuliu.com/	Информационная платформа, публикующая информацию об аренде и передаче земель сельскохозяйственного назначения в России.

Источник: составлено на основе данных сайта Правительства Хэйлунцзян и Цилинь.

В августе 2013 г. Китайская национальная комиссия по развитию и реформам (NDRC) опубликовала «План развития и открытия приграничных районов Хэйлунцзяна и Северо-Восточной Внутренней Монголии», который поощряет ускорение строительства сельскохозяйственных парков в России. В качестве примеров сельскохозяйственного развития и технического сотрудничества можно привести новую «Ферму дружбы» в Приморском крае, Заморский зеленый сельскохозяйственный парк «Хуаян» и лесную зону экономического и торгового сотрудничества «Лунъюэ». В настоящее время территориальная зона сельскохозяйственного сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией постепенно расширяется: от окрестностей пограничных переходов вглубь Дальнего Востока, включая Амурскую область, Приморский край, Еврейскую автономную область, Хабаровский край и другие регионы. В частности, к 2023 г. в городе Дуннин провинции Хэйлунцзян будет освоена площадь в 226,8 тыс. га (или 3,4 млн му) для сельскохозяйственного сотрудничества с РФ, что составит 40 % от общего объема сельскохозяйственного сотрудничества провинции с Россией [8]. Что касается торговли сельскохозяйственной продукцией, то к концу 2020 г. Россия стала нетто-экспортером сельскохозяйственной продукции, а Китай — крупнейшим в мире импортером продовольствия и приоритетным рынком для международного экспорта российской сельскохозяйственной продукции [9]. В 2022 г. Китай разрешил импорт пшеницы и ячменя с территории России. Приграничные регионы Дальнего Востока РФ и Северо-Востока Китая играют ключевую роль в китайско-российской сельскохозяйственной торговле [10]. Таким образом, поддерживается дальнейшее развитие сельскохозяйственной торговли Китая с Россией и создание эффективной и удобной логистической системы (табл. 2).

Таблица 2

Центральные распределительные центры торговли между приграничными территориями Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая (пассажиры и товарные виды транспорта)

Китай	Россия	Тип сообщения
Хэйхэ	Благовещенск	Автомобильная дорога
Суйфэньхэ	Грутково	Железная дорога

Китай	Россия	Тип сообщения
Суйфэньхэ	Пограничный	Автомагистраль
Дуннин	Полтавка	Автомагистраль
Хума	Смарновск	Автомагистраль, железная дорога
Сунью	Боярково	Автомагистраль, водный путь
Сюнькэ	Боярково	Автомагистраль, водный путь
Цзяинь	Баскомб	Автомагистраль, водный путь
Лобэй	Амурджит	Автомагистраль, водный путь
Тунцзян	Нижне-Ленинское	Автомагистраль, водный путь
Мохэ	Галинда	Автомагистраль, водный путь
Фуюань	Хабаровск	Автомагистраль, водный путь
Жаохэ	Покровка	Автомагистраль, водный путь
Хулинь	Марково	Автомагистраль
Мишань	Турий Рог	Автомагистраль

Выводы

Приграничные территории Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая обладают потенциалом для социально-экономического сотрудничества в рамках инициативы «Открытый Дальний Восток». Однако еще предстоит преодолеть некоторые препятствия. Что касается самого китайско-российского сотрудничества, то китайская сторона должна не просто думать о том, что ей необходимо, а ставить себя на место российской стороны и находить точки соприкосновения интересов двух сторон. Китайско-российское сотрудничество должно быть взаимоуважительным, равноправным, взаимовыгодным.

2023 г. — Проект планирования исследований в области философии и социальных наук провинции Хэйлуцзян (тематический проект) (№ 23XZT044); 2023 г. — программа поддержки фундаментальных исследований выдающихся молодых преподавателей провинции Хэйлуцзян (№ YQJH2023062); 2023 г. — муниципальный проект самофинансирования научно-технической программы (№ 202102286019); 2023 г. — исследовательский проект высшего образования Хэйлуцзянского общества высшего образования в 2023 г. (№ 23GJYBE008); 2023 г. — ключевые темы исследования экономического и социального развития провинции Хэйлуцзян (№ 23321); проекты, финансируемые Национальным советом по стипендиям (№ 202008090044).

Список литературы

1. Чжао И., Гнатюк Г. А. Изучение основных направлений углубления сельскохозяйственного сотрудничества между китайской провинцией Хэйлуцзян и российским Дальним Востоком // Экономические науки. 2024. № 232. С. 101—108.
2. Чжао И. Пространственная поляризация трансграничных территорий Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая : дис. ... канд. геогр. наук. Якутск. СВФУ, 2023.
3. Путин опубликовал статью «Россия и Китай: стратегические партнеры с прицелом на будущее» в Синьхуа // Сайт Правительства Китая. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-02/03/content_5671803.htm (дата обращения: 20.09.2024).

4. Кортунов А. В., Тимофеев И. Н., Кузьмина К. А. 20-летие договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР : сб. ст. / гл. ред. И. С. Иванов, Се Фучжань // Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2021. 276 с.

5. 陆南泉、于小琴、彭传勇等：《东北全面振兴与远东大开发：中俄区域合作视角》·《城市观察》·2023年第6期。

6. Чжао И. Новые идеи и предложения для провинции Хэйлуцзян по использованию возможностей развития Дальнего Востока России для расширения сотрудничества с Россией // III Вологодский региональный форум с международным участием «Право и экономика: стратегии регионального развития». Вологда, 2023. С. 213—220.

7. 余淼杰·徐睿迪.中俄跨境次区域合作助力东北全面振兴：机遇、挑战与对策[J/OL]·辽宁大学学报(哲学社会科学版). URL: <https://doi.org/10.16197/j.cnki.lnupse.20240913.001> (дата обращения: 20.09.2024).

8. *Статистика* Дальневосточного таможенного управления. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 20.09.2024).

9. *Chu N.-Ch., Wu X.-L., Zhang P.-Yu. et al.* Spatial economic linkage and pattern characteristics of transnational districts: a case study of Chinese Northeast Provinces and Russian Far East Federal District // *Human Geography*. 2022. № 37 (04). P. 132—140.

10. *Liu Ch.* Research on Influencing Factors and Prospects of Economic Cooperation between Northeast China and Russian Far East // *Journal of Beijing Institute of Graphic Communication*. 2023. № 29 (02). P. 41—46.

Об авторах

Чжао Инь, аспирант, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия; доцент, Хэйлуцзянский восточный университет, Харбин, КНР.

E-mail: in.1992@list.ru

Шань Чанхай, магистрант, Хэйлуцзянский восточный университет, Харбин, КНР.

E-mail: sparkling2024@126.com

The authors

Zhao Yin, postgraduate, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia; Associate Professor, Heilongjiang Oriental University, Harbin, China.

E-mail: in.1992@list.ru

Shan Changhai, Graduate Student, Heilongjiang Oriental University, Harbin, China.

E-mail: sparkling2024@126.com

И. А. Логвинов

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

ЮЖНО-ЯКУТСКИЙ ТПК: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ «ПОВОРОТА НА ВОСТОК»

Рассмотрено современное состояние Южно-Якутского ТПК и его роль в экономике дальневосточных регионов. Обозначены тенденции и выделены основные перспективы развития данного ТПК. Отмечается, что при реализации потенциала возможны расширение номенклатуры продукции и увеличение глубины ее переработки, а также снижение зависимости от перегруженного восточного полигона РЖД.

The article considers the current situation in the South Yakutia TPK and its participation in it. The trends are outlined and the main development prospects are highlighted. If the potential is realized, it is possible to expand the product mix and depth of processing, as well as to reduce dependence on the overloaded eastern polygon of Russian Railways.

Ключевые слова: Южная Якутия, территориально-производственный комплекс, коксующийся уголь, Китай

Keywords: South Yakutia, territorial production complex, coking coal, China

В последние десятилетия значение Восточной и Юго-Восточной Азии в мировой экономике и торговле постоянно увеличивается. Для России, где роль этих стран стабильно росла в XXI в. [1], ориентация на расширяющиеся рынки Востока особенно усилилась в 2022 г., в условиях беспрецедентного санкционного давления и экономической турбулентности. В данной ситуации особое значение приобретают регионы Дальнего Востока, имеющие наименьшее транспортное плечо до растущих рынков. Значительно трансформируется Южно-Якутский ТПК. Цель работы — анализ тенденций и перспектив его развития в условиях «поворота на Восток».

До 2010-х гг. Якутия отличалась слабыми экономическими связями с Китаем (рис. 1). Основным экспортным товаром региона являются драгоценные камни, на которые приходится около 70—80 % экспорта в стоимостном выражении и которые поставляются прежде всего в Бельгию, Индию и ОАЭ [1]. Ситуация начала меняться в конце 2010-х гг., когда вырос экспорт угля. В этом направлении традиционные Японию и Корею стал сменять Китай (рис. 2). Это связано с ростом добычи на новых угольных месторождениях в Южной Якутии вблизи Нерюнгри, разрабатываемых компанией «Колмар» (за счет ТОР «Южная Якутия» [2—4]), и увеличением отгрузки с Эльгинского месторождения компанией «ЭЛСИ» [5].

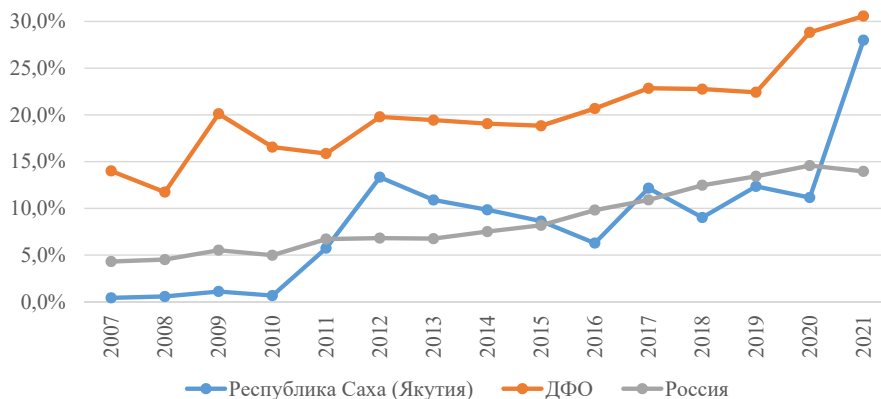

Рис. 1. Доля Китая в экспорте товаров, в стоимостном выражении, %

Источник: составлено на основе [1].

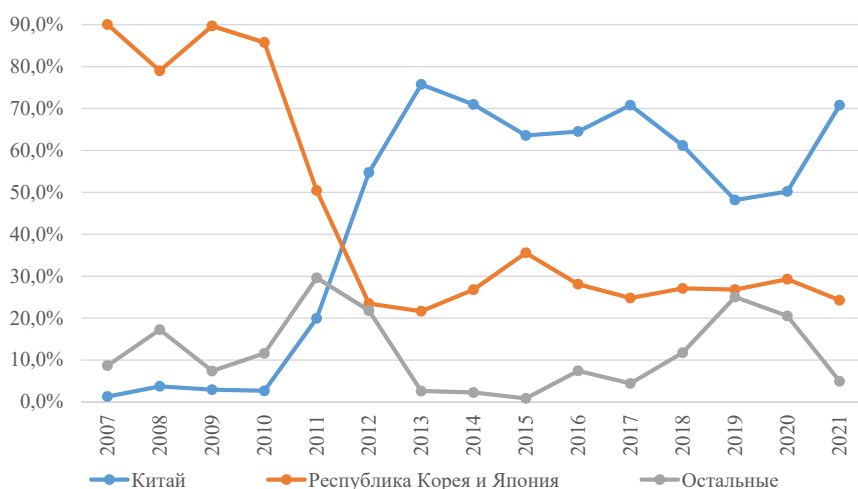

Рис. 2. Основные направления экспорта угля из Южной Якутии, в физическом весе, %

Источник: составлено на основе [1].

Добываемый в Южной Якутии коксующийся уголь востребован металлургами Восточной Азии. За счет освоения новых месторождений объем добычи вырос в 3,4 раза, с 11,8 млн т в 2013 г. до 39,2 млн т в 2022 г. [6; 7]. В угольном экспорте в условиях санкционных рисков закономерно растет роль Китая (Япония и Южная Корея в 2022 г. отказались от российского угля [8]). Однако уже в 2023 г. объем экспорта даже снизился до 38 млн т, что связано с ограничением в пропускной способности Восточного полигона РЖД. В 2024 г. прогнозируется достичь уровня в 40 млн т угля.

При этом добываемый уголь только обогащается (низкая добавленная стоимость). Но возможно развитие ресурсной специализации территории за счет локализации большего количества цепочек добавленной стоимости, как это, в частности, предлагается в отношении газовых месторождений Якутии [9]. В контексте Южной Якутии это позволит переломить тренд развития только первичного передела ресурсов.

Возможности углубления переработки сырья были заложены в советской стратегии развития Южно-Якутского ТПК: в рамках ЭПЦ черной металлургии планировалось создание металлургического предприятия полного цикла с использованием коксующихся углей и железной руды, а также присоединение Селигдарского месторождения апатитов к производству минеральных удобрений [10]. К 2020-м гг. удалось увеличить угледобычу за счет расширения числа используемых месторождений (рис. 3). Что касается железной руды, то развития в данном направлении практически не было: только в 2023 г. отправлено первое железорудное сырье [11]. Также в регион пришли магистральные газ («Сила Сибири») и нефть (ВСТО).

Существенные инвестиционные проекты на востоке региона реализует компания «ЭЛСИ». Она выкупила Эльгинское месторождение у «Мечел», наращивает добычу угля, строит частную железную дорогу до Охотского моря в порт Чумикан (это позволит снизить зависимость от пропускной способности Восточного полигона РЖД), аэропорт и новый вахтовый поселок [5].

Однако в Южно-Якутском ТПК имеется еще потенциал для развития. Во-первых, размещение производства угольного кокса, который является продукцией переработки угля. Это повысит добавленную стоимость продукции и сформирует отрасль коксохимии. Во-вторых, строительство железной дороги Нерюнгри — Эльга, которая позволит перевозить нерюнгринские угли не по БАМу и повысит ресурсную базу для производства угольного кокса (смесь нескольких углей) либо в Нерюнгри, либо в Чумикане (будущий угольный порт в Хабаровском крае). В-третьих, возможно развитие производства фосфорных удобрений с Селигдарского месторождения апатитов на основе природного газа.

Дальнейшее развитие Южно-Якутского ТПК в условиях «поворота на Восток» возможно уже именно при участии Китая — одного из основных потребителей коксующихся углей региона. При этом страна может перейти от торгового к инвестиционному региональному сотрудничеству. Китай активно участвует в освоении сырьевых ресурсов [12] и проектах по переработке [13]. Сырьевые ресурсы являются привлекательным направлением для Китая ввиду продолжающегося его экономического роста и развития экологической повестки в стране [14], то есть имеется выгода от выноса грязных производств из Китая.

Сотрудничество с Китаем в Южной Якутии имеет как преимущества, так и недостатки. Во-первых, инвестиционное сотрудничество с Китаем может обеспечить увеличение номенклатуры и добавленной стоимости продукции. Во-вторых, при строительстве железной дороги Нерюнгри — Эльга будет обеспечена независимость поставок продукции всей Якутии от Восточного полигона РЖД.

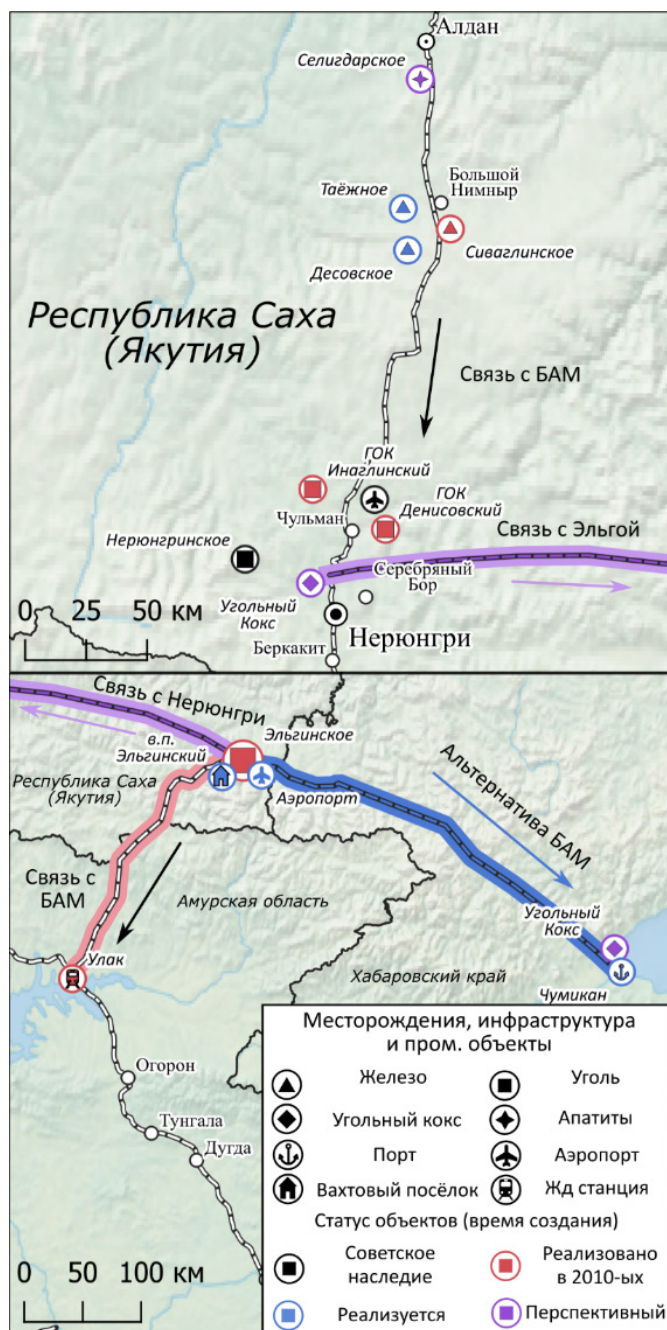

Рис. 3. Перспективы развития добывающей промышленности Южной Якутии: Нерюнгринская агломерация (вверху) и Эльгинское месторождение (внизу) с участием Китая

Источник: составлено на основе [3; 5; 10].

Однако в сотрудничестве с Китаем есть и свои недостатки. Во-первых, снижение диверсификации покупателей продукции (слабая переговорная позиция). Во-вторых, эффект от китайских прямых иностранных инвестиций зачастую ниже для местной экономики, так как в китайских проектах используются не только технологии инвестора, но и строители, будущие рабочие [15], что снижает социально-экономический эффект проектов.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что роль российско-китайского взаимодействия в Южной Якутии заметно усилилась за последнее десятилетие, прежде всего за счет развития торговых отношений в контексте угольных месторождений. Но регион обладает перспективами развития ресурсного сектора с повышением добавленной стоимости продукции. Целесообразно углубить переработку местных углей за счет нового производства коксующихся углей, создать новое предприятие по производству фосфорных удобрений, а также связать Нерюнгри, Эльгу и Чумикан в единую железную дорогу, позволяющую снизить зависимость от Восточного полигона РЖД и преодолеть ограничения в объемах отгрузки продукции. Реализация данных перспектив должна опираться прежде всего на взаимодействие с Китаем на уровне инвестиций и позволит нарастить объемы российского экспорта в Китай, в том числе за счет продукции с большей добавленной стоимостью.

Список литературы

1. Федеральная таможенная служба России. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 11.10.2023).
2. Бакланов П. Я. Территории опережающего развития — как новый инструмент регионального развития Тихоокеанской России // Трансграничные рынки товаров и услуг: проблемы исследования. Хабаровск, 2019. С. 8—15.
3. Перспективный план развития ТОП «Южная Якутия» // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://erdc.ru> (дата обращения: 11.10.2023).
4. Угледобывающая компания «Колмар». URL: <https://www.kolmar.ru> (дата обращения: 11.10.2023).
5. Угольные активы «ЭЛСИ». URL: <https://elsi-group.ru/> (дата обращения: 11.10.2023).
6. Ефимова Н. История развития угольной промышленности Якутии. URL: <https://ysia.ru> (дата обращения: 07.10.2023).
7. В Якутии в 2022 году добыча угля выросла на 26 %. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 17.10.2023).
8. Соколов К., Тихонова Э. Глава «Колмара» заявила об отказе Японии и Южной Кореи от угля из России. URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 11.10.2023).
9. Крюков Я. В. Направления трансформации ресурсного сектора Республики Саха (Якутия) в новейших условиях // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Экономика. Социология. Культурология. 2023. № 2. С. 7—16.
10. Егоров Е. Г. Оценка опыта и результатов создания Южно-Якутского территориально-производственного комплекса // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 31 (334). С. 41—48.
11. «Мечел» отгрузил первую партию железной руды в 4 тыс. тонн с Сиваглинского месторождения. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 11.10.2023).

12. Губин А. В. Дальний Восток России в китайской инициативе «Пояс и путь»: возможности и проблемы // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 4. С. 177—188.

13. Китайская компания инвестирует в создание коксохимического предприятия в ДФО. URL: <https://www.sakha.gov.ru> (дата обращения: 16.10.2023).

14. Пятачкова А. С. «Зеленая» повестка в политике КНР: рабочая тетрадь № 64. М. : РСМД, 2022.

15. Дейч Т. Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 5. С. 119—141.

Об авторе

Илья Александрович Логвинов, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ilia.logwinov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8637-5801

The author

Ilya A. Logvinov, student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Email: ilia.logwinov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8637-5801

А. К. Нижникова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ СФЕРЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Рассматривается негативное влияние современных кризисных явлений на социально-экономическое развитие, в том числе малых городов. Отмечается, что преодоление кризиса возможно посредством реализации туристского потенциала. Проанализированы ключевые демографические, экономические и туристские показатели малых городов российско-белорусского приграничья. В результате анализа выделено четыре типа малых городов по уровню туристско-рекреационной привлекательности. Выявлены ключевые проблемы развития городов каждого типа.

Modern crisis phenomena have a negative impact on the socio-economic development, including small towns. Overcoming the crisis is possible through the implementation of tourist potential. The article analyzes the key demographic, economic and tourist indicators of small towns in the Russian-Belarusian borderland. The analysis highlights four types of small towns according to the level of tourist and recreational attractiveness. The key problems of the development of cities of each type are identified.

Ключевые слова: туристско-рекреационная сфера, российско-белорусское приграничье, малые города

Keywords: tourist and recreational sphere, Russian-Belarusian borderland, small towns

Введение

Сложная геополитическая ситуация усугубляет и без того депрессивное состояние многих периферийных территорий с ограниченными ресурсами. Приграничные регионы имеют потенциал развития туристско-рекреационной сферы, реализация которого позволит модернизировать экономическое пространство и повысить уровень жизни населения. Цель данной статьи — выявить перспективы развития туристско-рекреационной сферы малых городов в приграничных с Республикой Беларусь регионах с учетом особенностей их географического положения.

Ключевой проблемой развития туристско-рекреационной сферы в приграничье можно назвать низкий уровень социально-экономического развития, сопровождающийся недостаточной модернизацией сопутствующей инфраструктуры и нехваткой высококвалифицированных трудовых ресурсов — туристские потоки проходят «мимо» приграничной дестинации в более благоприятные столичные регионы [1].

Несмотря на значительное количество социально-экономических проблем в регионе, существует перспектива существенной интенсификации процессов интеграции России и Беларуси в рамках Союзного государства. Геополитический кризис способствует усилению дружественных связей между нашими странами, в том числе в туристско-рекреационной сфере [2]. Особое значение в контексте интеграционных процессов двух стран приобрела территория российско-белорусского приграничья (РБП).

Проблемы развития малых городов были и остаются актуальными на протяжении уже долгого времени. Негативные демографические тенденции малых городов России изучались Н. В. Мкртчяном [3]. Возможные сценарии развития малых городов были проанализированы Т. А. Верещагиной, П. Я. Дегтяревым и А. И. Тюниным [4]. По мнению авторов, один из вариантов — создание условий для формирования туристско-рекреационных центров. Проблематика малых городов в рамках сферы туризма и рекреации рассматривались М. С. Обориным, М. Ю. Шерешевой, Н. А. Ивановым [5], и авторы сделали вывод об отрицательной динамике ключевых показателей туристской индустрии в некоторых регионах.

Методика исследования

При исследовании перспектив развития туристско-рекреационной сферы малых городов российско-белорусского приграничья под малым городом понимается городской населенный пункт (или поселок городского типа), в котором проживает менее 50 тыс. человек [6, с. 16]. Всего на исследуемой территории располагается 86 малых городов.

Для выявления перспектив развития туристско-рекреационной сферы малых российских городов были определены их особенности, сходства и различия. Малые города Брянской, Псковской и Смоленской областей были проанализированы по следующим критериям.

1. Демографический. Для определения перспектив социально-экономического развития был проведен анализ динамики численности населения малых городов приграничья по данным переписей 2002, 2010 и 2020 гг. [7]. Это позволило сделать вывод о демографических тенденциях, оказывающих прямое воздействие на экономику и туризм.

2. Туристско-рекреационный. Комплексный критерий, состоящий из нескольких аспектов, соответствующих трем видам туристских ресурсов. Природный аспект учитывает наличие ООПТ федерального и регионального значений в зоне транспортной доступности. Культурно-исторический аспект подразумевает наличие объектов культурного наследия федерального и регионального значений. Инфраструктурный аспект включает в себя уровень транспортной доступности города (удаленность от автомобильных дорог федерального (международного) значения или аэропортов менее 30 км), а также наличие функционирующих туристских информационных центров. На основе проведенного анализа и сравнения была предложена типология малых городов по уровню потенциальной туристско-рекреационной привлекательности.

Результаты исследования

Автором были составлены базы данных ООПТ и объектов культурного наследия по каждому малому городу приграничья, их демографической тенденции, транспортной доступности и наличию информационных туристских центров. Хотя далеко не все туристские объекты на сегодняшний день обладают туристской привлекательностью, автор учитывает их потенциальную возможность стать популярным туристским объектом. Стоит отметить существенную неоднородность в территориальной организации туристских ресурсов на территории малых городов исследуемого региона.

При анализе данных переписей населения выявлено, что с 2002 по 2020 г. только в 4 из 86 малых городов (Комаричи, Навля, Большое Полпино и Сосновый Бор) наблюдается положительная динамика населения (рис.). В остальных выражены негативные демографические тенденции, что говорит об их депрессивности.

Рис. Типы приграничных с Республикой Беларусь малых городов России по уровню их туристской привлекательности

Источник: составлено на основе [7; 9].

Существует несколько возможных путей экономического роста для малых городов, один из которых — модернизация малого города в туристско-рекреационный центр [4]. Большое значение для реализации стратегий в сфере туризма имеет туристско-рекреационный потенциал территории.

Природные ресурсы и условия исследуемой территории характерны для большей части центральной России, поэтому существенного аттрактивного эффекта для туристов не имеют. Всего на исследуемой территории насчитывается 6 ООПТ федерального значения и около 230 ООПТ регионального значения.

Культурно-исторические ресурсы малых городов приграничья имеют особое значение не только для сферы туризма, но и для местных жителей, их самосознания, образа жизни. Всего в малых городах рассматриваемой территории находится более 1 тыс. объектов культурного наследия регионального и 85 федерального значения [8].

Из-за нехватки средств на реализацию крупных проектов в индустрии туризма важное значение имеют социально-экономические ресурсы. Как правило, уровень развития туристской и сопутствующей инфраструктуры зависит от размера и выполняемых городом функций. Чем больше численность населения, тем выше уровень развития публичных пространств, сервиса в объектах общественного питания, коллективных средствах размещения (КСР) и т. д. [6, с. 27].

По результатам анализа муниципальных статистических данных выявлено, что в 42 малых городах приграничья количество номеров в КСР — менее 20, в 13 населенных пунктах отсутствуют общедоступные объекты общественного питания [9].

Более 20 малых городов находятся в отдалении от крупных транспортных узлов, автомобильных дорог федерального и регионального значения и аэропортов, что существенно снижает их транспортную доступность.

Выводы

На основе проведенного анализа предлагается следующая типология малых городов по уровню потенциальной туристской привлекательности (см. рис.):

1. Городские населенные пункты — туристские центры (Печоры, Пушкинские Горы, Гдов, Себеж, Порхов, Пржевальское, Гагарин, Дорогобуж и др.). Данный тип характеризуется относительно высоким уровнем организации туристской деятельности. На территории таких городов располагается значительное количество культурно-исторических и природных объектов, представляющих особый интерес для туристов. Проходят традиционные устоявшиеся туристские маршруты («Серебряное ожерелье России», «Александр Невский — имя России» и др.) Функционируют туристские информационные центры с актуальной информацией.

2. Городские населенные пункты, имеющие значительный туристский потенциал (Опочка, Остров, Карачев, Рославль, Ельня, Рудня, Демидов и др.). К данному типу относятся города и пгт, обладающие относительно высоким туристским потенциалом, который не реализован в полной мере. Одна из ключевых проблем — недостаточная информационная поддержка туризма (отсутствие актуальной, регулярно обновляемой информации о дестинации,

средствах размещения, объектах общественного питания и т. д.). Не предлагаются инициативы включения в какой-либо крупный туристский маршрут для популяризации туризма. Неэффективно функционируют (или вообще отсутствуют) туристские информационные центры.

3. Городские населенные пункты, имеющие туристский потенциал, для реализации которого необходимы существенные инвестиционные вложения (большинство малых городов, например: Дно, Ярцево, Велиж, Дедовичи, Сельцо, Сычевка, Мглин, Навля и др.). К данному типу относятся города и пгт, в которых развитию туризма не уделяется достаточного внимания муниципальными и региональными органами власти. Полностью отсутствуют или не функционируют в должной мере информационные туристские ресурсы. Без создания полноценной стратегии развития туризма и значительных финансовых вложений организация прибыльной туристской деятельности в таких малых городах и пгт — практически невыполнимая задача.

4. Городские населенные пункты, в которых создание эффективной туристской сферы требует кардинальных изменений в стратегии развития. Данный тип характеризуется крайне низкой туристской привлекательностью. Причинами этого могут быть: малое количество или отсутствие привлекательных достопримечательностей (Красный Луч, Заплюсье, Сосновый Бор), крайне депрессивное экономическое, демографическое и социальное состояние населенного пункта (Рамасуха, Идрица), низкий уровень развития или полное отсутствие объектов туристской инфраструктуры (Палкино, Заплюсье, Сосновый Бор, Вышков, Алтухово, Рамасуха, Кокоревка, Кардымово, Красный, Монастырщина, Голынки), неблагоприятное состояние окружающей среды (в границах зон радиоактивного загрязнения: Вышков, Злынка, Климово, Красная Гора, Клинцы, Новозыбков) [10].

Результаты данного исследования демонстрируют важность малых городов в пространственной организации туризма и рекреации приграничья. Их депрессивное социально-экономическое состояние приводит к миграции высококвалифицированного трудоспособного населения в столичные и другие более благоприятные регионы. Однако утверждать, что у малых городов нет выхода из сложившейся ситуации, неверно.

Список литературы

1. Морачевская К. А. Феномен приграничности: подходы к интерпретации и роль центр-периферийных градиентов // Региональные исследования. 2022. № 3 (77). С. 44—53.
2. Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на 2018—2022 годы : официальный сайт Постоянного комитета Союзного государства. URL: <https://xn--c1angbpdf.xn--p1ai/documentation> (дата обращения: 22.06.2023).
3. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1 (137). С. 225—242.
4. Верещагина Т. А., Дегтярев П. Я., Тюнин А. И. Кризис традиционной модели развития малых городов // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. 2018. Вып. 6, № 3 (413). С. 53—60.

5. *Оборин М. С.* Проблемы и перспективы развития туристско-рекреационного потенциала малых городов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3, № 3. С. 169—192.

6. *Малые города в социальном пространстве России* : монография / А. Ю. Ардалянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский [и др.] ; отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш. М. : ФНИСЦ РАН, 2019.

7. *Федеральная служба государственной статистики.* Всероссийская перепись населения. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 04.07.2023).

8. *Сведения* из Единого государственного реестра объектов культурного наследия народов Российской Федерации. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn> (дата обращения: 04.07.2023).

9. *База данных* показателей муниципальных образований. URL: <https://gks.ru/dbscripts/munst> (дата обращения: 04.07.2023).

10. *Об утверждении* перечня населенных пунктов, находящихся в границах зон радиоактивного загрязнения вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС : постановление Правительства РФ от 08.10.2015 № 1074. URL: <https://base.garant.ru/71216726/> (дата обращения: 04.07.2023).

Об авторе

Анастасия Константиновна Нижникова, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: stasynizhnikova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6225-4132

The author

Anastasia K. Nizhnikova, postgraduate, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: stasynizhnikova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6225-4132

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ К 60-ЛЕТИЮ КАЛИНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Ю. Д. Рожков-Юрьевский

Калининградская областная научная библиотека (Калининград, Россия)

ОБ ИСТОРИИ ОТДЕЛЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В КАЛИНИНГРАДЕ

В ряде источников указываются ошибочные сведения по истории создания Калининградского областного отделения Русского географического общества (КОО РГО). Так, в Большом энциклопедическом словаре области [1] сообщается, что оно образовано в 1965 г. на базе местного педагогического института (КГПИ), а среди его активных членов не упоминается Калининградский технический институт рыбной промышленности и хозяйства (КТИРПиХ). На основе протоколов заседаний КОО РГО, находящихся в Государственном архиве области (ГАКО) [2], автор установил, что в действительности областной отдел Географического общества СССР (ГО СССР) был создан 17 декабря 1963 г., и основную роль в этом сыграли ученые технического института. Председателем и секретарем отдела стали соответственно сотрудники кафедры гидрологии КТИРПиХ, кандидаты географических наук Д. Я. Беренбейм и И. Я. Нечай. Что касается представителей КГПИ, то они начали свою деятельность в рамках общества в марте 1964 г.

Из материалов заседаний также следует, что еще в 1959 г. член ГО СССР капитан Управления «Мортрансфлот» В. В. Бараташвили проявил инициативу по учреждению в Калининграде регионального общества географов. Однако оно было создано только 4 года спустя.

Региональный отдел сразу стал действовать активно [3]. В январе 1964 г. в нем уже было 70 членов. Организованы лектории «Человек и океан» при ДК рыбаков и «Калининградская орденосная» в областной библиотеке. Инициировано создание курсов по подготовке экскурсоводов. В апреле 1965 г. наш земляк космонавт Алексей Леонов был избран почетным членом Калининградского отдела ГО СССР. В 1969 г. вышел первый научно-популярный сборник «Калининградская область. Очерки природы» [4], вызвавший огромный интерес общественности. А вслед за ним появился сборник «Вопросы географии» [5], содержащий труды ученых о природных ресурсах края с целью их рационального использования и охраны природы. Ответственным за выпуск стал ученый-климатолог, доктор географических наук, профессор А. А. Борисов, который в 1971—1975 гг. являлся ректором Калининградского госуниверситета (КГУ).

Седьмого апреля 1971 г. руководство местным географическим обществом переходит от Калининградского технического института к КГУ. Кандидат гео-

графических наук П. П. Кучерявый, сменивший Д. Я. Беренбейма, был, как и первый руководитель КО РГО, ветераном Великой Отечественной войны и гидрологом. Возглавлять отделение ему пришлось дольше других, почти 20 лет. П. П. Кучерявый стал одним из основателей географического факультета КГУ и его деканом в 1976—1991 гг.

После П. П. Кучерявого руководителями регионального общества географов были доктор наук и профессора КГУ (теперь БФУ им. И. Канта), заслуженные деятели науки России В. М. Литвин, В. В. Орленок и Г. М. Федоров. В настоящее время председателем Калининградского областного отделения Русского географического общества является президент созданного ею Музея Мирового океана С. Г. Сивкова, заслуженный работник культуры РФ. В отличие от прежних председателей, она уроженка Калининградской области, выпускница географического факультета КГУ и единственная женщина.

Список литературы

1. *Большой энциклопедический словарь Калининградской области*. Калининград : Аксиос, 2011.
2. *ГАКО*. Ф. 1144. Оп. № 1. Д. 1. Л. 1.
3. *Рожков-Юрьевский Ю. Д.* У истоков создания географического общества в Калининграде // *Вестник БФУ им. И. Канта*. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2023. № 1. С. 113—117.
4. *Калининградская область. Очерки природы* / Д. Я. Беренбейм, Д. А. Брюханов, В. Д. Ваулина [и др.]. Калининград : Книжное издательство, 1969.
5. *Вопросы географии* / науч. ред. А. А. Борисов, О. Е. Агаханянц, Д. Я. Беренбейм. Калининград : Книжное издательство, 1970.

Об авторе

Юрий Донатович Рожков-Юрьевский, кандидат географических наук, ведущий библиотекарь Центра регионоведения, Калининградская областная научная библиотека, Калининград, Россия.

E-mail: donat1947@mail.ru

М. В. Дробиз

*Филиал «Балтийское аэрогеодезическое предприятие» АО «Роскартография»
(Калининград, Россия)*

ГЕОДЕЗИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАЛИНИНГРАДЕ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

До 1991 г. основная подготовка специалистов топографо-геодезического производства Калининградской области производилась за ее пределами, и в регион по распределению направлялись выпускники отраслевых вузов, техникумов, краткосрочных курсов при предприятиях Главного управления геодезии и картографии. При этом на географическом факультете Калининградского государственного университета в ходе получения высшего образования студенты обучались навыкам выполнения геодезических работ [1—3], что продолжалось до реорганизации факультета географии и геоэкологии в 2013 г. В последующем в БФУ им. И. Канта геодезическое направление подготовки в учебном процессе было представлено в основном на океанологических и землеустроительных специальностях.

Получение среднего специального образования по геодезии и земельно-имущественным отношениям организовано в университетском колледже БФУ им. И. Канта (бывшем Калининградском государственном колледже градостроительства), Калининградском бизнес-колледже и Колледже агротехнологий и природообустройства в Озёрске.

Общая острая нехватка в регионе учебного заведения с базовым геодезическим профилем (по оценкам специалистов, естественный и миграционный отток соответствующих специалистов в организациях составляет 25—30 человек ежегодно) привела к созданию учебной лаборатории Калининградского бизнес-колледжа на базе Балтийского аэрогеодезического предприятия, и за прошедший год в практических занятиях на реальных производственных объектах приняли участие более 50 студентов — будущих работников отрасли. В 2023 г. к проекту создаваемого кластера подготовки геоспециалистов присоединились Сибирский государственный университет геосистем и технологий (СГУГиТ), БФУ им. И. Канта и Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК). Предпринятые усилия, в том числе для организации программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, должны усовершенствовать подготовку работников топографо-геодезического и смежных производств через создание самостоятельной образовательной единицы — Института космической геодезии и фотограмметрии (калининградского филиала МИИГАиК/СГУГиТ), что в конечном итоге при содействии всех заинтересованных сторон отразится на качестве результатов работ и росте престижа геопрофессий в регионе.

Список литературы

1. *Баринова Г. М., Кохановская М. И., Краснов Е. В.* Проблемы и перспективы использования информационных технологий при подготовке специалистов-геоэкологов // Геоинформационное картографирование в регионах России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж, 2009. С. 38—41.
2. *Краснов Е. В., Кремерс Х., Орленок В. В., Тикунов В. С.* Международная конференция «Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт» // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2007. № 1.
3. *Орленок В. В.* Кафедре геоэкологии — 25 лет // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2006. № 1. С. 120—121.

Об авторе

Михаил Валерьевич Дробиз, кандидат географических наук, исполнительный директор — директор филиала «Балтийское аэрогеодезическое предприятие» АО «Роскартография», Калининград, Россия.

E-mail: ceo@baltagp.ru

ORCID: 0000-0001-6372-3255

ОБ ИЗУЧЕНИИ МОРСКИХ БЕРЕГОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В Калининградской области протяженность морской береговой линии — 149 км, большая часть из которых приходится на пляжи Вислинской и Куршской кос. Однако наиболее критичным является Самбийский полуостров — прямоугольный выступ суши, ограниченный со стороны моря крутым абразионным уступом высотой 5—50 м. Динамические процессы, особенно абразии и разрушения, первоначально привлекали внимание исследователей к данной проблеме, обуславливая актуальность изучения современных процессов в береговой полосе [1].

Если первые любительские наблюдения за морским берегом появились еще в конце XVIII — начале XIX в. (например: Дени Дидро «Почта из Кёнигсберга в Мемель», 1773 г.; письма Вильгельма Гумбольдта, 1814 г.), то первые научные труды относятся к заслугам ученых Кёнигсбергского университета. Прежде всего, это Г. Берендт со своей «Геологией Куршского залива и его окружения» [2]. С появлением кафедры геологии качество и объем исследований вышли на новый уровень, затрагивая практически все области. Знаковыми стали исследования Р. Брюкманна [3; 4], Г. Мортензена [5]. Э. Шеллина [6], А. Торнквиста [7; 8]. Последними вышли труды О. Пратье [9] и Х. Хайзера [10].

В советское время обследования морского побережья продолжились в 1958—1959 гг. институтом «Гипрокоммунстрой». В первую очередь — с целью проектирования берегозащитных сооружений [11]. За методику изучения отвечал Институт океанологии АН СССР (Москва), к которому с 1970 г. присоединилась лаборатория динамики морских берегов КГУ [12—14]. В то же время было организовано Управление инженерной защиты (УИЗ), в последующем СНПО «Балтберегозащита». Изучался сброс вскрышных песчаных отложений из карьеров Янтарного комбината [15; 16]. Итоговым результатом этого периода можно назвать «Атлас геологических и эколого-геологических карт Российского сектора Балтийского моря», вышедший в 2010 г. [17].

Актуальные процессы в прибрежной зоне Калининградской области характеризуются усиленной урбанизацией курортных территорий, строительством портовых и капитальных сооружений, что вызывает нарушение сложившихся десятилетиями естественных береговых процессов.

Научный инструментарий переходит к современным методам изучения береговых зон, применению наукоемких технологий: космические данные, аэрофотовидеотехнические средства, воздушное и наземное лазерное сканирование побережья, геоакустические, гидрофизические и литологические методы с использованием точной географической привязки.

За более чем 150 лет наблюдений накоплена база данных, позволяющая совершенствовать представления о направленности и интенсивности береговых процессов и их особенностях в регионе. Ценность представляют многолетние наблюдения за темпами размыва берегов Самбийского полуострова. Сведения о современном состоянии береговой зоны моря необходимы для палеогеографических реконструкций и прогнозных оценок.

Список литературы

1. Рябова О. И., Левченко А. В. Изучение побережья Самбийского полуострова: вклад немецких, советских и российских ученых // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2016. № 3. С. 44—70.
2. Berendt G. Geologie des Kurischen Haffes und seiner Umgebung. Königsberg, 1869. S. 131—238.
3. Brückmann R. Beobachtungen über Strandverschiebungen an der Küste des Samlands // Schr. d. phys.-ök. Ges. Königsberg, 1911, 1912/13, 1913/14. 12 S.; 16 S.; 23 S.
4. Brückmann R. Unser Samlandstrand. Seine Zerstörung und Befestigung. Dargestellt auf Grund mehrjähriger Forschungen und Beobachtungen. Königsberg, 1926. 80 S.
5. Mortensen H. Morphologie der samländischen Steilküste auf Grund einer physiologisch-morphologischen Kartierung des Gebietes, 1921. 70 S.
6. Schellwien E. Geologische Bilder von der samländischen Küste. Schriften d. phys.-ök. Ges. Königsberg 44. Jahrg., 1905. 43 S.
7. Tornguiist A. Über die Wanderung von Blöcken und Sand am ostpreußischen Ostseestrand // Schrift. d. Phys. — ökon. Ges. № 50. 1908. S. 52—69.
8. Tornguiist A. Geologie Ostpreußen. Königsberg, 1910. 231 S.
9. Pratje O. Die Materialwanderung an den Küsten der Ostsee // Hauptbericht 11. VI. Baltische Hydrologische Konferenz. 1938. S. 1—2.
10. Heiser H. Uferschutzbau an der deutschen Ostseeküste // Die Bautechnik. Н. 53. Berlin, 1927. S. 763—783.
11. Схема противооползневых и берегоукрепительных мероприятий побережья Балтийского моря Калининградской области : пояснительная записка / ГРПИ «Гипрокоммунстрой»; рук. работ В. М. Костомаров, гл. инженер проекта Л. К. Зинкина. М., 1972. Т. 1.
12. Болдырев В. Л., Гуделис В. К., Кнапс Р. Я. Потоки песчаных наносов юго-восточной Балтики/ В Исследования динамики рельефа морских побережий. М. : Наука, 1979. С. 14—19.
13. Болдырев В. Л., Гречищев Е. К., Рыбак О. Л. и др. Основы берегозащиты Калининградского побережья Балтики // Baltica. 1982. № 7. С.187—196.
14. Блажчишин А. И., Болдырев В. Л., Морошки К. В. Янтареносные отложения палеогена и условия их залегания на подводном склоне Самбийского полуострова // Тектоника и полезные ископаемые Белоруссии и Прибалтики. Калининград: Изд-во: КГУ, 1978. С. 119—127.
15. Болдырев В. Л. Морфологические и литологические индикаторы регионов развития вдольбереговых потоков песчаных наносов // Изучение основных закономерностей и тенденций перемещения береговой линии Балтийского моря за последние 100 лет. Таллин, 1992. С. 25—33.

16. *Болдырев В. Л., Рябкова О. И.* Динамика береговых процессов на Калининградском побережье Балтийского моря // Изв. РГО. 2001. Т. 133, вып. 5. С. 41—48.

17. *Атлас* геологических и эколого-геологических карт Российского сектора Балтийского моря / гл. ред. О. В. Петров. СПб. : Изд-во ВСЕГЕИ. 2010.

Об авторах

Андрей Викторович Левченков, кандидат географических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: levchenkov5@gmail.com

Ольга Ивановна Рябкова, кандидат географических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ryabko5195@mail.ru

К. В. Бандурин, А. Г. Архипов, Г. Е. Маслянкин

Атлантический филиал ФГБНУ «ВНИРО» (Калининград, Россия)

ОКЕАНИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АТЛАНТИРО

Атлантический филиал Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (АтлантНИРО) — государственный научный центр по изучению водных биологических ресурсов (ВБР). «Ключевая область деятельности филиала — комплексное изучение ВБР и среды их обитания, разработка мер по сохранению ВБР и подготовка материалов для защиты позиций страны в районах действия международных и межгосударственных договоров РФ в области рыболовства и сохранения ВБР» [1, с. 38]. Океанические районы исследований включают акваторию Атлантического океана, в том числе его антарктическую часть, и Юго-Восточную часть Тихого океана.

В 1999 г. АтлантНИРО взял два судна на свой баланс, следствием чего стала интенсификация исследований океана. С начала 2000-х гг. АтлантНИРО проводит экспедиционные исследования в зонах Марокко (практически ежегодно) и Мавритании (до 2012 г.), где работает российский рыболовный флот. В 2012—2013 гг. были проведены экспедиции в зонах Сенегала и Гвинеи-Бисау. В 2000—2010 гг. выполнено семь рейсов на подводные возвышенности Срединно-Атлантического хребта, на Азорские банки и в район скалы Роколл. В море Ирмингера комплексные съемки осуществлялись в 2018 и 2021 гг. В 2002—2003 и 2009—2010 гг. были проведены экспедиции за пределами зон прибрежных государств в Юго-Восточную часть Тихого океана. В 2000, 2002 и в 2019—2020 гг. состоялись экспедиции в Антарктическую часть Атлантики. Всего с 2000 по 2022 г. научные группы АтлантНИРО (11—12 специалистов) участвовали в 46 научно-исследовательских экспедициях в разных районах Атлантики и ЮВТО.

Проводя регулярные исследовательские рейсы, АтлантНИРО успешно выполняет функции по научно-исследовательскому и информационному обеспечению рыболовства России. АтлантНИРО оценивает запасы водных биологических ресурсов и готовит рекомендации по их рациональному использованию в районах Мирового океана, закрепленных за институтом.

Список литературы

1. *Архипов А. Г.* Оценка состояния водных биоресурсов и перспективы отечественного промысла в разных районах Атлантики // Актуальные проблемы освоения водных биологических ресурсов Российской Федерации : материалы Всерос. конф. ученых и специалистов, посвященной 160-летию Н. М. Книповича / отв. ред. К. М. Соколов / Полярный филиал ФГБНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии». Мурманск, 2023. С. 38—44.

Об авторах

Константин Викторович Бандурин, кандидат биологических наук, заместитель директора — руководитель Атлантического филиала ВНИРО, Калининград, Россия.

E-mail: bandurin@atlantniro.ru

Александр Геральдович Архипов, доктор биологических наук, научный координатор Атлантического филиала ВНИРО, Калининград, Россия.

E-mail: arhipov@atlantniro.ru

Григорий Евгеньевич Маслянкин, кандидат биологических наук, руководитель центра водных биоресурсов Мирового океана Атлантического филиала ВНИРО, Калининград, Россия.

E-mail: maslyankin@atlantniro.ru

Л. Ю. Станченко¹, Н. В. Витко¹, О. А. Савостина²

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

² АНО «Центр содействия раннему развитию карьеры в сфере экологии, краеведения и туризма “ГеоГуру» (Калининград, Россия)

ВОЗМОЖНОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Проблема профессионального самоопределения молодежи является весьма актуальной. Часто это основная причина многих негативных социальных явлений, например безработицы или нехватки трудовых ресурсов в ряде отраслей хозяйства страны или отдельно взятого региона. «Адаптация к условиям рыночной экономики требует от молодежи прогнозирования своего развития, а также прогнозирования изменения общества в постоянно меняющейся реальности. В современных условиях именно прогнозирование профессионального самоопределения становится важнейшим условием ее эффективности» [1, с. 96]. Деятельность дополнительных образовательных площадок (помимо школы) становится очень важным дополнением в профессиональном самоопределении школьников. В связи с этим интеграция школы и внешкольной системы дополнительного образования может обеспечить социальный заказ общества в специалистах самых разных сфер профессиональной деятельности, в том числе связанных с географическими отраслями.

Для улучшения ситуации в 2015 г. руководством Института природопользования, пространственного развития и градостроительства БФУ им. И. Канта было принято решение организовать «Географическую школу Калининградского отделения Русского географического общества» (далее Геошкола) — формат научно-популярного лекториума для школьников Калининграда и области, который проработал до 2020 г. и закрылся в связи с эпидемиологической ситуацией по COVID-19. В 2023 г. Геошкола возобновила свою работу, стала официальной структурой в Балтийском федеральном университете в Высшей школе пространственного развития и гостеприимства. Основная задача школы — популяризация географических знаний и стимулирование набора абитуриентов в университет на географические специальности. Геошкола занимается восполнением пробелов образования средней школы по географии; расширением кругозора школьников; профориентацией и знакомством школьников с практическими специальностями; воспитанием экологически грамотного и ответственного поколения, а также творческой личности, способной к успешной самореализации через целенаправленное приобщение к географической культуре. Формы проведения занятий — лекции, музейные занятия и экскурсии, в том числе на профильные предприятия, встречи с их специалистами, выездные практические занятия, полевая практика.

В настоящее время «растет заинтересованность в подготовке высококвалифицированных кадров в области географических наук, привлечение их к работе на длительное время, профессиональном развитии и мотивации их труда» [2, с. 35]. Хочется верить, что высокое качество подготовки в упомянутых лекториях, пул блестящих преподавателей, ученых, экспертов помогут нашей молодежи полюбить географию и сделать правильный выбор своей профессии.

Список литературы

1. *Семина О. А., Клименко Н. С.* Проблемы профессионального самоопределения молодежи // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 12. С. 96—101.
2. *Петрова Н. Н.* География в школе: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Сер. 20: Педагогическое образование. 2019. № 3. С. 30—37. doi: 10.51314/2073-2635-2019-3-30-37.

Об авторах

Лариса Юрьевна Станченко, кандидат географических наук, доцент Высшей школы пространственного развития и гостеприимства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; председатель предметной комиссии ЕГЭ по географии, Калининград, Россия.

E-mail: larstan@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1454-0836

Ольга Александровна Савостина, генеральный директор АНО «Центр содействия раннему развитию карьеры в сфере экологии, краеведения и туризма “ГеоГуру”», Калининград, Россия.

E-mail: golovina_olga@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9354-5493

Наталья Владимировна Витко, старший преподаватель образовательно научного кластера Институт управления и территориального развития, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: selesneva@yandex.ru

ORCID: 0009-0008-2281-014X

С. Е. Захаров

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ГЕОКОНЦЕПТЫ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ

Работа, выполненная на стыке географии, философии и маркетинга, позволяет по-новому взглянуть на привычные теории и методы исследования территорий. С помощью маркетинговых технологий любая осваиваемая территория получает дополнительные инструменты для увеличения ее стоимости и ресурсного потенциала. Бренд становится неотъемлемой частью ресурса, который можно продавать.

Современные ученые-географы понимают под геоконцептом любое значимое для определенного человеческого сообщества место, обладающее устойчивым образом (геоконцепт = образ + топоним + территория). Существует два основных способа формирования геоконцептов — естественный (освоение территории) и искусственный (концептуализация). Под концептуализацией при этом понимается процесс сознательного, конструктивного выстраивания новых смыслов и географических образов территориальной единицы [1]. Естественный способ заключается в натуральном открытии и историческом освоении новой территории. Зарубежное понятие «геоконцепт», оно же «геобренд», несколько отличается. В основе введения термина «геобренд» лежит утверждение, что не только продукты и услуги должны совершенствоваться систему управления брендом, ориентированную на идентичность, которая помогает развивать согласованное исполнение, но и городам необходимо иметь аналогичную систему для управления совокупностью представлений, сложившихся в общественном мнении, и собственной идентичностью [2].

Брендинг мест — относительно новая разработка, и академические исследования в этой области только начинают появляться [3]. Более того, современные ученые утверждают, что бренд представляет собой эмоциональный и психологический договор между потребителем и поставщиком, создающий отношения, которые в конечном итоге стимулируют продажи в будущем. В этом случае, если маркетингологи наладят позитивные отношения между местом и туристами, можно ожидать увеличения лояльности последних.

Для формирования представления о российских территориях ключевое значение имеет использование геоконцептов. На данном этапе восприятия описанного инструмента городского развития можно рассмотреть в качестве примера Калининград. Геоконцепция данного города сформирована вокруг определений «самая западная точка России», «Янтарный край», «форт и порт, стратегически важный объект». На примере Калининграда можно убедиться, что комплексный характер выстраиваемой научно обоснованной информационной модели способствует не только формированию привлекательного для потенциальных туристов имиджа региона, но и принятию верных инвестиционных и управленческих решений.

Список литературы

1. *Калуцков В. Н.* «Имя» в географии: от топонима — к геоконцепту // Известия Российской академии наук. Сер.: Географическая. 2016. № 2. С. 100—107.
2. *Калуцков В. Н.* Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57—69.
3. *Freire J.* Geo-branding, are we talking nonsense? A theoretical reflection on brands applied to places // Place Branding. 2005. Vol. 1, № 4. P. 347—362.

Об авторе

Станислав Евгеньевич Захаров, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: stas.zaharov.97@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5471-3120>

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧЬЯ
НОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Материалы VIII Международной научно-практической конференции

Калининград
16—18 октября 2024 года

Том 8

Редактор *Л. Г. Ванцева*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Дата выхода в свет 19.03.2025 г.
Усл. печ. л. 20,9